

Фашизм

Движение
контрреволюционного
отчаяния

*Статьи о фашизме 1929-40 гг.
Лев Троцкий*

SOCIALISTWORLD.RU

Лев Троцкий

Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г. и один из создателей Красной Армии. Соратник Ленина. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член Исполкома Коминтерна. В первом советском правительстве — нарком по иностранным делам; в 1918—1925 — нарком по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета РСФСР, затем СССР. С 1923 г. — лидер внутрипартийной левой оппозиции. Член Политбюро ВКП(б) в 1919—1926 гг. В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку, в 1929 г. выслан за пределы СССР, а в 1932 г. лишён советского гражданства. После высылки из СССР — создатель и главный теоретик Четвёртого интернационала. Автор работ по истории революционного движения в России, создатель капитальных исторических трудов по революции 1917 г.

Убит агентом НКВД Рамоном Меркадером в Мексике в результате покушения 20 августа

Предисловие

Слово «фашизм» в политическом лексиконе последних лет давно уже превратилось из понятия, обозначающего вполне конкретное социальное и политическое явление, в какое-то бытовое ругательство. Те, кто пережил 90-е годы, без труда вспомнят термины «демофашисты», «коммуно-фашисты», красно-коричневые и т. д. и т. п.

Однако, чтобы бороться с реальным злом, нужно понять его природу; осознать роль, которую зло играет в порождающем его обществе. Предлагаемые в сборнике статьи Льва Троцкого за 1930 — 1940 гг. посвящены анализу фашизма с классовых, марксистских позиций. Но ценно в них не только это. Подход Троцкого — не отвлеченный, «профессорский» анализ. Будучи одним из лучших знатоков революционной стратегии и тактики, он не был бы самим собой, если бы не исследовал все повороты политики организаций, взявших на себя противостояние фашизму.

Статьи эти можно уподобить запискам квалифицированного врача, вынужденного наблюдать, как шарлатаны, отстранившие его от лечения, ведут больного к смерти. Высланный сталинистами из СССР, изолированный на турецком острове Принкипо от связей с рабочим движением, постоянно вынужденный противостоять инсинуациям сталинской пропаганды, Троцкий мог помочь наиболее сознательным борцам рабочего класса только своим острым пером аналитика и журналиста. Но этим оружием он владел в совершенстве. Мысль Льва Троцкого как острый скальпель вскрывала ткань действительности, обнажая движущие силы событий, их истинные причины и последствия.

Проблему фашизма Троцкий рассматривал через призму взаимоотношения трех основных классов современного общества — буржуазии, пролетариата и мелкой буржуазии, которые в политике проявляются через действия их организаций. Именно поэтому он неоднократно с тревогой

отмечает что, рост влияния крайне правых является закономерным итогом зигзагов и ошибок Коммунистического интернационала, допущенных в предшествующий период 1923–1928 гг. Отказ от непосредственной борьбы за власть во время революционной ситуации в Германии в 1923 г. во многом подорвал влияние компартии и усилил социал-демократов, на которых лежал основной груз ответственности за поражение революции 1918–1919 гг. и многочисленные предательства интересов рабочего класса.

Стабилизация капитализма в 1924–1928 гг. еще более укрепила социал-демократические партии Европы, которые многократно превосходили коммунистов по численности — 583 тыс. против 6,6 млн. Для компартий эти годы стали периодом заигрывания с буржуазными партиями в колониальных странах (вступление Компартии Китая в Гоминдан), профсоюзными и реформистскими лидерами (англо-русский комитет в Британии, попытки создания Крестьянского интернационала и т. д.). Фактическое подчинение реформистам еще более ослабило коммунистическое движение, и без того пережившее в предшествующие годы ряд поражений. Именно в этих условиях в ответ на критикулевой оппозиции сталинское руководство Коминтерна объявило в 1928 г. о наступлении «третьего периода» — т. е. окончательного кризиса капитализма и необходимости для коммунистических партий начать непосредственную борьбу за власть, когда условия для этого полностью отсутствовали.

Как естественное продолжение этой политики исполкомом Коминтерна в июле 1929 г. был реанимирован пущенный Зиновьевым еще в 1924 г. в политический оборот тезис о «соцал-фашизме»: *«социал-демократия стала крылом фашизма. Это большой политический факт...»* (выступление Г. Е. Зиновьева на V конгрессе Коминтерна, 18.06.1924 г.). Главным врагом коммунистов была объявлена социал-демократия, особенно левая. Проведение подобной политики на практике привело только к изоляции коммунистов от широких масс рабочих, еще шедших за социал-демократами. И когда в октябре 1929 г. разразился подлинный мировой кризис, Коминтерн оказался уже в достаточной степени скомпрометированным полутора годами теории и тактики «третьего периода».

Между тем, под ударами кризиса, от которого Германия пострадала сильнее других европейских стран, массы мелкой буржуазии, в условиях раскола рабочего движения на враждующие части, колебнулись в сторону гитлеровской НСДАП. Именно их интересам отвечал фашистский лозунг «тотального государства», призванного умерить аппетиты крупной буржуазии путем борьбы с нетрудовыми доходами; национализации трестов; раздела прибыли между крупной промышленностью и государством; ликвидации земельной ренты и спекуляций землей; жестких мер против ростовщичества; передачи универсагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене. Все эти «социалистические» реформы провозглашались в программе НСДАП до ее прихода к власти.

Для крупного же капитала фашистское движение стало прекрасным средством для насильственного уничтожения всех рабочих организаций — партий, профсоюзов и т. д. как единственного способа максимально понизить стоимость рабочей силы. Рабочий класс Германии своим потом и кровью должен был оплатить капиталистическим монополиям возможность выбраться из тисков кризиса.

Тревожный звонок для всех левых партий прозвенел на сентябрьских выборах в рейхстаг 1930 г., показавших взрывной рост влияния НСДАП - с 800 тыс. голосов в 1928 г. до 6,4 млн., — коммунисты получили 4,6 млн., социал-демократы 8,5. Именно этот факт стал отправной точкой для пристального внимания Льва Троцкого к положению в Германии. Итогом его размышлений стал вывод о приближении острого политического кризиса, развязкой которого могла стать либо пролетарская революция, либо приход к власти фашистов с последующей катастрофой для всего рабочего движения. В какую сторону склонится чаша политических весов, в конечном счете зависело от правильности политики, которую должна была проводить революционная сила — компартия Германии (КПГ).

В этом отличие подхода Троцкого от многих сегодняшних исследований, посвященных проблеме фашизма, из которых подспудно вытекает, что победа его в Германии 30-х была объективно неизбежна. Первейшее оправдание побежденных: «Мы старались, но ничего нельзя было сделать...» Работы Льва Троцкого показывают, что с этим выводом категорически нельзя согласиться. Поскольку историческая роль соглашательских организаций вряд ли поменяется и в будущем, такой подход означает не более и не менее как вывод, что фашизму вообще нельзя противостоять. Настоящая проблема в другом: в прошедший исторический период рабочие организации, дезориентированные предательской или сектантской политикой руководства перед лицом наступления фашизма сдались без боя. Непосредственного столкновения не произошло. Итог — страшная деморализация рабочего класса и рождение мифа о «гениальности» Гитлера.

В качестве одной из важнейших причин победы фашизма, злополучные вожди ссылаются, — правда, по секрету, — на «гениальность» Гитлера, который все предусмотрел и ничего не упустил.

(...) Отрицать перевес фашистского руководства над руководством пролетариата, к несчастью, не приходится. Но только из неуместной скромности разбитые вожди умалгивают о своей собственной доле в победе Гитлера. Есть игра в шашки. Есть игра в поддавки. Особенность партии, которая разыгралась в Германии, состояла в том, что Гитлер играл в шашки, его противник — в поддавки. От Гитлера не требовалось политического гения. Стратегия врагов с избытком возмещала прорехи его собственной стратегии. (Л. Троцкий «Немецкая катастрофа». 28.05.33 г.)

Давая свои прогнозы развития обстановки и беспощадно обличая политику руководства Компартии Германии и Коминтерна, Троцкий до последнего надеялся на возможность их поворота к правильной тактике. Однако,

бюрократическое перерождение партии зашло уже настолько далеко, что этим надеждам не суждено было сбыться. Руководству оказалось проще подвести тысячи рабочих под топор палача (зачастую и в буквальном смысле), чем признать собственные ошибки. Монолитными рядами КПГ шла к катастрофе.

Статьи 1933-1935 гг. показывают масштаб этой катастрофы: распад организаций, деморализацию масс, бегство вчерашних вождей. Троцкий беспощадно опровергает бюрократический оптимизм руководства Коминтерна и надежды на скорый самораспад и банкротство фашизма. Отказ от признания КПГ и Коминтерном собственных ошибок и новая полоса их метаний в виде союзов уже не только с социал-демократией (после многих лет «смертельного боя»), но и с откровенно буржуазными партиями — под маркой «народных фронтов» — приводят его к выводу об исчерпании революционной роли Коминтерна и необходимости строительства нового — IV Интернационала.

Но работы Троцкого не просто отмечают путь компартии к катастрофе и регистрируют ошибки вроде участия КПГ в затеянном фашистами в 1931 г. референдуме о доверии социал-демократическому правительству Пруссии, который в случае удачи мог привести Гитлера к власти на год раньше. Троцкий предлагал и выход — отказ от самоубийственной и нелепой теории «социал-фашизма» в пользу тактики единого фронта. Причем, в виде не ультимативно-показных призывов, а реальных совместных действий коммунистов и социал-демократов по защите элементов рабочей демократии — рабочих газет, собраний, митингов и профсоюзов — от нападений фашистских банд. В этом, при условии полной свободы критики и политической самостоятельности компартии, он видит единственный залог победы:

Нигего другого мы не предлагаем. Полная независимость коммунистической организации и прессы, полная свобода коммунистической критики, также и по отношению к социал-демократии и профессиональным союзам. Допускать связывание свободы компартии (например, путем вхождения в Гоминдан) могут только самые презренные оппортунисты. Мы не из их числа.

Нигего не брать назад из нашей критики социал-демократии. Нигего не забывать из прошлого. Весь исторический счет, в том числе и счет за Карла Либкнехта и Розу Люксембург, в свое время будет предъявлен, как и мы, русские большевики, предъявили в конце концов генеральный счет меньшевикам и эсерам за травлю, клевету, аресты, убийства рабочих, солдат и крестьян.

Но мы предъявили свой генеральный счет через два месяца после того, как использовали гостные счеты между Керенским и Корниловым, между «демократами» и фашистами — для того, чтобы тем вернее отбросить фашистов. Только благодаря этому мы и победили. (...)

8 Рабочие-коммунисты, вы — сотни тысяч, миллионы, вам выехать некуда, для вас заграничных паспортов не хватает. В случае прихода к власти

фашизм, как страшный танк, пройдет по вашим черепам и позвоночникам. Спасение только в беспощадной борьбе. А победу может дать только боевое сближение с социал-демократическими рабочими. Спешите, рабочие коммунисты, ибо времени вам осталось немного! (Л. Троцкий. Письмо рабочему-коммунисту. 8 декабря 1931 г)

Строки из 30-х вновь начинают звучать как грозное предостережение...

*Лев Сосновский, Комитет за Рабочий Интернационал
Москва, 20 января 2011*

Поворот Коминтерна и положение в Германии

1. Источники последнего поворота

Тактические повороты, и даже очень крупные, совершенно неизбежны в нашу эпоху. Они вызываются крутыми поворотами объективной обстановки (отсутствие устойчивых международных отношений; резкие и неправильные колебания конъюнктуры; резкие отражения экономических колебаний в политике; импульсивность масс под влиянием чувства безвыходности, и пр.). Внимательное наблюдение за изменениями объективной обстановки является сейчас гораздо более важной и в то же время неизмеримо более трудной задачей, чем до войны, в эпоху «органического» развития капитализма. Руководство партии находится теперь в положении шофера, который ведет автомобиль в гору по острым зигзагам дороги. Несвоевременный поворот, неправильно взятая скорость грозят путникам и экипажу величайшими опасностями, если не гибелью.

Руководство Коминтерна давало нам за последние годы образцы очень крутых поворотов. Последний из них мы наблюдали за последние месяцы. Чем вызываются повороты послеленинского Коминтерна? Изменениями объективной обстановки? Нет. Можно сказать с уверенностью: начиная с 1923 года, не было ни одного тактического поворота, который был бы своевременно произведен Коминтерном под влиянием правильно учтенных изменений объективных условий.

Наоборот: каждый поворот являлся результатом невыносимого обострения противоречия между линией Коминтерна и объективной обстановкой. То же самое мы наблюдаем и на этот раз.

Девятый пленум ИККИ, шестой конгресс и особенно 10-ый пленум взяли курс на крутой и прямолинейный революционный подъем («третий период»), который совершенно исключался в то время объективной обстановкой после величайших поражений в Англии, Китае, ослабления компартий во всем мире, особенно же в условиях торгово-промышленного подъема, охватившего ряд важнейших капиталистических стран. Тактический поворот Коминтерна, начиная с февраля 1928 года, был, таким образом, прямо противоположен реальному повороту исторического пути. Из этого противоречия возникли: тенденции авантюризма, дальнейшая изоляция партий от масс, ослабление организаций и пр. Только после того, как все эти явления приняли явно угрожающий характер, руководство Коминтерна совершило новый поворот, в феврале 1930 года, назад и вправо от тактики «третьего периода».

В силу иронии судьбы, немилосердной ко всякому хвостизму, новый тактический поворот Коминтерна совпал по времени с новым поворотом объективной обстановки. Неслыханной остроты международный кризис несомненно открывает перспективы радикализации масс и социальных потрясений. Именно в этих условиях можно и должно было бы совершить поворот влево, т.-е. взять смелый темп по линии революционного подъема. Это было бы вполне правильно и необходимо, если бы за последние три года руководство Коминтерна использовало, как должно, период экономического оживления, при революционном отливе, для укрепления позиций партии в массовых организациях, прежде всего в профессиональных союзах. При этих условиях шофер мог бы и должен был бы в 1930 году перевести машину со второй скорости на третью, или, по крайней мере, подготовиться к такому переводу в ближайшем будущем. На деле же произошел прямо противоположный процесс. Чтоб не сорваться вниз, шоферу пришлось перейти с несвоевременно взятой третьей скорости на вторую и замедлять темп, — когда? — в условиях, которые при правильной стратегической линии сделали бы обязательным его ускорение.

Таково вопиющее противоречие между тактической необходимостью и стратегической перспективой, противоречие, в каком сейчас, логикой ошибок своего руководства, оказались компартии ряда стран.

Ярче и опаснее всего это противоречие предстает пред нами в Германии, где последние выборы вскрыли исключительно своеобразное соотношение сил, сложившееся в результате не только двух периодов германской послевоенной стабилизации, но и трех периодов ошибок Коминтерна.

2. Парламентская победа компартии в свете революционных задач

Сейчас официальная печать Коминтерна изображает результаты германских выборов, как грандиозную победу коммунизма, которая лозунг Советская Германия ставит в порядок дня. Бюрократические оптимисты не хотят вдумываться в смысл того соотношения сил, которое проявилось в избирательной статистике. Цифру прироста коммунистических голосов они рассматривают совершенно независимо от революционных задач, создаваемых обстановкой, и от ею же выдвигаемых препятствий.

Компартия получила около 4.600.000 голосов против 3.300.000 в 1928 г. Приращение в 1.300.000, с точки зрения «нормальной» парламентской механики представляется огромным, даже если учесть повышение общего числа избирателей. Но выигрыш компартии совершенно бледнеет перед скачком фашизма от 800.000 голосов к 6.400.000. Не менее важное значение для оценки выборов имеет тот факт, что социал-демократия, несмотря на значительные потери, сохранила свои основные кадры и все еще собрала значительно больше рабочих голосов, чем компартия.

Между тем, если спросить себя: какая комбинация международных и внутренних условий способна была бы с наибольшей силой повернуть рабочий класс в сторону коммунизма, то нельзя было бы привести примера более благоприятных для такого поворота условий, чем положение нынешней Германии: петля Юнга, экономический кризис, распад правящих, кризис парламентаризма, ужасающее самообнажение социал-демократии у власти. С точки зрения этих конкретных исторических условий удельный вес германской компартии в общественной жизни страны, несмотря на завоевание 1.300.000 голосов, остается непропорционально малым.

Слабость позиций коммунизма, неразрывно связанная с политикой и режимом Коминтерна, вскрывается еще ярче, если мы сегодняшней социальный вес компартии сопоставим с теми конкретными и неотложными задачами, которые ставятся перед нею нынешними историческими условиями.

Правда, сама компартия не ждала такого приращения. Но это показывает, что под ударами ошибок и поражений руководство компартии отвыкло от больших целей и перспектив. Если вчера оно недооценивало своих собственных возможностей, то сегодня оно снова недооценивает трудности. Так одна опасность помножается на другую.

Между тем первое свойство подлинно революционной партии — уметь глядеть в лицо действительности.

3. Колебания крупной буржуазии

При всяком повороте исторической дороги, при всяком социальном кризисе, надо снова и снова пересматривать вопрос о взаимоотношении трех классов современного общества: крупной буржуазии, руководимой финансовым капиталом; мелкой буржуазии, колеблющейся между основными лагерями; и, наконец, пролетариата.

Крупная буржуазия, составляющая ничтожную часть нации, не может держаться у власти, не имея опоры в мелкой буржуазии города и деревни, т.е. в остатках старого и в массах нового среднего сословия. Эта опора принимает в нынешнюю эпоху две основные формы, политически антагонистичные друг по отношению к другу, но исторически дополняющие друг друга: социал-демократию и фашизм. В лице социал-демократии мелкая буржуазия, идущая за финансовым капиталом, ведет за собой миллионы рабочих.

Крупная германская буржуазия колеблется сейчас, расщеплена. Ее разногласия исчерпываются вопросом, какой из двух методов лечения социального кризиса применить сейчас? Соц.-демократическ. терапия отталкивает одну часть крупной буржуазии неопределенностью своих результатов и опасностью слишком больших накладных расходов (налоги, социальное законодательство, заработная плата). Фашистское хирургическое вмешательство кажется другой части не вызывающимся обстановкой и слишком рискованным. Другими словами, финансовая буржуазия в целом колеблется в оценке обстановки, не видя еще достаточных оснований провозгласить наступление своего «третьего периода», когда социал-демократия подлежит безусловной замене фашизмом, причем при генеральном расчете социал-демократия, как известно, подвергается за оказанные ею услуги генеральному погрому. Колебания крупной буржуазии — при ослаблении ее основных партий — между социал-демократией и фашизмом представляют чрезвычайно яркий симптом предреволюционного состояния. С наступлением действительно революционных условий эти колебания прекратились бы, разумеется, сразу.

4. Мелкая буржуазия и фашизм

Чтобы социальный кризис мог привести к пролетарской революции, необходимо, помимо прочих условий, решительный сдвиг в мелкобуржуазных классах в сторону пролетариата. Это дает возможность пролетариату стать во главе нации, в качестве ее вождя.

Последние выборы обнаруживают — и в этом их главное симптоматическое значение — противоположный сдвиг. Под ударом кризиса мелкая буржуазия качнулась не в сторону пролетарской революции, а в сторону самой крайней империалистской реакции, увлекая за собою значительные слои пролетариата.

Гигантский рост национал-социализма является выражением двух фактов: глубокого социального кризиса, выбивающего мелкобуржуазные массы из равновесия, и отсутствия такой революционной партии, которая уже сегодня являлась бы в глазах народных масс признанным революционным руководителем. Если коммунистическая партия есть **партия революционной надежды**, то фашизм, как массовое движение, есть **партия контрреволюционного отчаяния**. Когда революционная надежда охватывает весь пролетарский массив, то он неизбежно увлекает за собой на путь революции значительные и возрастающие слои мелкой буржуазии. Как раз в этой области выборы вскрывают противоположную картину: контрреволюционное отчаяние охватило мелкобуржуазный массив с такой силой, что он увлек за собой значительные слои пролетариата.

Чем это объяснить? В прошлом мы наблюдали (Италия, Германия) резкое усиление фашизма, победоносное или, по крайней мере, угрожающее, в результате исчерпанной или упущенной революционной ситуации, на исходе революционного кризиса, в течение которого пролетарский авангард обнаруживал свою неспособность встать во главе нации, чтоб изменить судьбу всех ее классов, в том числе и мелкой буржуазии. Именно это и придало фашизму особенную силу в Италии. Но сейчас дело идет в Германии не об исходе революционного кризиса, а только о его приближении. Отсюда руководящие партийные чиновники, оптимисты по должности, делают тот вывод, что фашизм, придя «слишком поздно», обречен на неизбежное и скорое поражение («Die Rote Fahne»). Эти люди ничему не хотят учиться. Фашизм приходит «слишком поздно» по отношению к старым революционным кризисам. Но он является достаточно рано — на заре — по отношению к новому революционному кризису. То, что он получил возможность занять столь могущественную исходную позицию **накануне** революционного периода, а не на его исходе, составляет не слабую сторону фашизма, а слабую сторону коммунизма. Мелкая буржуазия не ждет, следовательно, новых разочарований в способности компартии улучшить ее судьбу, — она опирается на опыт прошлого, она помнит урок 1923 года, козлиные прыжки ультралевого курса Маслова-Тельмана, оппортунистическое бессилие того же Тельмана, трескотню «третьего периода» и пр. Наконец, — и это самое главное — ее недоверие к пролетарской революции питается недоверием к компартии со стороны миллионов социал-демократических рабочих. Мелкая буржуазия, даже полностью выбитая событиями из консервативной колеи, может повернуться в сторону социальной революции только в том случае, если на этой стороне имеются симпатии большинства рабочих. Именно это важнейшее условие в Германии еще отсутствует, и отсутствует не случайно.

Программная декларация германской компартии перед выборами была целиком и исключительно посвящена фашизму, как главному врагу. Между тем фашизм вышел победителем, собрав не только миллионы полупролетарских элементов, но и многие сотни тысяч индустриальных рабочих. В этом и выражается тот факт, что, несмотря на парламентскую победу компартии, пролетарская революция, как целое, потерпела в этих выборах серьезное поражение, разумеется, предупредительного, предупредительного, но не решающего характера. Оно

может стать решающим и неизбежно станет решающим, если компартия не сумеет свою частную парламентскую победу оценить в связи с указанным «предварительным» поражением революции в целом и сделать отсюда все необходимые выводы.

Фашизм стал в Германии реальной опасностью, как выражение острой безвыходности буржуазного режима, консервативной роли социал-демократии по отношению к этому режиму и накопленной слабости коммунистической партии, чтоб опрокинуть этот режим. Кто это отрицает, тот слепец или фанфарон.

В 1923 году Брандлер, вопреки всем нашим предупреждениям, чудовищно переоценивал силы фашизма. Из ложной оценки соотношения сил выросла выжидательная, уклончивая, оборонительная, трусливая политика. Это погубило революцию. Такие события не проходят бесследно для сознания всех классов нации. Переоценка фашизма со стороны коммунистического руководства создала одно из условий для его дальнейшего усиления. Противоположная ошибка, именно недооценка фашизма со стороны нынешнего руководства компартии может привести революцию к еще более тяжкому крушению на долгий ряд лет.

Опасность приобретает особую остроту в связи с вопросом о темпе развития, который ведь зависит не только от нас. Малярийный характер политической кривой, обнаруженный на выборах, говорит за то, что темп развития национального кризиса может оказаться и очень быстрым. Другими словами, ход событий может уже в ближайшее время возродить в Германии, на новой исторической высоте, старое трагическое противоречие между зрелостью революционной обстановки, с одной стороны, слабостью и стратегической несостоятельностью революционной партии, с другой. Это надо сказать ясно, открыто и, главное, заблаговременно.

5. Компартия и рабочий класс

Было бы чудовищной ошибкой утешать себя тем, например, что большевистская партия в апреле 1917 г., после приезда Ленина, когда партия только и начала готовиться к завоеванию власти, имела менее 80.000 членов и вела за собою даже в Петрограде не более трети рабочих и гораздо меньшую часть солдат. Положение в России было совсем иным. Революционные партии только в марте вышли из подполья, после почти трехлетнего перерыва даже той придушенной политической жизни, которая была до войны. Рабочий класс за время войны обновился приблизительно на 40%. Подавляющая масса пролетариата не знала большевиков, даже не слышала о них. Голосование за меньшевиков и эсеров в марте—июне было просто выражением первых колеблющихся шагов после пробуждения. В этом голосовании не было и тени разочарования в большевиках или накопленного недоверия к ним, которое может сложиться лишь в результате ошибок партии, проверенных массой на опыте. Наоборот, каждый день революционного опыта 1917 года отталкивал массы от соглашателей в сторону большевиков. Отсюда бурный, неудержимый рост рядов партии и особенно ее влияния.

В корне отличный характер имеет в этом отношении, как и во многих других, положение в Германии. Немецкая коммунистическая партия не вчера и не третьего дня выступила на открытую сцену. В 1923 году она имела за себя, открыто или полузамаскировано, большинство рабочего класса. В 1924 году, на падающей волне, она собрала три миллиона шестьсот тысяч голосов, больший процент рабочего класса, чем сейчас. Это значит, что те рабочие, которые остались с социал-демократией, как и те, которые голосовали этот раз за национал-социалистов, действовали так не по простому неведению, не потому, что они только вчера проснулись, не потому, что они еще не успели узнать, что такое коммунистическая партия, а потому, что они **не верят** ей на основании собственного опыта последних лет.

Не забудем, что в феврале 1928 года 9-ый пленум ИККИ дал сигнал к усиленной, чрезвычайной, непримиримой борьбе с «социал-фашистами». Германская социал-демократия почти все это время находилась у власти, обнаруживая на каждом шагу перед массами свою преступную и постыдную роль. И все это завершилось грандиозным экономическим кризисом. Трудно придумать условия, более благоприятные для ослабления социал-демократии. Между тем она в основе сохранила свои позиции. Чем же объяснить этот поразительный факт? Только тем, что руководство компартии всей своей политикой помогало социал-демократии, подпирая ее слева.

Это вовсе не значит, что голосуя за социал-демократию, пять-шесть миллионов рабочих и работниц выразили ей полное и неограниченное доверие. Не надо рабочих-социал-демократов считать слепцами. Они не так уж наивны в отношении к своим вождям, но они не видят при данном положении для себя иного выхода. Мы, конечно, говорим не о рабочей аристократии и бюрократии, а о рядовых рабочих. Политика компартии не внушает им доверия не потому, что компартия революционная партия, а потому, что они не верят в ее способность одержать революционную победу, и не хотят зря рисковать головой. Голосуя, скрепя сердце, за социал-демократию, такие рабочие не выражают ей доверия, но зато они выражают недоверие к компартии. В этом огромное отличие нынешнего положения германских коммунистов от положения русских большевиков в 1917 году.

Но этим одним трудности не исчерпываются. Внутри самой коммунистической партии, и особенно в кругу поддерживающих ее или только голосующих за нее рабочих есть большой запас глухого недоверия к руководству партии. Отсюда вырастает то, что называют «диспропорцией» между общим влиянием партии и численностью ее состава, особенно ее ролью в профсоюзах, — в Германии такая диспропорция несомненно существует. Официальное объяснение диспропорции таково, что партия не умеет организованно «закреплять» свое влияние. Здесь масса рассматривается как чисто пассивный материал, который входит или не входит в партию исключительно в зависимости от того, умеет ли секретарь взять каждого рабочего за жабры. Бюрократ не понимает, что у рабочих есть своя мысль, свой опыт, своя воля и своя активная или пассивная политика по отношению к партии. Рабочий голосует за партию, — за ее знамя, за Октябрьскую революцию, за свою будущую революцию. Но, отказываясь вступить в компартию, или следо-

вать за нею в профсоюзной борьбе, он говорит этим, что не доверяет ее повседневной политике. «Диспропорция» есть следовательно в последнем счете форма выражения недоверия масс к нынешнему руководству Коминтерна. И это недоверие, созданное и закрепленное ошибками, поражениями, фикциями и прямыми обманами массы в течение 1923—1930 гг., представляет одно из величайших препятствий на пути победы пролетарской революции.

Без внутреннего доверия к себе, партия не овладеет классом. Не овладев пролетариатом, она не оторвет мелкобуржуазных масс от фашизма. Одно неразрывно связано с другим.

6. Назад ко «второму» периоду или снова — навстречу «третьему»?

Если воспользоваться официальной терминологией центризма, то придется проблему формулировать следующим образом. Руководство Коминтерна навязало национальным секциям тактику «третьего периода», т.-е. тактику непосредственного революционного подъема, в такое время (1928 г.), которое заключало в себе наиболее ярко выраженные черты «второго периода», т.-е. стабилизацию буржуазии, отлива и упадка революции. Возникший отсюда поворот 1930 года означал отказ от тактики «третьего периода» в пользу тактики «второго периода». Между тем этот поворот проложил себе дорогу через бюрократический аппарат в такой момент, когда важнейшие симптомы стали ярко свидетельствовать, по крайней мере, в Германии, о действительном приближении «третьего периода». Не вытекает ли из всего этого необходимость нового тактического поворота, — в сторону только что покинутой тактики «третьего периода»?

Мы пользуемся этими обозначениями для того, чтобы сделать более доступной самую постановку проблему для тех кругов, сознание которых засорено методологией и терминологией центристской бюрократии. Но мы ни в каком смысле не собираемся усваивать эту терминологию, за которой скрывается сочетание сталинского бюрократизма с бухаринской метафизикой. Мы отвергаем апокалиптическое представление о «третьем» периоде, как о последнем: число периодов до победы пролетариата есть вопрос соотношения сил и изменений обстановки; все это может быть проверено лишь через действие. Но мы отвергаем самую сущность стратегического схематизма, с его нумерованными периодами: нет абстрактной, заранее установленной тактики для «второго» и для «третьего» периода. Разумеется, нельзя прийти к победе и завоеванию власти без вооруженного восстания. Но как прийти к восстанию? Какими методами и каким темпом мобилизовать массы, это зависит не только от объективной обстановки вообще, но прежде всего от того состояния, в котором наступление социального кризиса в стране застает пролетариат, от отношений между партией и классом, между пролетариатом и мелкой буржуазией

и пр. Состояние пролетариата у порога «третьего периода» зависит, в свою очередь, от того, какую тактику партия применяла в предшествующий период.

Нормальным, естественным изменением тактики при нынешнем повороте обстановки в Германии должно было бы быть **ускорение темпа, обострение лозунгов и методов борьбы**. Но этот тактический поворот был бы нормальным и естественным лишь в том случае, если б темп и лозунги борьбы вчерашнего дня соответствовали условиям предшествующего периода. Но этого не было и в помине. Резкое несоответствие ультралевой политики и стабилизационной обстановки и является ведь причиной тактического поворота. В результате получилось то, что в момент, когда новый поворот объективной обстановки, наряду с неблагоприятной общей перегруппировкой политических сил, принес коммунизму крупный выигрыш голосов, партия оказывается стратегически и тактически более дезориентирована, запутана и сбита с толку, чем когда бы то ни было.

Для пояснения противоречия, в какое попала германская компартия, как и большинство других секций Коминтерна, но гораздо глубже их, возьмем самое простое сравнение. Чтобы совершить прыжок через барьер, нужен предварительный разбег. Чем выше барьер, тем важнее своевременно начать разбег, не слишком поздно, но и не слишком рано, чтоб приблизиться к препятствию с необходимым запасом сил. Между тем, германская компартия с февраля 1928 года, особенно же с июля 1929 года, только и делала, что брала разбег. Не мудрено, если партия начала задыхаться и волочить ноги. Коминтерн, наконец, скомандовал: «реже шаг!». Но едва начала запыхавшаяся партия переходить на более нормальный шаг, как перед ней стал, по видимому, вырисовываться не мнимый, а действительный барьер, который может потребовать революционного скачка. Хватит ли дистанции на разбег? отказаться ли от поворота, заменив его контр-поворотом? — вот тактические и стратегические вопросы, которые встают перед германской партией во всей своей остроте.

Чтобы руководящие кадры партии могли найти правильный ответ на эти вопросы, они должны иметь возможность ближайший отрезок пути оценить в связи со всей стратегией последних лет и с ее последствиями, как они обнаружили на этих выборах. Если бы, в противовес этому, бюрократии удалось криками о победе заглушить голос политической самокритики, это неизбежно привело бы пролетариат к катастрофе, более страшной, чем катастрофа 1923 года.

7. Возможные варианты дальнейшего развития

18 Революционная ситуация, ставящая перед пролетариатом непосредственно проблему завоевания власти, складается из объективных и субъективных элементов, связанных друг с другом и в значительной мере обуславливающих друг друга. Но эта взаимообусловленность относительна. Закон

неравномерного развития распространяется целиком и на факторы революционной ситуации. Недостаточное развитие одного из них может привести к тому, что-либо революционная ситуация вообще не придет к взрыву, а рассосется, либо, придя ко взрыву, закончится поражением революционного класса. Каково на этот счет положение в нынешней Германии?

1. Глубокий национальный кризис (хозяйство, международное положение) безусловно налицо. На нормальных путях буржуазно-парламентского режима выхода не видно.

2. Политический кризис господствующего класса и его системы управления совершенно несомненен. Это не парламентский кризис, а кризис классового господства.

3. Революционный класс, однако, еще глубоко расщеплен внутренними противоречиями. Усиление революционной партии за счет реформистской находится в самом начале и происходит пока еще темпом, далеко не соответствующим глубине кризиса.

4. Мелкая буржуазия уже в самом начале кризиса заняла положение, угрожающее **нынешней системе** господства капитала, но в то же время смертельно враждебное пролетарской революции.

Другими словами: имеются налицо основные объективные условия пролетарской революции; имеется одно из ее политических условий (состояние правящего класса); другое из политических условий (состояние пролетариата) лишь начало изменяться в сторону революции и, уже в силу наследия прошлого, не может изменяться быстро; наконец, третье политическое условие (состояние мелкой буржуазии) направлено не в сторону пролетарской революции, а в сторону буржуазной контрреволюции. Изменение этого последнего условия в благоприятную сторону не может быть достигнуто без радикальных изменений в самом пролетариате, т.-е. без политической ликвидации социал-демократии.

Мы имеем, таким образом, глубоко противоречивую обстановку. Одни из ее факторов ставят пролетарскую революцию в порядок дня; другие же исключают возможность ее победы в ближайший период, т.-е. без предварительного глубокого изменения в политическом соотношении сил.

Теоретически мыслимы несколько вариантов дальнейшего развития нынешней обстановки в Германии, в зависимости как от объективных причин, причисляя к последним и политику классовых врагов, так и от поведения самой компартии. Намечтим схематически четыре возможных варианта развития.

1. Компартия, напуганная собственной стратегией третьего периода, продвигается вперед ощупью, с крайней осторожностью, избегая рискованных шагов и — без боя упускает революционную ситуацию. Это означало бы видоизмененное повторение политики Брандлера 1921—1923 гг. В этом направлении, отра-

жающем давлении социал-демократии, будут толкать брандлерянцы и полубрандлерянцы, вне партии и внутри ее.

2. Под влиянием избирательного успеха партия, наоборот, делает новый резкий поворот влево, в сторону прямой борьбы за власть и, будучи партией активного меньшинства, терпит катастрофическое поражение. В этом направлении толкают: фашизм; крикливая, неумная, ничего не взвешивающая, не просвещающая, а оглушающая агитация аппарата; отчаяние и нетерпение части рабочего класса, особенно безработной молодежи.

3. Возможно, далее, что руководство, ни от чего не отказываясь, будет пытаться эмпирически найти среднюю линию между опасностями двух первых вариантов, совершит при этом ряд новых ошибок и вообще настолько медленно будет преодолевать недоверие пролетариата и полупролетарских масс, что тем временем объективные условия успеют измениться в неблагоприятную для революции сторону, уступив место новой полосе стабилизации. В этом эклектическом направлении, сочетающем общий хвостизм с частными авантюрами, больше всего толкает германскую партию московская сталинская верхушка, боящаяся занять ясную позицию и готовящая для себя заранее алиби, т. е. возможность перекинуть с себя ответственность на «исполнителей», — направо или налево, смотря по результатам. Это достаточно нам знакомая политика, жертвующая всемирно-историческими интересами пролетариата в интересах «престижа» бюрократической верхушки. Теоретические предпосылки такого курса уже даны в «Правде» от 16 сентября.

4. Наконец, наиболее благоприятный, вернее сказать, единственно благоприятный вариант: германская партия, усилием лучших своих, наиболее сознательных элементов, отдает себе ясный отчет во всех противоречиях нынешней обстановки. Правильной, смелой и гибкой политикой партия успевает еще на основах нынешней ситуации объединить большинство пролетариата и добиться перемены фронта полупролетарских и наиболее угнетенных мелкобуржуазных масс. Пролетарский авангард, как вождь нации трудящихся и угнетенных, приходит к победе. Помочь партии перевести на этот путь свою политику есть задача большевиков-ленинцев (левой оппозиции).

Было бы бесплодно гадать о том, какой из этих вариантов имеет больше шансов на осуществление в ближайший период. Такие вопросы разрешаются не гаданиями, а борьбой.

Необходимым ее элементом является непримиримая идейная борьба с центристским руководством Коминтерна. Из Москвы уже дан сигнал политики бюрократического престижа, которая перекрывает вчерашние ошибки и подготавливает завтрашние фальшивыми криками о новом торжестве линии. Чудовищно преувеличивая победу партии, чудовищно преуменьшая трудности, истолковывая даже успех фашистов, как положительный фактор пролетарской революции, «Правда» делает, однако, маленькую оговорку. *«Успехи партии не*

должны вскружить голову». Вероломная политика сталинского руководства и тут верна себе. Анализ обстановки дается в духе не критической ультралевизны. Партия этим заведомо толкается на путь авантюризма. В то же время Сталин заранее подготавливает себе алиби при помощи ритуальной фразы о «головокружении». Именно эта политика, близорукая, недобросовестная, может погубить германскую революцию.

8. Где выход?

Мы дали выше, без всяких смягчений и прикрас, анализ трудностей и опасностей, относящихся целиком к политической, субъективной сфере, выросших главным образом из ошибок и преступлений эпигонского руководства и ныне явно угрожающих сорвать новую, на наших глазах слагающуюся революционную ситуацию. Чиновники либо закроют на наш анализ глаза, либо освежат запас ругательств. Но вопрос идет не о безнадёжных чиновниках, а о судьбе германского пролетариата. В партии, в том числе и в аппарате ее, есть немало людей, которые наблюдают и мыслят и которых острая обстановка заставит завтра мыслить с удвоенным напряжением. К ним мы и обращаемся с нашим анализом и нашими выводами.

Всякая кризисная обстановка заключает в себе большие источники неопределенности. Настроения, взгляды и силы, враждебные и дружественные, формируются в самом процессе кризиса. Их нельзя заранее математически предвидеть. Их надо измерять в процессе борьбы, через борьбу, и на основе этих живых измерений вносить в свою политику необходимые поправки.

Можно ли учесть заранее силу консервативного сопротивления социал-демократических рабочих? Нельзя. В свете событий последних лет эта сила кажется гигантской. Но ведь вся суть в том, что больше всего содействовала сплочению социал-демократии ложная политика компартии, нашедшая свое высшее обобщение в нелепой теории социал-фашизма. Чтоб измерить действительную сопротивляемость социал-демократических рядов, нужен другой измерительный прибор, т.е. правильная коммунистическая тактика. При этом условии, — а это не маленькое условие, — может обнаружиться в сравнительно короткий срок, в какой степени социал-демократия изъедена внутри.

В иной форме сказанное выше относится и к фашизму. Он взошел, при прочих наличных условиях, на дрожжах зиновьевско-сталинской стратегии. Какова его наступательная сила? Какова его устойчивость? Достиг ли он кульминации, как уверяют нас оптимисты по должности, или только первой ступени? Этого нельзя механически предсказать. Это можно определить только через действие. Как раз в отношении фашизма, который является бритвой в руках классового врага, ошибочная политика компартии может в очень короткий срок привести к фатальному результату. С другой стороны, правильная политика, правда, не в столь короткий срок, может подкопать позиции фашизма.

Революционная партия во время кризисов режима бывает гораздо сильнее во внепарламентской массовой борьбе, чем в рамках парламентаризма. При одном, опять-таки, условии: если она правильно разбирается в обстановке и умеет практически связать живые потребности масс с задачей завоевания власти. К этому сводится сейчас все.

Было бы, поэтому, величайшей ошибкой видеть в нынешнем положении Германии одни лишь трудности и опасности. Нет, положение открывает и огромные возможности при условии, если оно будет ясно и до конца понято и правильно использовано.

Что для этого нужно?

1. Вынужденный поворот «вправо», в то время как обстановка поворачивается «влево», требует особо внимательного, добросовестного и умелого наблюдения за дальнейшим изменением всех факторов обстановки.

Надо сразу отбросить прочь абстрактное противопоставление методов второго и третьего периода. Надо брать обстановку, как она есть, со всеми ее противоречиями и с живой динамикой ее развития. Надо бдительно равняться по реальным изменениям этой обстановки и воздействовать на нее в направлении ее действительного развития, а не в угоду схемкам Молотова или Куусинена.

Ориентироваться в обстановке — важнейшая и труднейшая часть задачи. Бюрократическими методами она вообще не разрешима. Статистика, как она сама по себе ни важна, для этой цели недостаточна. Нужно каждодневно прощупывать самые глубокие толщи пролетариата и вообще трудящихся. Нужно не только выдвигать жизненные и захватывающие лозунги, но и следить за тем, как они преломляются в массах. Этого можно достигнуть только через активную партию, просовывающую всюду десятки тысяч щупальцев, собирающую их показания, обсуждающую все вопросы и активно вырабатывающую свое коллективное мнение.

2. С этим неразрывно связан вопрос о режиме партии. Люди, назначаемые из Москвы, независимо от доверия или недоверия партии, не смогут вести массы на штурм капиталистического общества. Чем искусственнее нынешний режим, тем глубже будет его кризис в дни и часы решения. Из всех «поворотов» самый необходимый и неотложный касается партийного режима. Это вопрос жизни и смерти.

3. Изменение режима есть предпосылка изменения курса и вместе с тем его последствие. Одно без другого немислимо. Партия должна вырваться из атмосферы фальши, условностей, замалчивания реальных бед, прославления мнимых ценностей, — словом, из губительной атмосферы сталинизма, которая создается не идейным и политическим влиянием, а грубой материальной зависимостью аппарата и основанными на этом методами командования.

Одним из необходимых условий освобождения партии из бюрократического пленения является генеральная проверка «генеральной линии» германского руководства, начиная с 1923 года и даже с мартовских дней 1921 года. Левая оппозиция в ряде документов и теоретических работ дала свою оценку всех этапов злосчастной официальной политики Коминтерна. Эта критика должна стать достоянием партии. Обойти и замолчать ее не удастся. Партия не поднимется до уровня своих великих задач, не оценив свободно свое настоящее в свете своего прошлого.

4. Если коммунистическая партия, несмотря на исключительно благоприятные условия, оказалась бессильной серьезно потрясти здание социал-демократии при помощи формулы «социал-фашизма», то реальный фашизм угрожает теперь этому зданию уже не только словесными формулами мнимого радикализма, но и химическими формулами взрывчатых веществ. Как бы ни было верно то положение, что социал-демократия всей своей политикой подготовила расцвет фашизма, не менее верным остается то, что фашизм выступает как смертельная угроза прежде всего для самой социал-демократии, все великолепие которой неразрывно связано с парламентарно-демократически-пацифистскими формами и методами государства.

Что вожди социал-демократии и тонкий слой рабочих-аристократов в крайнем случае предпочтут торжество фашизма революционной диктатуре пролетариата, на этот счет не может быть никаких сомнений. Но именно приближение такого выбора создает для социал-демократического руководства исключительные трудности пред лицом их собственных рабочих. Политика единого фронта рабочих против фашизма вытекает из всей обстановки. Она открывает пред коммунистической партией огромные возможности. Условием успеха является, однако, отказ от теории и практики «социал-фашизма», вредность которой становится в настоящих условиях прямо-таки угрожающей.

Социальный кризис неизбежно вызовет глубокие трещины внутри социал-демократии. Радикализация масс скажется и на рабочих с.-д. задолго до того, как они перестанут быть социал-демократами. Нам неизбежно придется заключать с разными социал-демократическими организациями и фракциями соглашения против фашизма, ставя при этом вождям определенные условия пред лицом масс. Связывать себя заранее формальным обязательством против таких соглашений могут только перепуганные оппортунисты, вчерашние союзники Персея и Кука, Чан-Кай-Ши и Ван-Тин-Вея. От пустой чиновничьей фразы о едином фронте нужно вернуться к политике единого фронта, как она формулирована была Лениным, и как она применялась большевиками всегда, особенно же в 1917 году.

5. Проблема безработицы является одним из важнейших элементов политического кризиса. Борьба против капиталистической рационализации и за 7-часовой рабочий день остается полностью в порядке дня. Но поднять эту борьбу на высоту революционных задач может только лозунг широкого планового сотрудничества с Советским Союзом. В программной декларации к выборам ЦК

германской партии заявляет, что **после прихода к власти** коммунисты установят хозяйственное сотрудничество с СССР. Это несомненно. Но нельзя противопоставлять историческую перспективу политическим задачам сегодняшнего дня. Рабочих и, в первую голову, безработных, надо уже сегодня мобилизовать под лозунгом широкого хозяйственного сотрудничества с республикой Советов. Госплан СССР должен при участии немецких коммунистов и профессионалистов выработать план экономического сотрудничества, который, исходя из сегодняшней безработицы, развертывается во всестороннее сотрудничество, охватывающее все основные отрасли хозяйства. Задача не в том, чтоб обещать, после прихода к власти, перестроить хозяйство; а в том, чтоб прийти к власти. Задача не в том, чтоб обещать сотрудничество советской Германии и СССР, а в том, чтоб завоевать сегодняшние рабочие массы для этого сотрудничества, связав его тесно с кризисом и безработицей и развернув его в дальнейшем в гигантский план социалистического переустройства обеих стран.

6. Политический кризис в Германии ставит под знак вопроса версальский режим в Европе. ЦК германской компартии говорит, что придя к власти германский пролетариат ликвидирует версальские документы. И это все? Ниспровержение версальского договора, как высшее достижение пролетарской революции! Что же будет поставлено на место этого? Об этом ни слова. Такая негативная постановка вопроса сближает партию с национал-социалистами. **Советские Соединенные Штаты Европы** — единственно правильный лозунг, указывающий выход из европейской раздробленности, грозящей не только Германии, но и всей Европе полным хозяйственным и культурным упадком.

Лозунг пролетарского объединения Европы является в то же время очень важным орудием в борьбе против гнусностей фашистского шовинизма, травли против Франции и пр. Самая неправильная, самая опасная политика это та, которая состоит в пассивном приспособлении к врагу, в подкрашивании себя под него. Лозунгам национального отчаяния и национального бешенства надо противопоставить лозунги интернационального выхода. А для этого необходимо собственную партию очистить от отравы национал-социализма, главным элементом которого является теория социализма в отдельной стране.

Чтобы свести все сказанное выше к одной простой формуле, поставим вопрос так: должна ли тактика германской компартии в ближайший период вестись под знаком **обороны** или **наступления**? Мы отвечаем: обороны.

Если б столкновение произошло сегодня, в результате наступления компартии, то пролетарский авангард расшил бы себе голову о блок государства с фашизмом, при испуганном и недоуменном нейтралитете большинства рабочего класса и при прямой поддержке фашизму со стороны большинства мелкой буржуазии.

Позиция обороны означает политику сближения с большинством германского рабочего класса и единый фронт с социал-демократическими и беспартийными рабочими против фашистской опасности.

Отрицать эту опасность, преуменьшать ее, относиться к ней легкомысленно есть самое большое преступление, которое только можно сегодня совершить по отношению к пролетарской революции в Германии.

Что будет «оборонять» коммунистическая партия? Веймарскую конституцию? Нет, эту задачу мы предоставим Брандлеру. Компартия должна звать к обороне тех материальных и духовных позиций, которые успел завоевать для себя в германском государстве рабочий класс. Дело идет самым непосредственным образом о судьбе его политических организаций, его профессиональных союзов, газет и типографий, клубов и библиотек и проч. Рабочий коммунист должен сказать рабочему социал-демократу: «Политика наших партий непримирима; но если фашисты придут этой ночью громить помещение твоей организации, то я явлюсь к тебе на помощь с оружием в руках. Обещаешь ли ты, в случае, если опасность будет угрожать моей организации, поспешить на помощь?». Вот квинтэссенция политики настоящего периода. Вся агитация должна быть построена по этому камертону.

Чем настойчивее, серьезнее, взвешивее — без визга и хвастовства, столь быстро приедающихся рабочим, — мы будем вести эту агитацию, чем более дельные организационные меры обороны мы будем предлагать в каждом заводе, в каждом рабочем квартале и районе, тем меньше опасности, что наступление фашистов застигнет нас врасплох, тем больше уверенности, что наступление это сплотит, а не расколет рабочие ряды.

Именно фашисты, благодаря своему головокружительному успеху благодаря мелкобуржуазному, нетерпеливому и не дисциплинированному составу своей армии, склонны будут в ближайший период зарываться по части наступления. Конкурировать с ними сейчас на этом пути было бы не только безнадежно, но и смертельно опасно. Наоборот, чем больше фашисты будут иметь в глазах социал-демократических рабочих и вообще трудящихся масс вид наступающей стороны, а мы — обороняющейся, тем больше у нас будет шансов не только разгромить наступление фашистов, но и перейти самим в успешное наступление. Оборона должна быть бдительной, активной и смелой. Штаб должен обозревать все поле борьбы, учитывая все изменения, чтобы не упустить нового перелома обстановки, когда потребуются дать сигнал генерального штурма.

Есть стратеги, которые всегда и при всяких условиях стоят за оборону. К ним принадлежат, например, брандлерианцы. Смущаться того, что они и **сегодня** тоже будут говорить об обороне было бы чистейшим ребячеством: они это делают всегда. Брандлерианцы являются одним из рупоров социал-демократии. Наша же задача состоит в том, чтобы, сблизившись с социал-демократическими рабочими на почве обороны, повести их затем в решающее наступление. На это брандлерианцы абсолютно неспособны. В момент, когда соотношение сил радикально изменится в пользу пролетарской революции, брандлерианцы снова окажутся балластом и тормозом ее. Вот почему политика обороны, рассчитанной на сближение с социал-де-

мократическими массами, ни в каком случае не означает смягчения противоречий с брандлеровским штабом, за которым нет и никогда не будет никаких масс.

В связи с охарактеризованной выше группировкой сил и задачами пролетарского авангарда совершенно особое значение получают методы физической расправы, применяемые сталинской бюрократией в Германии и в других странах по отношению к большевикам-ленинцам. Это есть прямая услуга социал-демократической полиции и ударным бандам фашизма. В корне противореча традициям революционного пролетарского движения, эти методы, как нельзя более, отвечают духу мелкобуржуазных чиновников, сидящих на обеспеченном сверху жаловании и боящихся его потерять при наступлении партийной демократии. Против гнусностей сталинцев необходима широкая разъяснительная работа, как можно более конкретная, с обличением роли наиболее недостойных чиновников партаппарата. Опыт СССР, как и других стран, свидетельствует, что против левой оппозиции с наибольшим неистовством борются те господа, которым необходимо прикрыть перед высоким начальством свои грехи и преступления: растрату общественных сумм, злоупотребления должностью или просто полную свою непригодность. Совершенно ясно, что разоблачение кулачных подвигов сталинского аппарата против большевиков-ленинцев будет тем успешнее, чем шире мы развернем нашу общую агитацию на основе изложенных выше задач.

Мы рассмотрели вопрос о тактическом повороте Коминтерна исключительно в свете германской обстановки, так как, во-первых, германский кризис ставит сейчас немецкую компартию снова в центре внимания мирового пролетарского авангарда, и так как в свете этого кризиса все проблемы выступают с наибольшей выпуклостью. Нетрудно, однако, было бы показать, что сказанное здесь относится, в той или другой мере, и к другим странам.

Во Франции, все формы классовой борьбы после войны имеют неизмеримо менее острый и решительный характер, чем в Германии. Но общие тенденции развития те же, не говоря уж о непосредственной зависимости судьбы Франции от судьбы Германии. Повороты Коминтерна имеют во всяком случае универсальный характер. Французская компартия, объявленная Молотовым первой кандидаткой на власть еще в 1928 году, вела совершенно самоубийственную политику в течение последних двух лет. Она проглядела, в частности, экономический подъем. Тактический поворот был объявлен во Франции в момент, когда промышленное оживление явно стало сменяться кризисом. Таким образом те же противоречия, трудности и задачи, о которых мы говорим в отношении Германии, стоят в порядке дня и во Франции.

Поворот Коминтерна в сочетании с поворотом обстановки ставит новые и чрезвычайно важные задачи перед левой коммунистической оппозицией. Ее силы невелики. Но каждое течение растет вместе с ростом своих задач. Ясно понять их значит овладеть одним из важнейших залогов победы.

Против национал-коммунизма!

Уроки «красного» референдума

Когда эти строки дойдут до читателя, они в той или другой части окажутся, может быть, устаревшими. Усилиями сталинского аппарата, при дружественном содействии всех буржуазных правительств, автор этих строк поставлен в такие условия, при которых он может реагировать на политические события не иначе, как с запозданием на несколько недель. К этому надо еще прибавить, что автор вынужден опираться на далеко неполную информацию. Читатель должен это иметь в виду. Но и из крайне невыгодной обстановки надо попытаться извлечь хоть некоторое преимущество. Не имея возможности реагировать на события изо дня в день, во всей их конкретности, автор вынужден сосредоточивать свое внимание на основных пунктах и узловых вопросах. В этом оправдание настоящей работы.

Как все опрокидывается на голову

Ошибки германской компартии в вопросе о плебисците принадлежат к числу тех, которые будут становиться, чем дальше, тем яснее, и в конце концов войдут в учебники революционной стратегии, как образец того, чего не надо делать.

В поведении Центрального комитета ГКП все ошибочно: неправильно оценена обстановка, неправильно поставлена ближайшая цель,

неправильно выбраны средства для ее достижения. Попутно руководство партии умудрилось опрокинуть все те «принципы», которые оно проповедовало в течение последних лет.

21 июля ЦК обратился к прусскому правительству с требованием демократических и социальных уступок, угрожая в противном случае выступить за референдум. Выдвигая свои требования, сталинская бюрократия фактически обращалась к верхушке социал-демократической партии с предложением на известных условиях единого фронта против фашистов. Когда социал-демократия отвергла предложенные ей условия, сталинцы создали единый фронт с фашистами против социал-демократии. Значит политика единого фронта ведется не только «снизу», но и «сверху». Значит Тельману разрешается обращаться к Брауну и Зеверингу с «открытым письмом» о совместной защите демократии и социального законодательства от банд Гитлера. Так эти люди, даже не замечая того, что делают, ниспровергли свою метафизику единого фронта **«только снизу»** посредством самого нелепого и самого скандального опыта единого фронта **только сверху**, неожиданно для масс и против воли масс.

Если социал-демократия представляет только разновидность фашизма, то как же можно официально предъявлять социал-фашистам требование о совместной защите демократии? Став на путь референдума, партийная бюрократия никаких условий национал-социалистам не поставила. Почему? Если социал-демократы и национал-социалисты только оттенки фашизма, то почему можно ставить условия социал-демократии и почему нельзя их ставить национал-социалистам? Или же между этими двумя «разновидностями» существуют какие-то очень важные **качественные** различия, в отношении социальной базы и методов обмана масс? Но тогда не называйте тех и других фашистами, ибо названия в политике служат для того, чтоб различать, а не для того, чтоб все валить в одну кучу.

Верно ли, однако, что Тельман вступил в единый фронт с Гитлером? Коммунистическая бюрократия назвала референдум Тельмана «красным», в отличие от черного или коричневого плебисцита Гитлера. Что дело идет о двух смертельно враждебных партиях, стоит, разумеется, вне сомнений, и вся ложь социал-демократии не заставит рабочих забыть это. Но факт остается фактом: в известной кампании сталинская бюрократия вовлекла революционных рабочих в единый фронт с национал-социалистами против социал-демократии. Если б, по крайней мере, в бюллетенях можно было отмечать свою партийную принадлежность, то референдум имел бы хоть то оправдание (в данном случае политически совершенно недостаточное), что позволил бы подсчитать свои силы и тем самым отделить их от сил фашизма. Но немецкая «демократия» не позаботилась в свое время обеспечить за участниками референдума право отмечать свою партийность. Все голосующие сливаются в одну нерасчленимую массу, которая на определенный вопрос дает один и тот же ответ. **В рамках этого вопроса** единство фронта с фашистами есть несомненный факт.

«Единый фронт», но с кем?

Какую политическую цель преследовало своим поворотом правление компартии? Чем больше читаешь официальные документы и речи вождей, тем меньше понимаешь эту цель. Прусское правительство, говорят нам, прокладывает дорогу фашистам. Это совершенно правильно. Имперское правительство Брюнинга, прибавляют вожди компартии, фактически фашизирует республику и совершило уже большую работу на этом пути. Совершенно правильно, отвечаем мы на это. Но ведь без прусского Брауна имперский Брюнинг держаться не может! говорят сталинцы. И это верно, отвечаем мы. До этого пункта получается полное согласие. Но какие же отсюда вытекают политические выводы? У нас нет ни малейшего основания поддерживать правительство Брауна, брать за него хоть тень ответственности перед массами или хоть на йоту ослаблять нашу политическую борьбу против правительства Брюнинга и его прусской агентуры. Но еще меньше у нас основания помогать фашистам заменить правительство Брюнинга-Брауна. Ибо, если мы вполне основательно обвиняем социал-демократию в том, что она прокладывает дорогу фашизму, то наша собственная задача меньше всего может состоять в том, чтобы **сократить** фашизму эту дорогу.

Циркулярное письмо Центрального комитета германской коммунистической партии всем ячейкам от 27 июля особенно безжалостно обнажает несостоятельность руководства, ибо является продуктом коллективной разработки вопроса. Суть письма, освобожденная от путаницы и противоречий, сводится к тому, что нет, в конце концов, никакой разницы между социал-демократами и фашистами, т. е. нет разницы между врагом, который обманывает рабочих и предаёт их, пользуясь их долготерпением, и врагом, который попросту хочет зарезать их. Чувствуя бессмыслицу такого отождествления, авторы циркулярного письма неожиданно делают поворот и изображают красный референдум, как *«решительное применение политики единого фронта снизу (!) по отношению к социал-демократическим, христианским и беспартийным рабочим»*. Каким образом выступление в плебисците рядом с фашистами, против социал-демократии и партии центра, является применением политики единого фронта по отношению к социал-демократическим и христианским рабочим, этого не поймет никакая пролетарская голова. Речь идет, очевидно, о тех с.-д. рабочих, которые оторвавшись от своей партии, приняли участие в референдуме. Сколько их? Под политикой единого фронта следовало бы, во всяком случае, понимать совместное выступление не с теми рабочими, которые ушли из социал-демократии, а с теми, которые остаются в ее рядах. К несчастью, их еще очень много.

Вопрос о соотношении сил

Единственная фраза в речи Тельмана 24 июля, которая похожа на серьезное обоснование поворота, гласит так: *«красный референдум, путем*

использования возможностей легального, парламентарного массового действия, представляет собою шаг вперед в сторону внепарламентарной мобилизации масс». Если эти слова имеют какой-нибудь смысл, то лишь следующий: мы берем за точку исхода нашего генерального революционного наступления парламентское голосование, чтоб легальным путем опрокинуть правительство социал-демократии и связанных с ней партий золотой середины, и чтобы затем, напором революционных масс, опрокинуть фашизм, пытающийся стать наследником социал-демократии. Другими словами: прусский референдум играет лишь роль трамплина для революционного скачка. Да, в качестве трамплина плебисцит был бы оправдан полностью. Голосуют ли рядом с коммунистами фашисты или нет, это теряло бы всякое значение с того момента, как пролетариат своим натиском опрокидывает фашистов и берет в свои руки власть. Для трамплина можно воспользоваться всякой доской, в том числе и доской референдума. **Нужно только иметь возможность действительно совершить прыжок**, не на словах, а на деле. Проблема сводится, следовательно, к соотношению сил. Выйти на улицу с лозунгом «долой правительство Брюнинга-Брауна», если, по соотношению сил, на смену ему может прийти лишь правительство Гитлера-Гутенберга есть чистейший авантюризм. Тот же лозунг получает, однако, совсем другой смысл, если становится вступлением к непосредственной борьбе самого пролетариата за власть. В первом случае коммунисты оказались бы в глазах массы помощниками реакции; во втором же случае вопрос о том, как голосовали фашисты, прежде чем были раздавлены пролетариатом, потерял бы всякое политическое значение.

Вопрос о совпадении голосований с фашистами мы рассматриваем, следовательно, не с точки зрения какого-либо абстрактного принципа, а с точки зрения реальной борьбы классов за власть и соотношения сил на данной стадии этой борьбы.

Оглянемся на русский опыт

Можно считать неоспоримым, что в момент пролетарского восстания различие между социал-демократической бюрократией и фашистами действительно сведется к минимуму, если не к нулю. В октябрьские дни русские меньшевики и эсеры боролись против пролетариата рука об руку с кадетами, корниловцами, монархистами. Большевики вышли в октябре из Предпарламента на улицу, чтобы звать массы на вооруженное восстание. Если бы одновременно с большевиками из Предпарламента выступила в те дни, скажем, какая-либо группа монархистов, то никакого политического значения это не имело бы, ибо монархисты были опрокинуты заодно с демократами.

К октябрьскому восстанию партия пришла, однако, через ряд ступеней. Во время апрельской демонстрации 1917 года часть большевиков выбросила лозунг: «Долой Временное правительство». Центральный комитет немедленно же одернул ультралевых. Конечно, мы должны пропагандировать необходимость низвергнуть Временное правительство; но звать под этим лозунгом массы на улицу мы

не можем еще, ибо сами мы в рабочем классе в меньшинстве. Если, при этих условиях, мы свергнем Временное правительство, то заменить его мы не сможем и, следовательно, поможем контрреволюции. Надо терпеливо разъяснять массам антинародный характер этого правительства, прежде чем придет час свергнуть его. Такова была позиция партии.

В течение следующего периода лозунг партии гласил: «долой министров-капиталистов». Это было обращенное к социал-демократии требование разорвать коалицию с буржуазией. В июле мы руководили демонстрацией рабочих и солдат под лозунгом «вся власть советам», что означало в тот момент: вся власть меньшевикам и эсерам. Меньшевики и эсеры вместе с белогвардейцами разгромили нас.

Через два месяца Корнилов восстал против Временного правительства. В борьбе с Корниловым большевики сейчас же заняли передовые позиции. Ленин находился в это время в подполье. Тысячи большевиков сидели в тюрьмах. Рабочие, солдаты и матросы требовали освобождения своих вождей и большевиков вообще. Временное правительство не соглашалось. Не должен ли был Центральный комитет большевиков обратиться к правительству Керенского с ультиматумом: немедленно освободить большевиков и снять с них подлое обвинение в службе Гогенцоллернам, — и, в случае отказа Керенского, отказаться бороться против Корнилова? Так поступил бы вероятно Центральный комитет Тельмана-Ремеле-Ноймана. Но не так поступил Центральный комитет большевиков. Ленин писал тогда: *«Глубокайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из „мести“ эсерам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих „отказаться“ поддерживать их против контрреволюции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо для пользы дела пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых, — и это главное, — мещанской попыткой затемнить посредством „морализирования“ политическую суть дела».*

Если б мы не дали в августе отпора Корнилову и тем облегчили бы ему победу, то он первым делом истребил бы цвет рабочего класса и, следовательно, помешал бы нам одержать через два месяца победу над соглашателями и покарать их — не на словах, а на деле — за их исторические преступления.

Именно «мещанским морализированьем» занимаются Тельман и К^о, когда в обоснование своего собственного поворота начинают перечислять бесчисленные гнусности, совершенные вождями социал-демократии!

С потушенными фонарями

Исторические аналогии суть только аналогии. О тождественности условий и задач не может быть и речи. Но на условном языке аналогий

мы можем спросить: стоял ли в Германии в момент референдума вопрос об обороне от корниловщины или, действительно, о низвержении всего буржуазного строя пролетариатом? Этот вопрос решается не голыми принципами, не полемическими формулами, а соотношением сил. С какой тщательностью и добросовестностью большевики изучали, подсчитывали и измеряли соотношение сил на каждом новом этапе революции! Попыталось ли руководство германской компартии, вступая в борьбу, подвести предварительный баланс борющихся сил? Ни в статьях, ни в речах мы такого баланса не находим. Подобно своему учителю Сталину, берлинские ученики ведут политику с потушенными фонарями.

Свои соображения по решающему вопросу о соотношении сил Тельман свел к двум-трем общим фразам. «Мы не живем более в 1923 году, — говорил он в своем докладе. — *Коммунистическая партия есть ныне партия многих миллионов, которая бешено растет*». И это все! Тельман не мог ярче показать, в какой мере ему чуждо понимание различия обстановки 1923 и 1931 годов! **Тогда** социал-демократия разваливалась по кускам. Рабочие, не успевшие покинуть ряды социал-демократии, поворачивали с надеждой взоры в сторону коммунистической партии. **Тогда** фашизм представлял собою в гораздо большей степени чучело на огороде буржуазии, чем серьезную политическую реальность. Влияние коммунистической партии на профессиональные союзы и заводские комитеты было в 1923 году несравненно значительнее, чем сейчас. Заводские комитеты выполняли тогда фактически основные функции советов. Под социал-демократической бюрократией в профсоюзах почва с каждым днем уходила из-под ног.

Тот факт, что обстановка 1923 г. не была использована оппортунистическим руководством Коминтерна и ГКП, живет до сих пор в сознании классов и партий и во взаимоотношениях между ними. Коммунистическая партия, говорит Тельман, есть партия миллионов. Мы этому радуемся, мы этим гордимся. Но мы не забываем, что и социал-демократия остается еще партией миллионов. Мы не забываем, что, благодаря ужасающей цепи эпигонских ошибок 1923 — 1931 годов, нынешняя социал-демократия обнаруживает гораздо большую силу сопротивления, чем социал-демократия 1923 года. Мы не забываем, что нынешний фашизм, вскормленный и взращенный изменами социал-демократии и ошибками сталинской бюрократии, представляет собою огромное препятствие на пути к завоеванию власти пролетариатом. Компартия есть партия миллионов. Но благодаря предшествующей стратегии «третьего периода», периода концентрированной бюрократической глупости, коммунистическая партия сегодня все еще крайне слаба в профессиональных союзах и в завкомах. Борьбу за власть нельзя вести, опираясь лишь на голоса референдума. Нужно иметь опору в заводах и цехах, в профессиональных союзах и завкомах. Обо всем этом забывает Тельман, который анализ обстановки заменяет крепкими словами.

Утверждать, будто в июле—августе 1931 года германская компартия была так могущественна, что могла вступить в открытую борьбу с буржуазным обществом, в лице обоих его флангов, социал-демократии и фашизма, мог бы только человек, свалившийся с луны. Партийная бюрократия сама это-

го не думает. Если она прибегает к такому доводу, то только потому, что плебисцит провалился, и следовательно она не оказалась подвергнута дальнейшему экзамену. В этой безответственности, в этой слепоте, в этой безразборчивой погоне за эффектами и находит свое выражение авантюристская половина души сталинского централизма!

«Народная революция» вместо пролетарской революции

Столь «внезапный», на первый взгляд, зигзаг 21 июля вовсе не упал, как гром с ясного неба, а был подготовлен всем курсом последнего периода. Что германская компартия руководится искренним и горячим стремлением победить фашистов, вырвать из-под их влияния массы, опрокинуть фашизм и раздавить его, в этом, разумеется, не может быть сомнений. Но беда в том, что сталинская бюрократия, чем дальше, тем больше стремится действовать против фашизма его собственным оружием: она заимствует краски с его политической палитры и старается перекричать его на аукционе патриотизма. Это не методы принципиальной классовой политики, а приемы мелкобуржуазной конкуренции.

Трудно представить себе более постыдную принципиальную капитуляцию, как тот факт, что сталинская бюрократия заменила лозунг пролетарской революции лозунгом народной революции. Никакие хитросплетения, никакая игра цитатами, никакие исторические фальсификации не изменят того факта, что дело идет о принципиальной измене марксизму, в целях наилучшей подделки под шарлатанство фашистов. Я вынужден здесь повторить то, что писал по этому вопросу несколько месяцев тому назад: *«Разумеется, всякая великая революция есть народная или национальная революция, в том смысле, что она объединяет вокруг революционного класса все живые и творческие силы нации и перестраивает нацию вокруг нового стержня. Но это не лозунг, а социологическое описание революции, притом требующее точных и конкретных пояснений. В качестве же лозунга, это пустышка и шарлатанство, базарная конкуренция с фашистами, оплачиваемая ценою внесения путаницы в головы рабочих... Фашист Штрассер говорит: 95% народа заинтересованы в революции, следовательно это революция не классовая, а народная. Тельман подпевает ему. На самом же деле рабочий коммунист должен был бы сказать рабочему фашисту: конечно, 95% населения, если не 98%, эксплуатируется финансовым капиталом. Но эта эксплуатация организована иерархически: есть эксплуататоры, есть суб-эксплуататоры, суб-суб-эксплуататоры и т. д. Только благодаря этой иерархии сверх-эксплуататоры держат в подчинении себе большинство нации. Чтобы нация могла на деле перестроиться вокруг нового классового стержня, она должна предварительно идейно перестроиться, а этого можно достигнуть лишь в том случае, если пролетариат, не растворяясь в „народе“, в „нации“, наоборот, развернет программу **своей, пролетарской** революции и заставит мелкую буржуазию выбирать между двумя режимами... В нынешних же условиях*

Германии лозунг „народной революции“ стирает идеологические грани между марксизмом и фашизмом, примиряет гассть рабочих и мелкую буржуазию с идеологией фашизма, позволяя им думать, что нет необходимости делать выбор, ибо там и здесь дело идет о народной революции».

«Народная революция» как средство «национального освобождения»

Идеи имеют свою логику. Народная революция выдвигается, как служебное средство для «национального освобождения». Такая постановка вопроса открыла доступ в партию чисто шовинистическим тенденциям. Нет, разумеется, ничего дурного в том, что к партии пролетариата приблизятся отчаявшиеся патриоты из лагеря мелкобуржуазного шовинизма: к коммунизму приходят разные элементы по разным дорогам и тропинкам. Искренние и честные элементы — наряду с отъявленными карьеристами и проходимцами-неудачниками, — несомненно имеются в ряду тех белогвардейских и черносотенных офицеров, которые за последние месяцы стали как будто поворачиваться лицом к коммунизму. Партия может использовать, конечно, и такие индивидуальные метаморфозы, как подсобное средство для разложения фашистского лагеря. Преступление сталинской бюрократии — да, прямое преступление — состоит, однако, в том, что она солидаризируется с этими элементами, отождествляет их голос с голосом партии, отказывается от разоблачения их националистических и милитаристических тенденций, превращая насквозь мелкобуржуазную, реакционно-утопическую и шовинистическую брошюру Шерингера в новое евангелие революционного пролетариата. Из этой низкопробной конкуренции с фашизмом и выросло внезапное, на первый взгляд, решение 21 июля: у вас народная революция, и у нас народная революция; у вас национальное освобождение, как высший критерий, и у нас то же самое; у вас война западному капитализму, и мы обещаем то же самое; у вас плебисцит, и у нас плебисцит, еще лучший, насквозь «красный».

Факт таков, что бывший революционный рабочий Тельман сегодня изо всех сил стремится не ударить лицом в грязь перед графом Стенбок-Фермор. Отчет о собрании партийных работников, на котором Тельман провозгласил поворот в сторону плебисцита, напечатан в «Роте Фане» под претенциозным заглавием «Под знаменем марксизма». Между тем во главу угла своих выводов Тельман поставил ту мысль, что *«Германия является сегодня мягом в руках Антанты»*. Дело идет, следовательно, прежде всего о «национальном освобождении». Но ведь в известном смысле и Франция, и Италия, и даже Англия являются «мячами» в руках Соединенных Штатов. Зависимость Европы от Америки, снова столь ярко обнаружившаяся в связи с предложением Хувера (завтра эта зависимость обнаружится еще резче и грубее), имеет гораздо более глубокое значение для развития европейской револю-

ции чем зависимость Германии от Антанты. Вот почему — между прочим — лозунг Советских Соединенных Штатов Европы, а вовсе не один лишь голый лозунг «Долой версальский мир», является пролетарским ответом на конвульсии европейского континента.

Но эти вопросы стоят, все же, во второй линии. Политика наша определяется не тем, что Германия является «мячом» в руках Антанты, а прежде всего тем, что расколотый, обесиленный и униженный германский пролетариат является мячом в руках германской буржуазии. «Главный враг — в собственной стране!», учил некогда Карл Либкнехт. Иль вы это забыли, друзья? Иль может быть это учение больше не годится? Для Тельмана оно явно устарело. Либкнехт заменен Шерингером. Вот почему такой горькой иронией звучит заглавие «Под знаменем марксизма»!

Школа бюрократического центризма как школа капитуляций

Несколько лет тому назад левая оппозиция предупреждала, что «истинно-русская» теория социализма в отдельной стране неизбежно поведет к развитию социал-патриотических тенденций у других секций Коминтерна. Тогда это казалось фантазией, злостной выдумкой, «клеветой». Но идеи имеют не только свою логику, но и свою взрывчатую силу. Германская компартия в короткий срок втянулась на наших глазах в сферу социал-патриотизма, т. е. тех настроений и лозунгов, на смертельной вражде к которым был воздвигнут Коминтерн. Не поразительно ли? Нет только закономерно!

Метод идейной подделки под противника и классового врага — метод, nascивший противоречащий теории и психологии большевизма — вытекает вполне органически из сущности центризма, из его беспринципности, бессодержательности, идейной пустоты. Так, в течение нескольких лет сталинская бюрократия проводила термидорианскую политику, чтоб вырвать у термидорианцев почву из-под ног. Испугавшись левой оппозиции, сталинская бюрократия стала по кускам подделывать левую платформу. Чтоб вырвать английских рабочих из-под власти тред-юнионизма, сталинцы повели тред-юнионистскую политику вместо марксистской. Чтоб помочь китайским рабочим и крестьянам выйти на самостоятельную дорогу, сталинцы загнали их в буржуазный Гоминдан. Этот перечень можно продолжить без конца. И на больших, и на малых вопросах мы видим один и тот же дух мимичности, постоянную подделку под противника, стремление воспользоваться против врага не собственным своим оружием, — которого, увы, нет! — а оружием, украденным из арсеналов противника.

В том же самом направлении действует и нынешний партийный режим. Мы не раз говорили и писали, что самодержавие аппарата, демора-

лизуя руководящий слой Коминтерна, принижая и обезличивая передовых рабочих, дробя и коверкая революционные характеры, неизбежно ослабляет пролетарский авангард пред лицом врага. Кто покорно склоняет голову пред каждым указом сверху, тот никуда негодный революционный борец!

Центристы-чиновники были зиновьевцами при Зиновьеве, бухаринцами при Бухарине, сталинцами и молотовцами, когда наступило время Сталина и Молотова. Они склоняли головы даже перед Мануильскими, Куусинеными и Лозовскими. Они повторяли в каждый из пройденных этапов слова, интонации и мимику очередного «вождя», они по команде отказывались сегодня от того, в чем клялись вчера, и заложив два пальца в рот, свистали тому отставному начальнику, которого вчера носили на руках. В этом гибельном режиме выхолащивается революционное мужество, опустошается теоретическое сознание, размягчаются позвоночники. Только бюрократы, прошедшие зиновьевско-сталинскую школу, могли с такой легкостью подменить пролетарскую революцию народной революцией и, объявив большевиков-ленинцев ренегатами, поднять на плечах шовинистов типа Шерингера.

«Революционная война» и пацифизм

Дело коммунистической партии Шерингеры и Стенбок-Ферморы милостиво рассматривают, как прямое продолжение гогенцоллернской войны. Жертвы подлейшей империалистической бойни для них остаются героями, павшими за свободу германского народа. Новую войну за Эльзас-Лотарингию и за Восточную Пруссию они готовы назвать «революционной» войной. Они согласны принять — пока что на словах — «народную революцию», если она может послужить средством мобилизации рабочих для их «революционной» войны. Вся их программа — в идее реванша: если завтра им покажется, что той же цели можно достигнуть другим путем, они будут стрелять революционным пролетариям в спину. Не замалчивать это надо, а разоблачать. Не усыплять бдительность рабочих, а пробуждать. Как же поступает партия?

В коммунистической «Фанfare» от 1 августа, в самый разгар агитации за красный референдум, рядом с портретом Шерингера печатается одно из его новых апостольских посланий. Вот что говорится там дословно: *«Дело мертвых мировой войны, которые отдали свою жизнь за свободную Германию, предает всякий, кто сегодня выступает против народной революции, против революционной освободительной войны».* Не веришь глазам, читая эти откровения на страницах печати, которая называет себя коммунистической. И все это прикрывается именами Либкнехта и Ленина! Какой длинный кнут взял бы Ленин в руки для полемической расправы над таким коммунизмом. И он не остановился бы на полемических статьях. Он стал бы добиваться созыва экстренного международного конгресса, чтобы безжалостно очистить ряды пролетарского авангарда от гангрены шовинизма.

«Мы не пацифисты», гордо возражают нам Тельманы, Ремеле и все прочие. «Мы принципиально стоим за революционную войну». В доказательство они готовы привести несколько цитат из Маркса и Ленина, подобранных для них в Москве невежественным «красным профессором». Можно подумать в самом деле, будто Маркс и Ленин были глашатаями национальной войны, а не пролетарской революции! Будто понимание революционной войны у Маркса и Ленина имеет что-либо общее с националистической идеологией фашистских офицеров и центристских унтеров. Дешевой фразой о революционной войне сталинская бюрократия привлекает десяток авантюристов, но отталкивает сотни тысяч и миллионы социал-демократических, христианских и беспартийных рабочих.

— Значит, вы нам рекомендуете подделываться под пацифизм социал-демократии? возразит какой-нибудь особенно глубокомысленный теоретик новейшего курса. Нет, **подделываться** мы меньше всего склонны, даже под настроения рабочего класса; но **считаться** с ними необходимо. Только правильно оценивая настроения глубоких масс пролетариата, можно привести его к революции. Бюрократия же, подделываясь под фразеологию мелкобуржуазного национализма, игнорирует действительные настроения рабочих, которые не хотят войны, которые не могут ее хотеть, и которых отталкивает воинственное фанфаронство новой фирмы: Тельман, Шерингер, граф Стенбок-Фермор, Гейнц Нойман и К.

С возможностью революционной войны, в случае завоевания власти пролетариатом, марксизм не может, разумеется, не считаться. Но отсюда еще очень далеко до того, чтоб историческую вероятность, которая может быть нам навязана ходом событий после завоевания власти, превращать в боевой политический лозунг до завоевания власти. Революционная война, как вынужденное, при известных условиях, последствие пролетарской победы — это одно. «Народная» революция, как средство для революционной войны, это нечто совсем другое, даже прямо противоположное.

Несмотря на принципиальное признание революционной войны, правительство советской России подписало, как известно, тягчайший брест-литовский мир. Почему? Потому, что крестьяне и рабочие, за исключением небольшой передовой прослойки, не хотели войны. Те же крестьяне и рабочие героически защищали потом советскую революцию от бесчисленных врагов. Но когда мы попытались превратить навязанную нам Пилсудским тяжкую оборонительную войну в наступательную, мы потерпели поражение, и эта ошибка, выросшая из неправильного учета сил, очень тяжело ударила по развитию революции.

Красная армия существует уже 14-й год. «Мы не пацифисты». Но почему же советское правительство заявляет по всякому поводу о своей **мирной** политике? Почему оно предлагает разоружение и заключает договора о **ненападении**? Почему оно не пускает в ход Красную армию, как орудие мировой пролетарской революции? Очевидно, недостаточно быть в принципе за революционную войну. Надо, кроме того, еще иметь голову на плечах. Надо учитывать обстановку, соотношение сил и настроение масс.

Если это обязательно для рабочего правительства, имеющего в своих руках мощный государственный аппарат принуждения, то тем более внимательно должна считаться с настроениями рабочих и вообще трудящихся революционная партия, которая может действовать только убеждением, а не принуждением. Революция для нас — не подсобное средство для войны против Запада, а, наоборот, средство для того, чтобы избежать войны, чтобы покончить с войной навсегда. С социал-демократией мы боремся не тем, что высмеиваем стремление к миру, свойственное всякому труженику, а тем, что разоблачаем фальшь ее пацифизма, ибо капиталистическое общество, каждодневно спасаемое социал-демократией, невысказанно без войн. «Национальное освобождение» Германии для нас не в войне с Западом, а в пролетарской революции, охватывающей и центральную и западную Европу, и объединяющей ее с восточной Европой в виде Советских Соединенных Штатов. Только такая постановка вопроса может сплотить рабочий класс и сделать его центром притяжения для отчаявшихся мелкобуржуазных масс. Чтоб пролетариат мог продиктовать свою волю современному обществу, его партия не должна стыдиться быть пролетарской партией и говорить своим собственным языком: не языком национального реванша, а языком интернациональной революции.

Как должны были бы рассуждать марксисты

Красный референдум не упал с неба; он вырос из далеко зашедшего идеологического перерождения партии. Но от этого он не перестает быть самой злостной авантюрой, какую можно себе представить. Референдум вовсе не стал исходным моментом революционной борьбы за власть. Он целиком остался в рамках вспомогательного парламентского маневра. При его помощи партия умудрилась нанести самой себе комбинированное поражение: укрепив социал-демократию и, следовательно правительство Брюнинга, прикрыв поражение фашистов, оттолкнув от себя рабочих социал-демократов и значительную часть своих собственных избирателей, партия стала на другой день после референдума значительно слабее, чем была накануне. Лучшей услуги германскому и мировому капитализму нельзя было оказать.

Капиталистическое общество, особенно в Германии, было за последние полтора десятилетия несколько раз накануне крушения, но оно каждый раз выкарабкивалось из катастрофы. Одних экономических и социальных предпосылок для революции недостаточно. Нужны политические предпосылки, т. е. такое соотношение сил, которое, если не обеспечивает победу заранее — таких положений не бывает в истории, — то делает ее возможной и вероятной. Стратегический расчет, смелость, решимость превращают затем вероятное в действительное. Но никакая стратегия не может невозможное превратить в возможное.

ящий момент соотношение сил в германском пролетариате, в профессиональных союзах, в фабрично-заводских комитетах, каковы связи партии с сельскохозяйственными рабочими и проч. Эти данные допускают точную проверку и не составляют тайны. Если б Тельман имел мужество открыто перечислить и взвесить все элементы политической обстановки, то он вынужден был бы прийти к выводу: несмотря на чудовищный кризис капиталистической системы и на значительный рост коммунизма за последний период, партия все еще слишком слаба, чтобы стремиться форсировать революционную развязку. К этой цели стремятся, наоборот, фашисты. В этом им готовы помочь все буржуазные партии, в том, числе и социал-демократия. Ибо коммунистов все они боятся больше, чем фашистов. При помощи прусского плебисцита национал-социалисты хотели вызвать крушение архи-неустойчивого государственного равновесия, чтобы вынудить колеблющиеся слои буржуазии поддержать их, фашистов, в деле кровавой расправы над рабочими. Помогать в этом фашистам с нашей стороны было бы величайшей глупостью. Вот почему мы против фашистского плебисцита. — Так должен был бы закончить Тельман свой доклад, если бы в нем осталась крупница марксистской совести.

После этого следовало бы открыть дискуссию, как можно более широкую и открытую, ибо господам вождям, даже и такими непогрешимыми, как Гейнц Нойман и Ремеле, нужно внимательно выслушивать на всех поворотах голоса массы. Нужно вслушиваться не только в официальные слова, которые подчас говорит коммунист, но и в те, более глубокие, более массовые мысли, которые скрываются под его словами. Нужно не командовать рабочими, а уметь учиться у них.

Если б дискуссия была открыта, то вероятно один из участников ее произнес бы такую приблизительно речь: «Тельман прав, когда доказывает, что, несмотря на несомненные изменения обстановки, мы, по соотношению сил, не должны стремиться к форсированию революционной развязки. Но именно поэтому к развязке, как мы видим, толкают наиболее решительные крайние враги. Сможем ли мы в таком случае выгадать необходимое нам время, чтобы произвести предварительную передвижку в соотношении сил, т. е. вырвать основные пролетарские массы из-под влияния социал-демократии, и тем заставить отчаявшиеся низы мелкой буржуазии повернуться лицом к пролетариату и спиной к фашизму? Хорошо, если это удастся. А что, если фашисты против нашей воли доведут все же дело до развязки в ближайшее время? Тогда пролетарская революция окажется снова обреченной на тяжкое поражение?»

На это Тельман, если б он был марксистом, ответил бы приблизительно так: Разумеется, выбор момента решительного боя зависит не только от нас, но и от наших врагов. Мы все согласны в том, что задачей **нашей** стратегии в настоящий момент является затруднить, а не облегчить нашим врагам форсирование развязки. Если наши враги тем не менее навяжут нам бой, мы, конечно, примем его, ибо нет и не может быть более тяжкого, более губительного, более уничтожающего, более деморализующего поражения, как сдача великих исторических позиций без боя. Если инициативу развязки возьмут на себя — явно для

народных масс — фашисты, они в нынешних условиях толкнут в нашу сторону широкие слои трудящихся. У нас в этом случае будет тем больше шансов одержать победу, чем яснее мы сегодня покажем и докажем рабочим миллионам, что вовсе не собираемся совершать переворотов без них и против них. Мы должны поэтому открыто сказать социал-демократическим, христианским и беспартийным рабочим: фашисты, небольшое меньшинство, хотят низвергнуть нынешнее правительство, чтоб захватить власть; мы, коммунисты, считаем нынешнее правительство врагом пролетариата; но это правительство опирается на **ваше** доверие и на **ваши** голоса; мы хотим опрокинуть это правительство путем союза с вами, а не посредством союза с фашистами против вас. Если фашисты попробуют устроить восстание, то мы коммунисты, будем с ними бороться до последней капли крови, — не для того, чтобы защитить правительство Брауна-Брюнинга, а для того, чтоб охранить от удушения и истребления цвет пролетариата, рабочие организации, рабочую печать, не только наши, коммунистические, но и ваши, социал-демократические. Мы готовы вместе с вами защищать любой рабочий дом, любую типографию рабочей газеты от нападения фашистов. И мы требуем от вас, чтоб вы обязались прийти нам на помощь в случае угрозы нашим организациям. Мы вам предлагаем единый фронт рабочего класса против фашистов. — Чем тверже и настойчивее мы будем проводить эту политику, применяя ее ко всем вопросам, тем труднее будет фашистам застигнуть нас врасплох, тем меньше у них будет шансов разбить нас в открытом бою. — Так ответил бы наш воображаемый Тельман.

Но тут берет слово оратор, проникнутый насковзь великими идеями Гейнца Ноймана. — Из такой политики, скажет он, все равно ничего не выйдет. Социал-демократические вожди скажут рабочим: не верьте коммунистам, они вовсе не озабочены спасением рабочих организаций, а хотят попросту захватить власть; нас они считают социал-фашистами, и разницы между нами и националистами они не делают. Вот почему политика, которую предлагает Тельман, сделает нас лишь смешными в глазах социал-демократических рабочих.

На это Тельман должен был бы ответить так: Называть социал-демократов фашистами — это, конечно, глупость, которая в каждый критический момент сбивает нас самих с толку и мешает нам найти дорогу к социал-демократическим рабочим. Отказаться от этой глупости есть самое лучшее, что мы можем сделать. Что касается того, будто, под видом защиты рабочего класса и его организаций, мы просто хотим захватить власть, мы скажем социал-демократическим рабочим: да, мы, коммунисты, стремимся завоевать власть, но для этого нам нужно безусловное большинство рабочего класса. Попытка захватить власть, опираясь на меньшинство, была бы презренным авантюризмом, с которым мы не имеем ничего общего. Мы не можем заставить большинство рабочих идти за нами, мы можем их только убедить. Если б фашисты разгромили рабочий класс, то о завоевании власти коммунистами не могло бы быть и речи. Охранить от фашистов рабочий класс и его организации, значит для нас обеспечить себе возможность убедить рабочий класс и повести его за собою. Мы не можем, поэтому, прийти к власти иначе, как охраняя,

если нужно с оружием в руках, все элементы рабочей демократии в капиталистическом государстве.

К этому Тельман мог бы еще добавить: Чтоб завоевать прочное, несокрушимое доверие большинства рабочих, мы больше всего должны остерегаться пускать им пыль в глаза, преувеличивать наши силы, закрывать глаза на факты, или, еще хуже, искажать их. Надо говорить то, что есть. Врагов мы не обманем, у них тысячи органов для проверки. Обманывая рабочих, мы обманываем себя. Притворяясь более сильными, мы только ослабляем себя. В этом, друзья, нет никакого «маловерия», никакого «пессимизма». Нам ли быть пессимистами? Перед нами гигантские возможности. У нас неизмеримое будущее. Судьба Германии, судьба Европы, судьба всего мира зависит от нас. Но именно тот, кто твердо верит в революционное будущее, не нуждается в иллюзиях. Марксистский реализм есть предпосылка революционного оптимизма.

Так ответил бы Тельман, если б он был марксистом. Но, к несчастью, он не марксист.

Почему молчала партия?

Но как же могла молчать партия? Доклад Тельмана, означавший поворот на 180 градусов в вопросе о референдуме, был принят без дискуссии. Так было предложено сверху: а предложено, значит приказано. Все отчеты «Роте Фане» свидетельствуют, что на всех собраниях партии референдум был принят «единогласно». Это единогласие выдается за признак особой силы партии. Где и когда еще в истории революционного движения бывала такого рода немая «монолитность»? Тельманы и Ремеле клянутся большевизмом. Но вся история большевизма есть история напряженной внутренней борьбы, в которой партия завоевывала свои взгляды и выковывала свои методы. Летопись 1917 года, величайшего года в истории партии, полна напряженной внутренней борьбой, как и история первого пятилетия после завоевания власти: при этом — ни одного раскола, ни одного крупного исключения по политическим мотивам. А ведь как-никак во главе большевистской партии стояли вожди другого роста, другого закала и другого авторитета, чем Тельман, Ремеле и Нойман. Откуда же эта ужасающая нынешняя «монолитность», это гибельное единогласие, которое каждый поворот злосчастных вождей превращает в абсолютный закон для гигантской партии?

«Никаких дискуссий»! Ибо, как поясняет «Роте Фане», *«в этой ситуации нужны не реги, а дела»*. Отвратительное лицемерие! Партия должна совершать «дела», отказываясь от их предварительного обсуждения. И о каких «делах» идет в данном случае речь? О том, чтоб поставить крестик на четырехугольнике казенной бумаги, при чем при подсчете пролетарских крестиков нет даже возможности установить, не есть ли это фашистский крест (Hakenkreuz). Принимай

без сомнений, без размышлений, без вопросов, даже без тревоги в глазах новый козлиный прыжок данных богом вождей, иначе ты — ренегат и контрреволюционер! Вот тот ультиматум, который интернациональная сталинская бюрократия, как револьвер, держит у виска каждого передового рабочего.

Внешним образом кажется, что масса мирится с этим режимом и что все идет прекрасно. Но нет! Масса совсем не глина, из которой можно лепить, что угодно. Она по своему, медленно, но очень внушительно реагирует на ошибки и нелепости руководства. Она по своему сопротивлялась теории «третьего периода», бойкотирова бесчисленные красные дни. Она покидает французские унитарные синдикаты, когда не может нормальным путем противодействовать экспериментам Лозовского-Монмуссо. Не приняв «идеи» красного референдума, сотни тысяч и миллионы рабочих уклоняются от участия в нем. Это и есть расплата за преступления центристской бюрократии, которая недостойно подделывается под классового врага, но зато собственную партию крепко держит за горло.

Что говорит сталин?

Действительно ли Сталин санкционировал авансом новый зигзаг? Никто этого не знает, как никто не знает мнений Сталина насчет испанской революции. Сталин молчит. Когда более скромные вожди, начиная с Ленина, хотели оказать влияние на политику братской партии, они произносили речи или писали статьи. Дело в том, что им было, что сказать. Сталину нечего сказать. Он хитрит с историческим процессом так же, как он хитрит с отдельными людьми. Он думает не о том, как помочь немецкому или испанскому пролетариату сделать шаг вперед, а о том, как зараннее обеспечить себе самому политическое отступление.

Непревзойденным образцом двойственности Сталина в основных вопросах мировой революции является его отношение к немецким событиям в 1923 году. Напомним, что писал он Зиновьеву и Бухарину в августе того года: *«Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с. д., созрели ли они уже для этого, — в этом, по моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) согуствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейгас нет. Конетно, они имеют по соседству Советскую страну, тего у нас не было, но гто можем мы им дать в данный момент? Если сейгас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это „в лугишем слугае“. А в худишем слугае — их разобьют вдребезги и отбросят назад... По моему, немцев надо удержать, а не поощрять»*. Сталин стоял, таким образом, вправо от Брандлера, который в августе—сентябре 1923 года считал, наоборот, что завоевать власть в Германии не будет стоить никакого труда, но что трудности начнутся только на другой день после завоевания власти.

цию. Верховным обвинителем брандлерианцев является... Сталин. Объяснился ли он, однако, с Коминтерном по поводу своей собственной позиции в 1923 г.? Нет, в этом нет ни малейшей надобности: достаточно запретить секциям Коминтерна поднимать этот вопрос.

По тому же образцу Сталин попытается, несомненно, разыграть и вопрос о референдуме. Уличить его Тельман¹ не сможет, если б и посмел. Сталин подтолкнул через своих агентов немецкий ЦК, а сам двусмысленно отошел назад. В случае успеха новой политики, все Мануильские и Ремеле провозгласили бы, что инициатива ее принадлежит Сталину. А на случай провала Сталин сохранил полную возможность найти виноватого. В этом ведь и состоит квинт-эссенция его стратегии. В этой области он силен.

Что говорит «правда»?

А что же говорит все-таки «Правда», первая газета первой партии Коммунистического Интернационала? «Правда» не сумела дать ни одной серьезной статьи, ни одной попытки анализа положения в Германии. Из великой программной речи Тельмана она застенчиво приводит полдюжины бессодержательных фраз. Да и что может сказать нынешняя безголовая, бесхребетная, запутавшаяся в противоречиях, услужающая бюрократии «Правда»? О чем может **говорить** «Правда» при **молчащем** Сталине?

24 июля «Правда» следующим образом объясняла берлинский поворот: *«Неугастие в референдуме ознагло бы, что коммунисты стоят за нынешний реакционный Ландтаг»*. Все дело сводится здесь к простому вотуму недоверия. Но почему же в таком случае коммунисты не взяли на себя инициативу референдума, почему они в течение месяцев боролись против этой инициативы, и почему они 21 июля стали перед ней вдруг на колени? Аргумент «Правды» есть запоздалый аргумент парламентского кретинизма, и только.

11 августа, после референдума, «Правда» меняет аргументацию: *«Смысл угастия в референдуме заключался для партии во внепарламентской мобилизации масс»*. Но ведь для этой именно цели, для внепарламентской мобилизации масс, назначен был день 1 августа. Не будем сейчас останавливаться на критике календарных красных дней. Но 1-го августа коммунистическая партия во всяком случае мобилизовала массы под собственными лозунгами и под собственным руководством. Почему же через неделю понадобилась новая мобилизация, притом такая, когда мобилизуемые не видят друг друга, когда никто их не может подсчитать, когда ни сами они, ни их друзья, ни их враги не могут отличить их от их смертельных врагов?

¹ Вопрос о том, действительно ли Тельман был против последнего поворота и лишь подгинулся Ремеле и Нойману, нашедшим опору в Москве, нас здесь не занимает, как гисто лигный и эпизодический: дело идет о системе. Тельман не посмел апеллировать к партии и следовательно несет всю ответственность.

На следующий день, в номере от 12 августа, «Правда» заявляет не больше, не меньше, как то, что *«результаты голосования ознагают... самый большой удар из всех, которые рабочий класс наносил социал-демократии до сих пор»*. Не будем приводить цифры статистики референдума. Они известны всем (кроме читателей «Правды»), и они бьют нелепое и постыдное бахвальство «Правды» по лицу. Лгать рабочим, пускать им пыль в глаза эти люди считают в порядке вещей.

Официальный ленинизм раздавлен и растоптан каблуками бюрократического эпигона. Но неофициальный ленинизм жив. Пусть не думают разнуждавшиеся чиновники, что все пройдет для них безнаказанно. Научно-обоснованные идеи пролетарской революции сильнее аппарата, сильнее любой кассы, сильнее самых свирепых репрессий. Аппаратом, кассой и репрессиями наши классовые враги неизмеримо сильнее нынешней сталинской бюрократии. И тем не менее на территории России мы их победили. Мы показали, что их можно победить. Революционный пролетариат победит их всюду. Для этого ему необходима правильная политика. В борьбе со сталинским аппаратом пролетарский авангард отвоюет свое право вести политику Маркса и Ленина.

Л. Троцкий. 25 августа 1931 г.

Ключ к международному положению — в Германии

Цель настоящих строк — наметить хотя бы самыми общими чертами, как складывается в настоящий момент мировое политическое положение — в результате основных противоречий упадочного капитализма, осложненных и обостренных грозным торгово-промышленным и финансовым кризисом. Бегло намеченные ниже соображения, далеко не охватывающие всех стран и всех вопросов, подлежат дальнейшей серьезной коллективной разработке.

1. Испанская революция создала общие политические предпосылки для непосредственной борьбы пролетариата за власть. Синдикалистские традиции испанского пролетариата сразу обнаружили, как одно из главных препятствий на пути развития революции. Коминтерн оказался застигнут событиями врасплох. Совершенно бессильная в начале революции коммунистическая партия заняла ложную позицию во всех основных вопросах. Испанский опыт показал, — напомним снова, — каким страшным орудием дезорганизации революционного сознания передовых рабочих является нынешнее руководство Коминтерна! Чрезвычайное отставание пролетарского авангарда от развития событий, политически распыленный характер героической борьбы рабочих масс, фактическая взаимная страховка анархо-синдикализма и социал-демократии — таковы основные политические условия, которые дали республиканской буржуазии в

союзе с социал-демократией возможность восстановить аппарат репрессий и, нанося восстающим массам удар за ударом, сосредоточить в руках правительства значительную политическую власть.

На этом примере мы видим, что фашизм вовсе не является единственным средством буржуазии в борьбе с революционными массами. Режим, который существует сейчас в Испании, больше всего отвечает понятию керенщины, т. е. последнего (или «предпоследнего») «левого» правительства, которое только может выдвинуть буржуазия в борьбе против революции. Но такого рода правительство вовсе не означает необходимо слабость и протрацию. При отсутствии сильной революционной партии пролетариата комбинация полуреформ, левых фраз, левейших жестов и репрессий может сослужить буржуазии более действительную службу, чем фашизм.

Незачем говорить, что испанская революция не закончена. Она не разрешила самых элементарных своих задач (аграрный, церковный и национальный вопросы) и отнюдь не исчерпала революционные ресурсы народных масс. Буржуазная революция больше того, что она дала, дать не сможет. По отношению же к пролетарской революции нынешнее внутреннее положение в Испании может быть названо предреволюционным, но никак не более того. Весьма вероятно, что наступательное развитие испанской революции получит более или менее затяжной характер. Этим исторический процесс как бы открывает испанскому коммунизму новый кредит.

2. Положение в Англии также можно с известным правом назвать предреволюционным, если только строго условиться, что между предреволюционным и непосредственно революционным положением может пройти период в несколько лет, с частичными приливами и отливами. Экономическое положение Англии достигло крайней остроты. Но политическая надстройка в этой архи-консервативной стране чрезвычайно отстает от изменений в экономическом базисе. Прежде, чем пустить в ход новые политические формы и методы, все классы английской нации пытаются еще и еще раз обыскать старые кладовые, перелицевать старые дедушкины и бабушкины платя и пр. Факт таков, что в Англии, несмотря на грозный национальный упадок, все еще нет ни значительной революционной партии, ни ее антипода — фашистской партии. Благодаря этому буржуазия получила возможность мобилизовать большинство народа под «национальным» знаменем, т. е. под самым пустым из всех возможных лозунгов. В предреволюционной обстановке гигантское политическое преобладание получил архи-тупоумный консерватизм. На приспособление политической надстройки к реальному экономическому и международному положению страны понадобится, по всей вероятности не один месяц, может быть, и не один год.

Нет никаких оснований думать, что крушение «национального» блока — а такое крушение неизбежно в сравнительно недалеком будущем — непосредственно приведет либо к пролетарской революции (другой революции в Англии, разумеется, не может быть), либо к торжеству «фашизма». Наоборот, с гораздо большей вероятностью можно предположить, что на пути к революционной развязке Англия пройдет еще через длительный период радикально-демо-

кратически-социально-пацифистской демагогии, ллойд-джорджиады и лейборизма. Можно, таким образом, не сомневаться, что историческое развитие Англии предоставит еще значительный период британскому коммунизму, чтобы превратиться в действительную партию пролетариата к тому моменту, когда развязка надвинется вплотную. Из этого, однако, вовсе не вытекает, что можно и дальше терять время на гибельные эксперименты и центристские зигзаги. В нынешней мировой обстановке время является самым дорогим видом сырья.

3. Франция, которую мудрецы Коминтерна полтора-два года тому назад помещали «*в переднем ряду революционного подъема*», является на самом деле самой консервативной страной не только в Европе, но, пожалуй, и во всем мире. Относительная устойчивость капиталистического режима Франции коренится в значительной мере в ее отсталости. Кризис в ней сказывается слабее, чем в других странах. В финансовой области Париж даже тянется равняться с Нью-Йорком. Нынешнее финансовое «благополучие» французской буржуазии непосредственным своим источником имеет версальский грабеж. Но именно версальский мир таит в себе главную угрозу для всего режима французской республики. Между численностью населения, производительными силами и национальным доходом Франции, с одной стороны, и ее нынешним международным положением, с другой, существует вопиющее противоречие, которое неизбежно приведет ко взрыву. Чтоб поддерживать свою недолговечную гегемонию, Франция, как «национальная», так и радикально-социалистическая, вынуждена опираться во всем мире на самые реакционные силы, на самые архаические формы эксплуатации, на гнусную румынскую клику, на растленный режим Пилсудского, на диктатуру военщины в Югославии, поддерживать раздробление немецкой нации (Германия и Австрия), отстаивать польский коридор в Восточной Пруссии, помогать японской интервенции в Манчжурии, толкать японскую военную клику против СССР, выступать, как главный враг освободительного движения колониальных народов, и прочее и прочее. Противоречие между второстепенной ролью Франции в мировом хозяйстве и ее чудовищными привилегиями и претензиями в мировой политике будет обнаруживаться с каждым месяцем все более явственно, будет нагромождать опасность на опасность, расшатывать внутреннюю устойчивость, порождать тревогу и недовольство народных масс и вызывать все более глубокие политические сдвиги. Эти процессы, несомненно, обнаружатся уже во время ближайших парламентских выборов.

Но, с другой стороны, все заставляет предполагать, что, если не произойдет крупных событий вне страны (победа революции в Германии или, наоборот, победа фашизма), развитие внутренних отношений в самой Франции пойдет в ближайший период сравнительно «плановмерно», что открывает перед коммунизмом возможность использовать для своего упрочения значительный подготовительный период, до наступления предреволюционной и революционной ситуации.

4. В Соединенных Штатах, самой могущественной стране капитала, нынешний кризис с поразительной силой обнажил ужасающие социальные противоречия. От небывалого периода процветания, по-

ражавшего весь мир фейерверком миллионов и миллиардов, Соединенные Штаты сразу перешли к безработице миллионов, к периоду самой страшной, биологической нищеты трудящихся. Такое гигантское социальное потрясение не может пройти бесследно для политического развития страны. Сегодня еще трудно установить, по крайней мере, со стороны, сколько-нибудь значительную радикализацию американских рабочих масс. Можно предположить, что сами массы в такой мере застигнуты врасплох катастрофическим переломом конъюнктуры, так придавлены и оглушены безработицей или страхом перед безработицей, что еще не успели сделать самые элементарные политические выводы из обрушившегося на них бедствия. На это нужно известное время. Но выводы будут сделаны. Грандиозный экономический кризис, принявший характер социального кризиса, неизбежно превратится в кризис политического сознания американского рабочего класса. Весьма возможно, что революционная радикализация широких рабочих слоев обнаружится не в период наибольшего упадка конъюнктуры, а, наоборот, на повороте к оживлению и подъему. Так или иначе, но в жизни американского пролетариата и народа в целом нынешний кризис откроет новую эпоху. Можно ждать серьезных перетасовок и потасовок в среде правящих партий, новых попыток создания третьей партии и пр. Профессиональное движение, при первых признаках перелома конъюнктуры вверх, остро почувствует потребность вырваться из тисков подлой бюрократии Американской Федерации Труда. Вместе с тем пред коммунизмом откроются необозримые возможности.

В прошлом Америка не раз уже знала бурные вспышки революционных или полуреволюционных массовых движений. Они каждый раз быстро угасали, как потому, что Америка вступала каждый раз в новую полосу бурного экономического подъема, так и потому, что движения сами по себе характеризовались грубым эмпиризмом и теоретической беспомощностью. Оба эти условия теперь остались позади. Новый экономический подъем (а его нельзя считать заранее исключенным) должен будет опираться не на внутреннее «равновесие», а на нынешний мировой экономический хаос. Американский капитализм вступит в эпоху чудовищного империализма, непрерывного роста вооружений, вмешательств в дела всего мира, военных конфликтов и потрясений. С другой стороны, в лице коммунизма радикализирующиеся массы американского пролетариата имеют — или, вернее, при условии правильной политики, могут иметь, — уже не старую смесь эмпирики, мистики и шарлатанства, а научно-обоснованную доктрину, стоящую на уровне событий. Эти коренные изменения позволяют с уверенностью предвидеть, что неизбежный и сравнительно близкий революционный перелом в американском пролетариате будет уже не прежним легко потухающим «соломенным огнем», а началом настоящего революционного пожара. Коммунизм в Америке может с уверенностью идти на встречу своему великому будущему.

5. Царская авантюра в Манчжурии привела к русско-японской войне; война — к революции 1905 года. Нынешняя японская авантюра в Манчжурии может привести к революции в **Японии**.

Феодално-военный режим страны в начале этого века еще с успехом служил интересам молодого японского капитализма. Но за последнюю четверть века капиталистическое развитие внесло чрезвычайное разложение в старые социальные и политические формы. Япония уже несколько раз с того времени шла к революции. Но в ней не хватало крепкого революционного класса, чтобы выполнить поставленные развитием задачи. Манчжурская авантюра может ускорить революционную катастрофу японского режима.

Нынешний Китай, как он ни ослаблен диктатурой гоминдановских клик, глубоко отличается от того Китая, который Япония, вслед за европейскими державами, насильствовала в прошлом. Китай не в силах сразу выбросить японские экспедиционные войска, но национальное сознание и активность китайского народа чрезвычайно выросли, через военную выучку прошли сотни тысяч, миллионы китайцев. Китайцы будут импровизировать все новые и новые армии. Японцы будут себя чувствовать осажденными. Железные дороги будут гораздо больше служить военным целям, чем хозяйственным. Придется посылать все больше и больше войск. Разрастаясь, манчжурская экспедиция станет истощать хозяйственный организм Японии, увеличивать недовольство внутри страны, обострять противоречия и тем ускорять революционный кризис.

6. В Китае необходимость решительной обороны против империалистического вторжения также должна вызвать серьезные внутренние политические последствия. Режим Гоминдана вырос из национального революционного движения масс, использованного и задушенного буржуазными милитаристами (при содействии сталинской бюрократии). Именно поэтому нынешний режим, противоречивый и шаткий, неспособен на военно-революционную инициативу. Необходимость обороны против японских насильников будет все больше направляться против гоминдановского режима, питая революционные настроения масс. В этих условиях пролетарский авангард, при правильной политике, может наверстать то, что было так трагически упущено в течение 1924 — 1927 годов.

7. Нынешние события в Манчжурии показывают в частности, как наивны были те господа, которые требовали от советского правительства простого возвращения Китайско-Восточной дороги Китаю. Это значило бы добровольно передать ее Японии, в руках которой дорога стала бы важным орудием как против Китая, так и против СССР. Если до сих пор что удерживало военные клики Японии от интервенции в Манчжурии и если что может и сейчас еще удержать их в пределах осторожности, так это тот факт, что Восточно-Китайская дорога представляет собственность советов.

8. Не может ли, однако, манчжурская авантюра Японии привести ее к войне с СССР? Разумеется, это не исключено даже при самой разумной и осторожной политике советского правительства. Внутренние противоречия феодално-капиталистической Японии явно лишили равновесия ее правительство.

В подстрекателях (Франция!) недостатка нет. А из исторического опыта царизма на Дальнем Востоке мы знаем, на что способна потерявшая равновесие военно-бюрократическая монархия.

Завязывающаяся на Дальнем Востоке борьба ведется, разумеется, не из-за железной дороги, а из-за вопроса о судьбе всего Китая. В этой гигантской исторической борьбе советское правительство не может быть нейтрально, не может одинаково относиться к Китаю и к Японии. Оно обязано быть полностью и целиком на стороне китайского народа. Только несокрушимая верность советского правительства освободительной борьбе угнетенных народов может действительно оградить Советский Союз с Востока, со стороны Японии, Англии, Франции, Соединенных Штатов.

В каких формах советское правительство будет в ближайший период помогать борьбе китайского народа, зависит от конкретных исторических обстоятельств. Но если нелепо было бы ранее добровольно отдавать Восточную дорогу Японии, то столь же нелепо было бы подчинять всю политику на Дальнем Востоке вопросу о Китайско-Восточной дороге. Многие говорят за то, что поведение японской военной клики в этом вопросе имеет сознательно провокационный характер. За этой провокацией непосредственно стоит правящая Франция. Цель провокации — связать Советский Союз на Востоке. Тем больше выдержки и дальновзоркости требуется со стороны советского правительства.

Основные условия Востока: огромные пространства, неисчислимые человеческие массы, экономическая отсталость — придают всем процессам медленный, затяжной, ползучий характер. Непосредственная или острая опасность с Дальнего Востока существованию Советского Союза, во всяком случае, не грозит. Главные события будут в ближайшее время развиваться в Европе. Здесь могут раскрыться великие возможности, но отсюда же угрожают и великие опасности. Пока что на Дальнем Востоке связала свои руки лишь Япония. Советскому Союзу сейчас нужно держать свои руки свободными.

9. На мировом политическом фоне, отнюдь не мирном, резко выделяется положение в **Германии**. Экономические и политические противоречия достигли здесь неслыханной остроты. Развязка надвигается вплотную. Приблизился тот момент, когда предреволюционное положение должно превратиться в революционное или — в контрреволюционное. От того, в каком направлении пойдет развязка германского кризиса, будет зависеть на много-много лет не только судьба самой Германии (что уже само по себе очень много), но и судьба Европы, судьба всего мира.

Социалистическое строительство СССР, ход испанской революции, развитие предреволюционной ситуации в Англии, дальнейшая судьба французского империализма, судьба революционного движения в Китае и Индии — все это прямо и непосредственно упирается в вопрос о том, кто победит в течение ближайших месяцев в Германии: коммунизм или фашизм?

10. После прошлогодних сентябрьских выборов в Рейхстаг правление германской компартии утверждало, что фашизм достиг своей кульминации, и что отныне он будет быстро разваливаться, очищая дорогу пролетарской революции. Левая коммунистическая оппозиция (большевики-ленинцы) издевались тогда над этим легковесным оптимизмом. Фашизм есть продукт двух условий: острого социального кризиса, с одной стороны, революционной слабости германского пролетариата, с другой. Слабость пролетариата, в свою очередь, слагается из двух элементов: из особой исторической роли социал-демократии, этой все еще могущественной капиталистической агентуры в рядах пролетариата, и из неспособности центристского руководства компартии объединить рабочих под знаменем революции.

Субъективным фактором является для нас компартия, ибо социал-демократия есть объективное препятствие, которое надо устранить. Фашизм стал бы действительно рассыпаться на куски, если б компартия сумела объединить рабочий класс, превратив его тем самым в могучий революционный магнит для всех угнетенных масс народа. Но политика компартии со времени сентябрьских выборов только усугубляла ее несостоятельность: пустозвонство насчет «социал-фашизма», заигрывание с шовинизмом, подделка под настоящий фашизм с целью базарной конкуренции с ним, преступная авантюра «красного референдума» — все это не позволяет компартии стать вождем пролетариата и народа. Она привлекла за последние месяцы под свое знамя лишь те новые элементы, которые величайший кризис почти насильственно толкал в ее ряды. Социал-демократия, несмотря на гибельные для нее политические условия, благодаря помощи компартии, сохранила главную массу своих сторонников, отделавшись пока что значительными, правда, но все же второстепенными потерями. Что же касается фашизма, то он, вопреки недавнему бахвальству Тельмана, Реммеле и других и в полном соответствии с прогнозом большевиков-ленинцев, сделал с сентября прошлого года новый огромный скачек вперед. Руководство Коминтерна ничего не умело ни предвидеть, ни предупредить. Оно лишь регистрирует поражения. Его резолюции и прочие документы представляют собою — увы! — лишь фотографию задней части исторического процесса.

11. Час решения приблизился. Между тем Коминтерн не хочет, вернее сказать, боится отдать себе отчет в действительном характере нынешнего мирового положения. Президиум Коминтерна отделяется пустыми агитационными бумажками. Руководящая партия Коминтерна, ВКП, не заняла никакой позиции. «Вожди мирового пролетариата» точно набрали воды в рот. Они думают отмолчаться. Они собираются отсидеться. Они надеются переждать. Политику Ленина они подменили... политикой страуса. Приближается вплотную один из тех узловых моментов истории, когда Коминтерн, после ряда больших, но все же «частных» ошибок, подрывавших и расшатывавших его силы, накопленные в первое пятилетие существования, рискует совершить основную, роковую ошибку, которая может смести Коминтерн, как революционный фактор, с политической карты на целую историческую эпоху.

Пусть слепцы и трусы не замечают этого. Пусть клеветники и наемные журналисты обвиняют нас в союзе с контрреволюцией. Ведь контрреволюция это, как известно, вовсе не то, что укрепляет мировой империализм, а то, что мешает пищеварению коммунистического чиновника. Большевиков-ленинцев клевета не испугает и не остановит в выполнении их революционного долга. Ничего нельзя замалчивать и смягчать. Надо ясно и громко сказать передовым рабочим: после «третьего периода» авантюризма и хвастовства наступил уже «четвертый период» — паники и капитуляции.

12. Если молчание нынешних вождей ВКП перевести на членораздельный язык, то оно означает: «оставьте нас в покое». Внутренние затруднения в СССР чрезвычайно велики. Не регулируемые экономические и социальные противоречия продолжают обостряться. Деморализация аппарата, как неизбежный продукт плебисцитарного режима, приняла поистине угрожающие размеры. Политические отношения и, прежде всего, отношения внутри партии, отношения между деморализованным аппаратом и распыленной массой натянуты, как тугая струна. Вся мудрость бюрократа в том, чтобы **выждать, оттянуть**. Положение в Германии явно грозит потрясениями. Но именно потрясений сталинский аппарат боится больше всего. «Оставьте нас в покое! Дайте нам выбраться из наиболее острых внутренних противоречий. А там... видно будет». Таково настроение верхов сталинской фракции. Именно оно скрывается за скандальным молчанием «вождей» в такой момент, когда элементарнейший революционный долг их состоит в том, чтоб высказаться ясно и отчетливо.

13. Нет ничего удивительного, если вероломное молчание московского руководства стало сигналом для паники берлинских вождей. Теперь, когда надо готовиться к тому, чтобы вести массы в решающие бои, правление германской компартии проявляет растерянность, виляет и отделяется фразами. К самостоятельной ответственности эти люди не привыкли. Они больше всего мечтают сейчас о том, нельзя ли как-нибудь доказать, что «марксизм-ленинизм» требует уклонения от боя?

Законченной теории на этот счет еще как будто не создано. Но она уже носится в воздухе. Она передается из уст в уста и сквозит в статьях и речах. Смысл этой теории таков: фашизм растет неудержимо; его победа все равно неизбежна; вместо того, чтоб «слепо» бросаться в борьбу и дать себя разбить, лучше осторожно отступить, предоставить фашизму овладеть властью и скомпрометировать себя. Тогда, — о, тогда! — мы себя покажем.

Авантюризм и легкомыслие, по законам политической психологии, сменились прострацией и капитулянтством. Победа фашистов, считавшаяся год тому назад немислимой, сейчас считается уже обеспеченной. Какой-нибудь Куусинен, вдохновляемый за кулисами каким-нибудь Радеком, подготавливает для Сталина гениальную стратегическую формулу: своевременно отступить, вывести революционные войска из полосы огня, подставить фашистам ловушку в виде... государственной

Если б эта теория утвердилась в германской компартии и определила ее политический курс в ближайшие месяцы, это означало бы со стороны Коминтерна предательство не меньшего исторического объема, чем предательство социал-демократии 4 августа 1914 года, — притом с еще более страшными последствиями.

Обязанность левой оппозиции бить тревогу: руководство Коминтерна ведет германский пролетариат к грандиозной катастрофе, суть которой — в панической капитуляции перед фашизмом.

14. Приход «национал-социалистов» к власти означал бы прежде всего истребление цвета германского пролетариата, разрушение его организаций, искоренение в нем веры в себя и в свое будущее. В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии, адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с работой германского национал-социализма.

Отступить? говорите вы, вчерашние пророки «третьего периода». Вожди и учреждения могут отступить. Отдельные лица могут скрыться. Но рабочему классу пред лицом фашистской власти некуда будет отступать и негде скрываться. Если допустить, в самом деле, чудовищное и невероятное, т. е., что партия действительно уклонится от боя и тем выдаст пролетариат с головою его смертельному врагу, то это значило бы лишь одно: жестокие бои разразились бы не до прихода фашистов к власти, а после этого, т. е. в условиях, в десятки раз более выгодных для фашизма, чем сейчас. Борьба преданного собственным руководством, застигнутого врасплох, дезориентированного, отчаявшегося пролетариата против фашистского режима превратилась бы в ряд страшных, кровавых и безысходных конвульсий. Десять пролетарских восстаний, десять поражений, одно за другим, не могли бы так обескровить и обессилить германский рабочий класс, как обессилило бы его отступление перед фашизмом в настоящий момент, когда еще только предстоит решение вопроса о том, кому стать хозяином в немецком доме.

15. Фашизм еще не у власти. Путь к власти для него еще не открыт. Вожди фашизма еще боятся дерзать: они понимают, что ставка велика, что дело идет о головах. В этих условиях только капитулянтские настроения в коммунистических верхах могут неожиданно упростить и облегчить задачу.

Если сейчас даже влиятельные круги буржуазии опасаются фашистского эксперимента, именно потому, что не хотят потрясений, долгой и грозной гражданской войны, то капитулянтская политика официального коммунизма, открывающая фашизму дорогу к власти, толкнула бы полностью в сторону фашизма и средние классы, и еще колеблющиеся слои мелкой буржуазии, и значительные слои самого пролетариата.

Разумеется, **когда-нибудь** торжествующий фашизм падет жертвой объективных противоречий и собственной несостоятельности. Но непо-

средственно, для обозримого будущего, для ближайших 10 — 20 лет, победа фашизма в Германии означала бы перерыв в развитии революционной преемственности, крушение Коминтерна, торжество мирового империализма в самых его отвратительных и кровавых формах.

16. Победа фашизма в Германии означала бы неизбежную войну против СССР.

Прямым политическим тупоумием было бы, в самом деле, думать, что, придя к власти, немецкие национал-социалисты начнут с войны против Франции или хотя бы против Польши. Неизбежная гражданская война против немецкого пролетариата свяжет фашизм во внешней политике по рукам и ногам на весь первый период его господства. Гитлер будет так же нуждаться в Пилсудском, как Пилсудский в Гитлере. Оба они в одинаковой мере станут орудиями Франции. Если французский буржуа сейчас опасается пришествия германских фашистов к власти, как скачка в неизвестное, — то в день победы Гитлера французская реакция, «национальная», как и радикально-социалистическая, поставит всю свою ставку на немецкий фашизм.

Ни одно из «нормальных», парламентских буржуазных правительств не может рискнуть сейчас войной против СССР: это грозило бы необозримыми внутренними осложнениями. Но если Гитлер придет к власти, если он разгромит затем авангард немецких рабочих, распылит и деморализует на годы пролетариат в целом, фашистское правительство окажется единственным правительством, способным на войну с СССР. Разумеется, оно будет действовать при этом в общем фронте с Польшей и Румынией, с другими окраинными государствами и с Японией — на Дальнем Востоке. В этом своем предприятии правительство Гитлера явилось бы лишь исполнительным органом всего мирового капитала. Клемансо, Мильеран, Ллойд-Джордж, Вильсон не могли вести непосредственно войны с Советской республикой, но они могли в течение трех лет поддерживать армии Колчака, Деникина, Врангеля. Гитлер стал бы, в случае победы, сверх-Врангелем мировой буржуазии.

Незачем, да и невозможно сейчас гадать, как закончился бы такого рода гигантский поединок. Но совершенно ясно, что если б война мировой буржуазии против советов открылась после прихода фашистов к власти в Германии, это означало бы для СССР страшную изоляцию и борьбу не на жизнь, а на смерть в самых тяжких и в самых опасных условиях. Разгром германского пролетариата фашистами заключал бы в себе уже, по крайней мере, на половину крушение республики советов.

17. Но прежде, чем вопрос выйдет на поля европейских сражений, он должен разрешиться в Германии. Поэтому мы и говорим, что в Германии находится ключ к мировому положению. В чьих он руках? Пока еще в руках компартии. Она еще не выронила его. Но она может его выронить. Руководство толкает ее на этот путь.

Всякий, кто проповедует «стратегическое отступление», т. е. капитуляцию, всякий, кто терпит такую проповедь, является изменником. Пропагандисты отступления перед фашистами должны рассматриваться, как бессознательные агенты врага в рядах пролетариата.

Элементарный революционный долг германской коммунистической партии обязывает ее сказать: фашизм может прийти к власти только через беспощадную истребительную гражданскую войну, не на жизнь, а на смерть. Это должны знать прежде всего рабочие-коммунисты. Это должны знать рабочие социал-демократы, беспартийные, пролетариат в целом. Это должен знать мировой пролетариат. Это должна заранее знать Красная армия.

18. Но не безнадежна ли, в самом деле, борьба? В 1923 году Брандлер чудовищно преувеличивал силы фашизма и этим прикрывал капитуляцию. Последствия этой стратегии мировое рабочее движение несет до сегодняшнего дня. Историческая капитуляция германской компартии и Коминтерна в 1923 году легла в основу последующего роста фашизма. Сейчас немецкий фашизм представляет собою неизмеримо большую политическую силу, чем 8 лет тому назад. Мы все время предостерегали против недооценки фашистской опасности, и не нам ее отрицать теперь. Именно поэтому мы можем и должны сказать немецким революционным рабочим: ваши вожди из одной крайности снова впадают в другую.

Пока что главная сила фашистов есть сила числа. Да, они собирают много избирательных бюллетеней. Но в социальной борьбе решает не бюллетень. Главной армией фашизма остается все же мелкая буржуазия и новое среднее сословие: мелкий ремесленный и торговый городской люд, чиновники, служащие, технический персонал, интеллигенция, разоряющиеся крестьяне. На весах избирательной статистики тысяча фашистских голосов весит столько же, сколько и тысяча коммунистических. Но на весах революционной борьбы тысяча рабочих крупного предприятия представляет собою силу в сто раз большую, чем тысяча чиновников, канцеляристов, их жен и тещ. Главная масса фашистов состоит из человеческой пыли.

Эсеры в русской революции были партией больших чисел. За них голосовали на первых порах все, кто не был сознательным буржуа и сознательным рабочим. Даже в Учредительном Собрании, т. е. уже после октябрьского переворота, эсеры все еще оказались в большинстве. Они себя считали поэтому великой национальной партией. Они оказались великим национальным нулем.

Мы не собираемся ставить знак равенства между русскими эсерами и немецкими национал-социалистами. Но черты сходства, очень важные для выяснения рассматриваемого вопроса, у них бесспорно есть. Эсеры были партией смутных народных надежд. Национал-социалисты являются партией национального отчаянья. Наибольшей способностью переходить от надежд к отчаянью обладает мелкая буржуазия, увлекающая за собою при этом и часть пролетариата. Главная масса национал-социалистов, как и эсеров — человеческая пыль.

19. Впавшие в панику горе-стратеги забывают о самом главном: о великих социальных и боевых преимуществах пролетариата. Его силы не израсходованы. Он способен не только к борьбе, но и к победе. Разговоры об упадочном настроении на предприятиях отражают в большинстве случаев упадочные настроения

самих наблюдателей, т. е. растерянных партийных чиновников. Но надо принять во внимание и то, что рабочие не могут не быть смущены сложной обстановкой и путаницей на верхах. Рабочие понимают, что великий бой требует твердого руководства. Не сила фашистов и не необходимость жестокой борьбы пугают рабочих. Их тревожит ненадежность и шаткость руководства, колебания в самый ответственный момент. От настроений угнетенности и упадка на заводах не останется и следа, как только партия твердо, ясно, уверенно поднимет свой голос.

20. Бесспорно: у фашистов имеются серьезные боевые кадры, опытные ударные отряды. К этому нельзя относиться легко: «офицеры» и в армии гражданской войны играют большую роль. Но решают не офицеры, а солдаты. Между тем солдаты пролетарской армии неизмеримо выше, надежнее, выдержаннее, чем солдаты армии Гитлера.

После захвата власти фашизм легко найдет своих солдат. При помощи государственного аппарата можно строить армию из буржуазных сынков, интеллигентов, конторщиков, деморализованных рабочих, люмпенов и пр. Пример: итальянский фашизм. Хотя и тут нужно сказать: серьезной исторической проверки боевой ценности итальянской фашистской милиции до сих пор еще не было. Но ведь пока еще немецкий фашизм не у власти. Власть еще надо завоевать в борьбе с пролетариатом. Неужели же коммунистическая партия выдвинет для этой борьбы худшие кадры, чем кадры фашизма? И можно ли допустить хоть на минуту, что немецкие рабочие, держащие в своих руках могущественные средства производства и транспорта, связанные условиями своего труда в армию железа, угля, рельсов, электрических проводов, не обнаружат в решающей борьбе неизмеримое превосходство над человеческой пылью Гитлера?

Важным элементом силы партии или класса является также и то представление, какое партия или класс имеют о соотношении сил в стране. Во всякой войне враг стремится внушить преувеличенное представление о своих силах. В этом был один из секретов стратегии Наполеона. Врать Гитлер умеет во всяком случае не хуже Наполеона. Но его хвастовство становится военным фактором лишь с того момента, как коммунисты ему верят. Больше всего сейчас нужен реальный учет сил. Что есть у национал-социалистов на заводах, на железных дорогах, в армии, сколько у них организованного и вооруженного офицерства? Ясный социальный анализ состава обоих лагерей, постоянный и бдительный подсчет сил — вот безошибочные источники революционного оптимизма.

Сила национал-социалистов сейчас не столько в их собственной армии, сколько в расколотости армии их смертельного врага. Но как раз реальность фашистской опасности, рост ее и приближение, сознание необходимости во что бы то ни стало предотвратить ее, должны неизбежно толкать рабочих к сплочению во имя самообороны. Концентрация пролетарских сил пойдет тем быстрее и успешнее, чем надежнее окажется стержень этого процесса, т. е. коммунистическая партия. Ключ к позиции пока еще в ее руках. Горе ей, если она его выпронит!

За последние годы чиновники Коминтерна по всем и по всяким поводам, иногда совершенно неподходящим, кричали о непосредственно угрожающей СССР военной опасности. Сейчас эта опасность принимает реальный характер и конкретные очертания. Для всякого революционного рабочего должно стать аксиомой: покушение фашистов на захват власти в Германии не может не повести за собой мобилизацию Красной армии. Для пролетарского государства дело будет здесь идти в самом прямом и непосредственном смысле о революционной самообороне. Германия есть не только Германия. Она есть сердцевина Европы. Гитлер есть не только Гитлер. Он кандидат в сверх-Врангели. Но и Красная армия есть не только Красная армия. Она — орудие мировой пролетарской революции.

Л. Троцкий.

P. S. Работа автора этих строк «Против национал-коммунизма» встретила несколько двусмысленных одобрений со стороны социал-демократической и демократической печати. Было бы не столько странно, но и противоестественно, если бы — в то самое время, как германский фашизм так удачно использовал грубейшие ошибки германского коммунизма, — социал-демократы не попытались бы использовать открытой и резкой критики этих ошибок.

Незачем говорить, что сталинская бюрократия в Москве, как и в Берлине ухватилась за статьи социал-демократической и демократической печати о нашей брошюре, как за драгоценный подарок: теперь есть, наконец, одна действительная «улика», нашего единого фронта с социал-демократией и буржуазией. Люди, которые проделали китайскую революцию рука об руку с Чан-Кай-Ши, а британскую всеобщую стачку рука об руку с Перселем, Ситриним и Куком — дело шло не о статьях, а о грандиозных исторических событиях! — вынуждены с радостью цепляться за эпизоды газетной полемики. Но мы не боимся очной ставки и в этой плоскости. Нужно только рассуждать, а не визжать, анализировать, а не браниться.

Прежде всего мы ставим вопрос: кому помогло нелепое и преступное участие германской компартии в фашистском референдуме? Факты успели неоспоримо ответить на этот вопрос: фашистам, и только им. Именно поэтому главный вдохновитель этой преступной авантюры трусливо отказался от прав отцовства: в речи перед ответственными работниками в Москве Сталин защищал участие в референдуме, но, спохватившись, запретил газетам не только печатать его речь, но даже упоминать о ней.

Разумеется, «Форвертс», «Берлинер Тагеблат», «Винер Арбайтер Цайтунг» — особенно последняя — цитируют нашу брошюру в высшей степени недобросовестно. Да и можно ли требовать добросовестности по отношению к идеям пролетарской революции со стороны буржуазной и мелкобуржуазной печати? Однако, мы готовы пренебречь подтасовками и пойти на встречу обвинениям сталинских чиновников. Мы готовы признать, что поскольку социал-демократия боится победы фашистов, отражая этим революционную тревогу рабочих,

постольку она имела известное **объективное** право использовать нашу критику политики сталинцев, оказавшей огромную услугу фашистам. Основой этого ее «права» является, однако, не наша брошюра, а ваша политика, о, мудрые стратеги! Вы говорите, что мы оказались в «едином фронте» с Вельсом и Зевеингом? **Только на этой почве и только в тех размерах, в каких вы оказались в едином фронте с Гитлером и его черносотенными бандами.** Да и тут еще с той разницей, что у вас дело шло о совместном политическом действии, у нас же свелось лишь к двусмысленному использованию противником нескольких цитат.

Когда Сократ выставял философский принцип «познай самого себя», то он несомненно имел в виду Тельмана, Ноймана и даже самого Реммеле.

Л. Т.

В чем состоит ошибочность сегодняшней политики германской компартии?

(Письмо немецкому
рабочему-коммунисту, члену ГКП)

Германия переживает сейчас один из тех великих исторических часов, от которых зависит судьба немецкого народа, судьба Европы, в значительной мере, судьба всего человечества на десятки лет. Если шар поставить на вершину пирамиды, то он от небольшого толчка может скатиться либо налево, либо направо. Вот к такому положению приближается сейчас с каждым часом Германия. Есть силы, которые хотят, чтобы шар скатился направо и раздавил спину рабочему классу. Есть силы, которые хотят, чтобы шар удержался на вершине. Это утопия. Шар не может удержаться на острие пирамиды. Коммунисты хотят, чтоб шар скатился влево и разбил спину капитализму. Но мало хотеть, надо уметь. Попробуем еще раз спокойно обдумать: правильна или неправильна та политика, которую ведет сейчас Центральный комитет германской компартии.

Чего хочет Гитлер?

Фашисты очень быстро растут. Коммунисты также растут, но значительно медленнее. Рост крайних полюсов показывает, что шар не может удержаться на вершине пирамиды. Более быстрый рост фашистов означает ту опасность, что шар может скатиться вправо. В этом огромная опасность.

Гитлер уверяет, что он против государственного переворота. Для того, чтобы раз навсегда задушить демократию, он хочет будто бы прийти к власти не иначе, как демократическим путем. Можно ли этому серьезно поверить?

Конечно, если б фашисты могли рассчитывать получить на ближайших выборах мирным путем абсолютное большинство мандатов, они, может быть, и предпочли бы этот путь. Но на самом деле этот путь для них невыносим. Нелепо было бы думать, будто наци в течение неопределенно долгого времени будут расти, как они растут сейчас. Днем раньше или позже они должны исчерпать свой социальный резервуар.

Фашизм включил в свои ряды такие страшные противоречия, что близится момент, когда приток перестанет возмещать отлив. Этот момент может наступить за долго до того, как фашисты соберут вокруг себя больше половины голосов. Останавливаться им нельзя будет, ибо ждать им будет больше нечего. Они вынуждены будут пойти на переворот.

Но и независимо от этого демократический путь для фашистов отрезан. Страшный рост политических противоречий в стране и, прежде всего, чисто разбойничья агитация фашистов, неизбежно ведут к тому, что чем ближе будут фашисты приближаться к большинству, тем больше будет накаляться атмосфера, тем шире будут разворачиваться стычки и бои. В этой перспективе гражданская война абсолютно неизбежна. Вопрос о приходе фашистов к власти будет, следовательно, решаться не голосованием, а гражданской войной, которую фашисты готовят и вызывают.

Можно ли предположить хоть на минуту, что Гитлер и его советники не понимают и не предвидят этого? Это значило бы считать их глупцами. Нет большего преступления в политике, как надеяться на глупость сильного врага. А раз Гитлер не может не понимать, что путь к власти лежит через жесточайшую гражданскую войну, значит его речи о мирном демократическом пути являются прикрытием, т. е. военной хитростью. Тем более нужно глядеть в оба.

Что скрывается за военной хитростью Гитлера?

60 Расчет его совершенно прост и очевиден: он хочет усыпить противника более далекой перспективой парламентского роста наци, чтобы в благоприятную минуту нанести усыпленному противнику смертельный

удар. Весьма возможно, что преклонение Гитлера перед демократическим парламентаризмом должно, кроме того, помочь осуществить в ближайшее время какую-нибудь коалицию, в которой фашисты овладеют важнейшими постами и используют их, опять-таки, для государственного переворота. Ибо совершенно очевидно, что коалиция, скажем, центра с фашистами, была бы не этапом к «демократическому» разрешению вопроса, а ступенькой к государственному перевороту в наиболее выгодных для фашистов условиях.

Надо брать короткий прицел

Все это означает, что развязка, даже независимо от воли фашистского штаба, должна наступить в течение ближайших месяцев, если не недель. Это обстоятельство имеет гигантское значение для выработки правильной политики. Если допустить, что фашисты возьмут через два-три месяца власть, то бороться с ними в будущем году будет в десять раз труднее, чем в нынешнем. Всякого рода революционные планы, рассчитанные на два-три-пять лет вперед, окажутся жалкой и постыдной болтовней, если рабочий класс в течение ближайших двух-трех-пяти месяцев даст фашистам прийти к власти. Расчет времени в военных операциях, как и в политике революционных кризисов имеет решающее значение.

Для пояснения нашей мысли возьмем более отдаленный пример. Гуго Урбанс, считающий себя «левым коммунистом», объявляет германскую компартию обанкротившейся, политически погибшей и предлагает строить новую партию. Если бы Урбанс был прав, то это значило бы, что победа фашистов обеспечена, ибо для создания новой партии нужны годы (при чем совершенно не доказано, что партия Урбанса будет почему-либо лучше, чем партия Тельмана: когда Урбанс стоял во главе партии, ошибок было никак не меньше).

Да, если бы фашизм действительно овладел властью, то это несомненно означало бы не только физический разгром компартии, но и ее подлинное политическое банкротство. Потерпеть позорное поражение от банд человеческой пыли — этого многомиллионный пролетариат Германии никогда не простил бы Коммунистическому Интернационалу и его немецкой секции. Приход фашистов к власти вероятнее всего означал бы, поэтому, необходимость создания новой революционной партии, по всей вероятности, также и нового Интернационала. Это была бы страшная историческая катастрофа. Но считать сегодня, что все это **неизбежно**, могут только подлинные ликвидаторы, те, которые, под прикрытием пустых фраз, собираются на самом деле трусливо капитулировать до боя и без боя. С этой точкой зрения мы, большевики-ленинцы, которых сталинцы называют «троцкистами», не имеем ничего общего.

Мы несокрушимо убеждены, что победа над фашистами возможна — не после их прихода к власти, не после пяти, десяти или двадцати лет их господства, а теперь, в нынешних условиях, в ближайшие месяцы и недели.

Тельман считает, что победа фашизма неизбежна

Для победы нужна правильная политика. Это значит, в частности, нужна политика, рассчитанная на нынешнее положение, на сегодняшнюю группировку сил, а не на то положение, которое должно наступить через год, два или три, когда вопрос о власти будет давно разрешен.

Все несчастье в том, что политика Центрального комитета германской компартии, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, исходит из признания неизбежности победы фашизма. В самом деле, в опубликованном 29 ноября призыве к «красному единому фронту» Центральный комитет ГКП исходит из той мысли, что нельзя победить фашизм, не победив предварительно германскую социал-демократию. Эту же мысль повторяет на все лады Тельман в своей статье. Верна ли эта мысль? В **историческом** масштабе она безусловно верна. Но это вовсе не значит, что при ее помощи, т. е. путем ее голого повторения, можно решать **вопросы дня**. Мысль, правильная с точки зрения революционной **стратегии**, взятой в целом, превращается в ложь, притом в реакционную ложь, если ее перевести на язык тактики. Верно ли, что для уничтожения безработицы и нищеты нужно предварительно уничтожить капитализм? Верно. Но только последний тупица сделает отсюда тот вывод, что мы не должны сегодня уже бороться изо всех сил против тех мероприятий, при помощи которых капитализм увеличивает нищету рабочих.

Можно ли надеяться на то, что компартия в ближайшие месяцы опрокинет и социал-демократию и фашизм? Ни один здравомыслящий человек, умеющий читать и считать, не рискнет на такое утверждение. Политически вопрос стоит так: можно ли теперь, в течение ближайших месяцев, т. е. при наличности хотя и ослабленной, но все еще очень сильной (к несчастью) социал-демократии дать победоносный отпор наступающему фашизму? На это Центральный комитет ГКП отвечает отрицательно. Другими словами, Тельман считает победу фашизма неизбежной.

Еще раз: русский опыт

Чтобы как можно яснее и конкретнее представить мою мысль, я еще раз обращусь к опыту с восстанием Корнилова. 26 августа (старого стиля) 1917 года генерал Корнилов двинул казачий корпус и дикую дивизию против Петрограда. У власти стоял Керенский, приказчик буржуазии и на три четверти союзник Корнилова.

Ленин находился в подполье по обвинению в службе Гогенцоллерну. По тому же самому обвинению я сидел в те дни в одиночной камере «Крестов». Как же поступили в этом положении большевики? Они тоже имели право сказать: «для того, чтобы победить корниловщину, надо победить керенщину». Они это не раз говорили, ибо это было правильно и необходимо для всей дальнейшей

пропаганды. Но этого было совершенно недостаточно для того, чтобы 26-го августа и в ближайшие дни дать отпор Корнилову и помешать ему зарезать петроградский пролетариат. Поэтому большевики не ограничились общим призывом к рабочим и солдатам: порвать с соглашателями и поддержать единый красный фронт большевиков. Нет, большевики предложили единый боевой фронт эсерам и меньшевикам и создали общие с ними боевые организации. Правильно это было или неправильно? Пусть мне ответит на это Тельман. Чтоб еще ярче показать, как выглядело дело с единым фронтом, приведу такой эпизод: я лично, освобожденный из тюрьмы под залог, внесенный профессиональными союзами, прямо из одиночной камеры приехал на заседание Комитета народной обороны, где вместе с меньшевиком Даном и эсером Гоцем, союзниками Керенского, державшими меня в тюрьме, обсуждал и решал вопросы о борьбе против Корнилова. Правильно ли это было или неправильно? Пусть мне ответит на это Ремеле.

Есть ли Брюнинг «меньшее зло»?

Социал-демократия поддерживает Брюнинга, голосует за него, берет за него ответственность перед массами — на том основании, что правительство Брюнинга есть «меньшее зло». Эту же точку зрения пытается приписать мне «Роте Фане» — на том основании, что я высказался против глупого и постыдного участия коммунистов в референдуме Гитлера. Но разве немецкая левая оппозиция, и я в частности, требовали, чтобы коммунисты голосовали за Брюнинга и поддерживали его? Мы, марксисты, рассматриваем Брюнинга и Гитлера вместе с Брауном, как разные составные элементы одной и той же системы. Вопрос, кто из них — «меньшее зло», не имеет смысла, ибо их система, против которой мы боремся, нуждается во всех этих элементах. Но эти элементы сейчас в состоянии конфликта, и партии пролетариата необходимо использовать этот конфликт в интересах революции.

В гамму входит семь тонов. Вопрос, какой из тонов «лучше»: до, ре или соль, есть бессмысленный вопрос. Музыкант, однако, должен знать, когда, по какой клавише ударить. Так же бессмысленен абстрактный вопрос, кто — меньшее зло: Брюнинг или Гитлер? Но надо знать, по какой из этих клавиш бить. Понятно? Для непонятных приведем еще пример. Если один из врагов отравляет меня ежедневно мелкими порциями яда, а другой хочет пристрелить из-за угла, то я первым делом выбью у этого второго врага револьвер из рук, ибо это даст мне возможность справиться с первым врагом. Но это не значит, что яд есть «меньшее зло» по сравнению с револьвером.

Несчастье в том и состоит, что вожди германской компартии стали на ту же почву, что и социал-демократия, только с обратным знаком: социал-демократы голосуют за Брюнинга, признавая его меньшим злом. А коммунисты, которые отказывают Брюнингу и Брауну в каком бы то ни было доверии (и совершенно правильно поступают), вышли, однако, на улицу для того, чтоб поддержать

референдум Гитлера, т. е. попытку фашистов опрокинуть Брюнинга. Но ведь этим самым они признали, что Гитлер есть меньшее зло, ибо победа референдума привела бы к власти не пролетариат, а Гитлера. Поистине, неловко разъяснять такие азбучные вещи! Плохо, очень плохо, когда такие музыканты, как Ремеле, вместо того, чтобы различать ноты, играют на клавиатуре сапогом.

Дело идет не о тех рабочих, которые покинули социал-демократию, а о тех, которые остаются в ней

Тысячи и тысячи Носке, Вельсов, Гильфердингов предпочтут в **конце концов** фашизм коммунизму. Но для этого они должны окончательно оторваться от рабочих. Сегодня этого еще нет. Сегодня социал-демократия, как целое, при всех своих внутренних антагонизмах, приходит в острый конфликт с фашистами. Задача наша в том, чтобы использовать этот конфликт, а не в том, чтобы в острый момент объединить противников против нас.

Сейчас надо повернуться против фашизма. И этот общий для всего пролетариата фронт прямой борьбы против фашизма надо использовать для фланговой, но тем более действительной борьбы против социал-демократии.

Надо обнаружить на деле полную готовность заключать против фашистов блок с социал-демократами во всех тех случаях, когда они идут на блок. Сказать социал-демократическим рабочим: «бросьте ваших вождей и присоединяйтесь к нашему „непартийному“ единому фронту», значит прибавить еще одну пустую фразу к тысяче других. Надо уметь оторвать рабочих от вождей на деле. А дело сейчас — борьба против фашизма.

Несомненно, есть и будут социал-демократические рабочие, которые готовы, рука об руку с коммунистическими рабочими, бороться против фашистов независимо и даже против воли социал-демократических организаций. С такими передовыми элементами надо, разумеется, установить как можно более тесную связь. Но они пока что немногочисленны. Немецкий рабочий воспитан в духе организации и в духе дисциплины. Это имеет как свои сильные, так и свои слабые стороны. Подавляющее большинство социал-демократических рабочих хочет бороться против фашистов, но — пока еще — не иначе, как вместе со своей организацией. Перескочить через этот этап нельзя. Мы должны помочь рабочим социал-демократам проверить на деле — в новой, исключительной обстановке, — чего стоят их организации и вожди, когда дело идет о жизни и смерти рабочего класса.

Надо навязать социал-демократии блок против фашистов

Несчастье в том, что в Центральном комитете компартии много перепуганных оппортунистов. Они слышали, что оппортунизм состоит в любви к блокам, поэтому они против блоков. Они не понимают различия между, скажем, парламентской сделкой и боевым соглашением, хотя бы самым скромным, касающимся стачки или охраны рабочих типографий от фашистских банд.

Избирательные соглашения, парламентские сделки, заключаемые революционной партией с социал-демократией, служат, по общему правилу, на пользу социал-демократии. Практическое соглашение для массовых действий, для боевых целей служит всегда к выгоде революционной партии. Англо-русский комитет был недопустимой формой блока двух верхушек на общей политической платформе, неопределенной, обманчивой, не обязывавшей ни к каким действиям. Сохранять этот блок во время всеобщей стачки, в которой Генеральный совет играл роль штрейкбрехера, значило со стороны сталинцев вести изменническую политику.

Никаких общих платформ с социал-демократией или вождями немецких профсоюзов, никаких общих изданий, знамен, плакатов! Врозь идти, вместе бить! Сговариваться только насчет того, как бить, кого бить и когда бить! Сговариваться об этом можно с самим чертом, с его бабушкой и даже с Носке и Гржезинским. При одном условии: не связывать собственных рук.

Надо немедленно выработать, наконец, практическую систему мер — не с целью голого «разоблачения» социал-демократии (перед коммунистами), а с целью действительной борьбы против фашизма. Вопросы об охране заводов, свободы деятельности завкомов, неприкосновенности рабочих организаций и учреждений, вопрос о складах оружия, которыми могут овладеть фашисты, вопрос о мерах на случай опасности, т. е. о согласовании боевых действий коммунистических и социал-демократических отрядов и т. д. и т. д. должны войти в эту программу.

В борьбе против фашизма завкомам принадлежит огромное место. Здесь нужна особенно тщательная программа действий. Каждый завод должен представлять антифашистскую крепость со своим комендантом и своими боевыми десятками. Нужно иметь карту фашистских казарм и других фашистских очагов в каждом городе, в каждом районе. Фашисты пытаются окружить революционные очаги. Нужно окружить окружающего. На этой почве соглашение с социал-демократическими и профессиональными организациями не только допустимо, но обязательно. Отказываться от него по «принципиальным» соображениям (на самом деле, по бюрократической глупости или, еще хуже — трусости) значит прямо и непосредственно помогать фашизму.

Практическую программу соглашения с социал-демократическими рабочими мы предлагали еще в ноябре 1930 года, т. е. год тому назад. Что сделано в этом направлении? Почти ничего. Центральный комитет компартии занимался всем кроме того, что составляло его прямую задачу. Сколько упущено драгоценного, невозвратного времени! Поистине, его осталось немного. Программа действий должна быть строго практической, строго деловой, без всяких искусственных «запросов», без всяких задних мыслей, так, чтобы каждый средний рабочий социал-демократ сказал себе: то, что предлагают коммунисты, совершенно необходимо для борьбы с фашизмом. На этой основе надо путем примера увлекать за собой социал-демократических рабочих вперед и критиковать их вождей, которые будут неизбежно противодействовать и тормозить. Только на этом пути возможна победа.

Хорошая цитата из Ленина

Нынешние эпигоны, т. е. из рук вон плохие ученики Ленина, любят по всякому поводу затыкать свои прорехи цитатами, нередко совсем неподходящими. Для марксиста вопрос решает не цитата, а правильный метод. Но руководясь правильным методом, не трудно бывает найти и подходящую цитату. Проводя выше аналогию с восстанием Корнилова, я сказал себе: наверное можно у Ленина найти теоретическое освещение нашего блока с соглашателями в борьбе против Корнилова. И действительно, во второй части XIV тома русского издания я нашел следующие строки в письме Ленина Центральному комитету в начале сентября 1917 года:

«Поддерживать правительство Керенского мы даже теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные большевики, впадая в „соглашательство“, давая увлечь себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разблагаем его слабость. Это разница. Эта разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо угасть момент, сейгас свергать Керенского мы не станем, мы инаге подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъярять народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского».

Ничего другого мы не предлагаем. Полная независимость коммунистической организации и прессы, полная свобода коммунистической критики, также и по отношению к социал-демократии и профессиональным союзам. Допускать

связывание свободы компартии (например, путем вхождения в Гоминдан) могут только самые презренные оппортунисты. Мы не из их числа.

Ничего не брать назад из нашей критики социал-демократии. Ничего не забывать из прошлого. Весь исторический счет, в том числе и счет за Карла Либкнехта и Розу Люксембург, в свое время будет предъявлен, как и мы, русские большевики, предъявили в конце концов генеральный счет меньшевикам и эсерам за травлю, клевету, аресты, убийства рабочих, солдат и крестьян.

Но мы предъявили свой генеральный счет через два месяца после того, как использовали частные счета между Керенским и Корниловым, между «демократами» и фашистами — для того, чтобы тем вернее отбросить фашистов. Только благодаря этому мы и победили.

Если Центральный комитет ГКП усвоит ту позицию, которая выражена в приведенной выше цитате из Ленина, то весь подход к социал-демократической массе и к профессиональным организациям сразу изменится: вместо статей и речей, которые убедительны только для тех, кто и без того уже убежден, агитаторы найдут общий язык с новыми сотнями тысяч и миллионами рабочих. Дифференциация в социал-демократии пойдет усиленным темпом. Фашисты почувствуют вскоре, что задача состоит вовсе не в том, чтобы обмануть Брюнинга, Брауна и Вельса, а в том, чтоб принять открытый бой со всем рабочим классом. В фашизме неизбежно начнется на этой почве глубокая дифференциация. Только на этом пути возможна победа.

Но надо этой победы **хотеть**. Между тем, среди коммунистических чиновников есть, увы, не мало трусливых карьеристов и бонз, дорожащих своим местечком, приходом, а еще больше — своей шкуркой. Вот эти субъекты очень склонны щеголять ультрарадикальными фразами, под которыми скрывается жалкий и презренный фатализм. «Без победы над социал-демократией нельзя бороться с фашизмом!» — говорит такой страшный революционер и по этому поводу... готовит себе заграничный паспорт.

Рабочие-коммунисты, вы — сотни тысяч, миллионы, вам выехать некуда, для вас заграничных паспортов не хватит. В случае прихода к власти фашизм, как страшный танк, пройдет по вашим черепам и позвоночникам. Спасение только в беспощадной борьбе. А победу может дать только боевое сближение с социал-демократическими рабочими. Спешите, рабочие коммунисты, ибо времени вам осталось немного!

Л. Троцкий, 8 декабря 1931 г.

Бонапартизм и фашизм

Попробуем вкратце разобраться в том, что произошло, и где мы находимся.

Благодаря социал-демократии, правительство Брюнинга располагало поддержкой парламента, чтоб править при помощи исключительных законов. Социал-демократические вожди говорили: «таким способом мы преграждаем фашизму путь к власти». Сталинская бюрократия говорила: «нет, фашизм уже победил, режим Брюнинга и есть фашизм». И то и другое было ложно. Социал-демократы выдавали пассивное отступление пред фашизмом за борьбу с ним. Сталинцы изображали дело так, будто победа фашизма уже позади. Боевая сила пролетариата подрывалась с двух сторон, облегчая и приближая победу врага.

Мы определили в свое время правительство Брюнинга, как **бонапартизм** («карикатуру на бонапартизм»), т. е. режим военно-полицейской диктатуры. Когда борьба двух социальных лагерей — имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых — достигает высшего напряжения, тогда создаются условия для господства бюрократии, полицейщины, военщины. Правительство становится «независимым» от общества. Напомним еще раз: если в пробку воткнуть симметрично две вилки, она может стоять даже на булавочной головке. Это и есть схема бонапартизма. Конечно, такого рода правительство не перестает быть приказчиком собственников. Но приказчик сидит на спине у хозяина, натирает ему на шее мозоли и не стесняется, при случае, смазать хозяина сапогом по лицу.

68 Можно было предполагать, что Брюнинг продержится до окончательной развязки. Но в ход развития включилось еще одно звено: правительство Папена. Если мы хотим быть точными, то нужно внести поправ-

ку в наше старое определение: правительство Брюнинга было предбонапартистским правительством. Брюнинг был только предтеча. В оформленном виде бонапартизм выступил на сцену в лице правительства Папена-Шлейхера.

В чем разница? Брюнинг клялся, что нет высшего счастья, как «служить» Гинденбургу и параграфу 48. Гитлер «поддерживал» Брюнинга кулаком в правый бок. Но левым локтем Брюнинг опирался на плечо Вельса. В рейхстаге Брюнинг находил большинство, освобождавшее его от необходимости считаться с рейхстагом.

Чем больше Брюнинг становился независим от парламента, тем больше верхушка бюрократии чувствовала себя независимой от Брюнинга и стоящих за ним политических группировок. Оставалось окончательно оборвать связь с рейхстагом. Правительство фон-Папена возникло в порядке непорочного бюрократического зачатия. Правым локтем оно опирается на плечо Гитлера. Полицейским кулаком оно отбивается слева от пролетариата. В этом секрет его «устойчивости», т. е. того, что оно не свалилось в момент возникновения.

Правительство Брюнинга имело поповско-бюрократически-полицейский характер. Рейхсвер оставался еще в резерве. Непосредственной опорой порядка служил «железный фронт». В уничтожении зависимости от железного фронта и состояла суть переворота Гинденбурга-Папена. Генералитет при этом автоматически выдвинулся на первое место.

Социал-демократические вожди оказались полностью в дураках. Так им и полагается в периоды социальных кризисов. Эти мелкобуржуазные интриганы кажутся умниками в тех условиях, когда ума не требуется. Теперь они прикрывают ночью голову одеялом, потеют и надеются на чудо: авось, как-нибудь удастся спасти не только голову, но и мягкую мебель и маленькие безгрешные сбережения. Но чудес не будет...

К несчастью, однако, и компартия оказалась полностью застигнута событиями врасплох. Сталинская бюрократия ничего не предвидела. Сейчас Тельман, Реммеле и др. по каждому поводу говорят о «государственном перевороте 20 июля». Как же так? Сперва они утверждали, что фашизм уже здесь и что говорить о нем в будущем могут только «контрреволюционные троцкисты». Теперь оказывается, что для перехода от Брюнинга к Папену — пока еще не к Гитлеру, а только к Папену, — понадобился целый «государственный переворот». Но ведь «классовое содержание» Северинга, Брюнинга и Гитлера, поучали нас эти мудрецы, «одно и то же». Откуда же переворот и зачем?

Но на этом путаница не кончается. Несмотря на то, что теперь достаточно обнаружилось различие между бонапартизмом и фашизмом, Тельман, Реммеле и др. говорят о **фашистском** государственном перевороте 20 июля. В то же время они предупреждают рабочих о надвигающейся опасности гитлеровского, т. е. опять-таки фашистского переворота. Наконец, социал-демократия по-прежнему именуется социал-фашизмом. Развертывающиеся события

сводятся, таким образом, к тому, что разновидности «фашизма» отнимают друг у друга власть при помощи «фашистских» государственных переворотов. Не ясно ли, что вся сталинская теория создана специально для того, чтоб залеплять человеческие мозги?

Чем менее рабочие были подготовлены, тем более появление на сцену правительства Папена произвело впечатление силы: полное игнорирование партий, новые исключительные законы, роспуск рейхстага, репрессии, осадное положение в столице, упразднение прусской «демократии». И с какой легкостью! Льва убивают пулей; блоху давят ногтем; социал-демократических министров ликвидируют щелчком в нос.

Несмотря, однако, на видимость концентрированной силы, правительство Папена «само по себе» еще слабее своего предшественника. Бонапартистский режим может получить сравнительно устойчивый и длительный характер лишь в том случае, если он завершает революционную эпоху; если соотношение сил уже проверено в боях; если революционные классы уже выдохлись, но имущие классы еще не освободились от страха: не принесет ли завтрашний день новые потрясения? Без этого основного условия, т. е. без предварительного исчерпания энергии масс в борьбе, бонапартистский режим не способен развернуться.

Через правительство Папена бароны, магнаты капитала, банкиры сделали попытку обеспечить свои дела посредством полиции и регулярной армии. Им вовсе не улыбается мысль передать всю власть Гитлеру, опирающемуся на жадные и разнузданные банды мелкой буржуазии. Они не сомневаются, конечно, что в конце концов Гитлер окажется покорным орудием их господства. Но это связано с потрясениями, риском долгой гражданской войны и большими накладными расходами. Правда, фашизм, как показывает пример Италии, тоже приводит в конце концов к военно-бюрократической диктатуре бонапартистского типа. Но для этого ему, даже в случае полной победы, нужен ряд лет: в Германии — большой срок, чем в Италии. Ясно, что имущие классы предпочли бы более экономный путь, т. е. Шлейхера, а не Гитлера, не говоря уже о том, что сам Шлейхер предпочитает самого себя.

Тот факт, что источники существования правительства Папена коренятся в нейтрализации непримиримых лагерей, вовсе не значит, разумеется, что силы революционного пролетариата и реакционной мелкой буржуазии на весах истории равны. Весь вопрос передвигается здесь в область политики. Через механику железного фронта социал-демократия парализует пролетариат. Политикой безголового ультиматизма сталинская бюрократия преграждает рабочим революционный путь выхода. При условии правильного руководства пролетариатом фашизм был бы без труда обращен в ничтожество, и для бонапартизма не оказалось бы никакой щели. К несчастью положение не таково. Парализованное могущество пролетариата приняло обманчивую форму «могущества» бонапартистской клики. В этом политическая формула сегодняшнего дня.

Правительство Папена является безличной точкой пересечения больших исторических сил. Самостоятельный вес его близок к нулю. Поэтому само оно не могло не пугаться собственной жестикюляции и не чувствовать головокружения перед развертывающейся вокруг него со всех сторон пустотой. Этим и только этим объясняется, что в действиях правительства на одну долю дерзости приходилось до сих пор две доли трусости. В отношении Пруссии, т. е. социал-демократии, правительство играло наверняка: оно знало, что эти господа сопротивляться не будут. Но распустив рейхстаг, оно назначило новые выборы и не посмело отсрочить их. Провозгласив осадное положение, оно поспешило пояснить: это только для того, чтобы облегчить социал-демократическим вождям капитуляцию без боя.

Но ведь существует рейхсвер? Мы об нем не склонны забывать. Энгельс определял государство, как вооруженные отряды людей с материальными привесками, в виде тюрем и пр. В отношении нынешней правительственной власти можно даже сказать, что только рейхсвер и существует. Но рейхсвер вовсе не является покорным и обеспеченным орудием в руках той группы людей, которая возглавляется Папеном. На самом деле правительство имеет скорее вид политической комиссии при рейхсвере.

Но при всем перевесе рейхсвера над правительством, рейхсвер все же не может претендовать на самостоятельную политическую роль. Сто тысяч солдат, как бы они ни были сплочены и закалены (а это еще нуждается в проверке), не могут командовать нацией в 65 миллионов душ, раздираемой глубочайшими социальными противоречиями. Рейхсвер войдет только одним, и притом не решающим, элементом в борьбу сил.

Новый рейхстаг недурно, в своем роде, отражает то политическое положение в стране, которое привело к бонапартистскому эксперименту. Парламент без большинства, с непримиримыми флангами, представляет наглядный и неоспоримый аргумент в пользу диктатуры. Еще раз со всей наглядностью выступают границы демократии. Где дело идет о самых основах общества, парламентская арифметика не решает. Решает борьба.

Не станем гадать издали, по какому пути пойдут в ближайшие дни попытки реконструкции правительства. Наши гипотезы все равно запоздают, да и возможные переходные формы и комбинации не решат вопроса. Блок правых с центром означал бы «легализацию прихода национал-социалистов к власти, т. е. создал бы наиболее удобное прикрытие для фашистского государственного переворота. Какое соотношение установилось бы на первых порах между Гитлером, Шлейхером и вождями центра, это важнее для них самих, чем для германского народа. Политически все мыслимые комбинации с Гитлером означают растворение бюрократии, суда, полиции и армии в фашизме.

Если допустить, что центр не пойдет на коалицию, в которой ему пришлось бы за роль тормоза при паровозе Гитлера заплатить разрывом

с собственными рабочими, — в этом случае останется только открытый внепарламентский путь. Комбинация без центра еще легче и скорее обеспечит перевес национал-социалистов. Если эти последние не сошлись бы сразу с Папеном и в то же время не перешли бы в немедленное наступление, бонапартистский характер правительства должен был бы проявиться еще резче: фон-Шлейхер мог бы получить свои «сто дней»... без предшествующих наполеоновских лет.

Сто дней — нет, мы отмеряем, пожалуй, слишком щедро. Рейхсвер не решает. Шлейхера недостаточно. Обеспечить внепарламентскую диктатуру юнкеров и магнатов финансового капитала можно только методами долгой и беспощадной гражданской войны. Сможет ли Гитлер выполнить эту задачу? Это зависит не только от злой воли фашизма, но и от революционной воли пролетариата.

Л. Троцкий

Немецкий бонапартизм

Выборы в рейхстаг подводят к новому критическому испытанию «президентское» правительство. Полезно поэтому напомнить об его социальной и политической природе. Именно на анализе таких конкретных и, на первый взгляд, «неожиданных» политических явлений, как правительство Папена-Шлейхера, метод марксизма обнаруживает свои неопределимые преимущества.

Мы определили в свое время «президентское» правительство, как разновидность бонапартизма. Было бы неправильно видеть в этом определении случайный результат стремления найти знакомое имя для незнакомого явления. Упадок капиталистического общества снова ставит бонапартизм — наряду с фашизмом и в связи с ним — в порядок дня. Уже правительство Брюнинга мы характеризовали в свое время, как бонапартистское. Затем, ретроспективно, мы уточнили это определение, как полу- или пред-бонапартистское.

Что сказали на этот счет другие коммунистические и вообще «левые» группировки? Ждать от нынешнего руководства Коминтерна попытки научного определения нового политического явления было бы, конечно, наивностью, чтоб не сказать глупостью. Сталинцы зачислили попросту Папена в лагерь фашистов. Если Вельс и Гитлер — «близнецы», то над такой мелочью, как Папен, вообще не стоит ломать себе голову. Это та самая политическая литература, которую Маркс называл грубиянской и которую он учил нас презирать. Фашизм является на самом деле одним из двух основных лагерей гражданской войны. Протягивая руку к власти, Гитлер прежде всего требовал отдать в его распоряжение улицу на 72 часа. Гинденбург в этом отказал. Задача Папена-Шлейхера — устранить гражданскую

войну, дружески дисциплинировав национал-социалистов и заковав пролетариат в полицейские колодки. Самая возможность такого режима определяется относительной слабостью пролетариата.

САП в вопросе о правительстве Папена, как и в других, отделяется общими фразами. Брандлерианцы молчали по поводу нашего определения, пока дело шло о Брюнинге, т. е. об инкубационном периоде бонапартизма. Когда же марксистская характеристика полностью подтвердилась теорией и практикой президентского правительства, брандлерианцы выступили со своей критикой: мудрая сова Тальгеймера вылетает в поздние ночные часы.

Штутгартская «Рабочая Трибуна» поучает нас, что бонапартизм, поднимающий военно-полицейский аппарат над буржуазией, чтоб защищать ее классовое господство против ее собственных политических партий, должен опираться на крестьян и прибегать к методам социальной демагогии. Папен не опирается на крестьян и не выдвигает фальшиво-радикальной программы. Следовательно, наша попытка определить правительство Папена, как бонапартизм, «никуда не годится». Это строго, но неосновательно.

Как определяют правительство Папена сами брандлерианцы? В том же номере «Трибуны» весьма кстати объявлены доклады Брандлера на тему: «Юнкерски-монархическая, фашистская или пролетарская диктатура»? Режим Папена представлен в этой триаде, как юнкерски-монархическая диктатура. Это вполне достойно «Форвертса» и вульгарных демократов вообще. Что титулованные германские бонапартисты делают юнкерам кой-какие приватные подарочки, это бесспорно. Что эти господа склонны к монархическому образу мыслей, тоже известно. Но чистейший либеральный вздор, будто суть президентского режима в юнкерском монархизме.

Такие понятия, как **либерализм**, **бонапартизм**, **фашизм**, имеют обобщенный характер. Исторические явления никогда не повторяются полностью. Не стоило бы труда доказать, что даже правительство Наполеона III, если сравнить его с режимом Наполеона I, не было «бонапартистским», — не только потому, что сам Наполеон III был по крови сомнительным Бонапартом, но и потому, что его отношение к классам, особенно к крестьянству и люмпен-пролетариату, было совсем не то, что у Наполеона I. К тому же классический бонапартизм вырос из эпохи грандиозных военных побед, которых вторая империя совершенно не знала. Но если искать повторения всех черт бонапартизма, то обнаружится, что бонапартизм есть одновременное и неповторимое явление, т. е. что бонапартизма вообще нет, а был некогда генерал Бонапарт, родом из Корсики. Немногим иначе дело обстоит с либерализмом и со всеми другими обобщенными понятиями истории. Когда говоришь, по аналогии, о бонапартизме, надо поэтому указывать, какие именно черты его нашли в данных исторических условиях наиболее полное выражение.

невозможно без фашизма. Но фашизм все же не стоит у власти. А правительство Папена не есть фашизм. С другой стороны, правительство Папена, по крайней мере, в нынешнем его виде, было бы невозможно без Гинденбурга, который, несмотря на финальный разгром Германии в войне, означает в памяти широких народных масс великие победы Германии и символизирует ее армию. Второе избрание Гинденбурга имело все черты «плебисцита». За Гинденбурга голосовали многие миллионы рабочих, мелких буржуа и крестьян (социал-демократия и центр). Они не видели в нем какой-либо политической программы. Они прежде всего хотели избежать гражданской войны и поднимали на своих плечах Гинденбурга, как супер-арбитра, третейского судью нации. Это и есть важнейшая функция бонапартизма: возвышаясь над двумя борющимися лагерями, чтоб сохранить собственность и порядок, он при помощи военно-полицейского аппарата подавляет гражданскую войну или предупреждает ее, или не дает ей возродиться. Говоря о правительстве Папена, нельзя забывать о Гинденбурге, на коем почиет благодать социал-демократии. Комбинированный характер немецкого бонапартизма выразился в том, что демагогическую работу уловления масс за него и для него проделали две большие самостоятельные партии: социал-демократия и национал-социализм. Если обе они удивились результатам своей работы, то дела это нисколько не меняет.

Социал-демократия утверждает, что фашизм есть продукт коммунизма. Это верно постольку, поскольку в фашизме не было бы вообще надобности без обострения классовой борьбы, без революционного пролетариата, без кризиса капиталистической системы. Никакого другого смысла лакейская теория Вельса-Гильфердинга-Отто Бауэра не имеет. Да, фашизм есть реакция буржуазного общества на угрозу пролетарской революции. Но именно потому, что эта угроза не является сегодня непосредственной, господствующие классы делают попытку через посредство бонапартистской диктатуры обойтись без гражданской войны.

Возражая против нашей характеристики правительства Гинденбурга-Папена-Шлейхера, брандлерианцы ссылаются на Маркса и выражают при этом ироническую надежду на то, что его авторитет имеет значение и для нас. Трудно попасться впросак более плачевным образом. Дело в том, что Маркс и Энгельс писали не только о бонапартизме двух Бонапартов, но и о других его разновидностях. Начиная, кажется, с 1864 года, они не раз приравнивали «национальный» режим Бисмарка к французскому бонапартизму. И это несмотря на то, что Бисмарк не был псевдо-радикальным демагогом и, насколько мы знаем, не опирался на крестьян. Железный канцлер не поднялся к власти в результате плебисцита, а был назначен своим законным и наследственным королем. И тем не менее Маркс и Энгельс правы. Бисмарк по-бонапартистски использовал антагонизм между имущими классами и поднимающимся пролетариатом, преодолел, благодаря этому, антагонизм внутри имущих классов, между юнкерством и буржуазией, и поднял военно-полицейский аппарат над нацией. Политика Бисмарка и есть та традиция, на которую ссылаются «теоретики» нынешнего германского бонапартизма. Правда, Бисмарк по своему разрешил все же проблему немецкого единства и внешнего могуще-

ства Германии. Папен же пока что только обещает добыть для Германии «равенство» на международной арене. Разница не маленькая! Но мы и не собирались утверждать, что бонапартизм Папена того же калибра, что и бонапартизм Бисмарка. И Наполеон III был только пародией своего мнимого дяди.

Ссылка на Маркса, как видим, имеет явно неосмотрительный характер. О том, что Тальгеймер не понимает революционной диалектики марксизма, мы догадывались давно. Но мы, признаться, думали, что он, по крайней мере, знает тексты Маркса и Энгельса. Пользуемся случаем, чтоб исправить свою ошибку.

Отвергнутая брандлерианцами наша характеристика президентского правительства получила очень яркое подтверждение с совершенно неожиданной, но в своем роде весьма «авторитетной» стороны. По поводу роспуска «5-дневного» рейхстага ДАЦ («Дейтше Альгемейне Цайтунг», орган тяжелой индустрии) цитировала 28 августа в большой статье работу Маркса «18 Брюмера Луи Бонапарта» — с какой целью? — ни более и ни менее, как в обоснование исторических и политических прав президента ставить свой сапог на шею народному представительству. Орган тяжелой индустрии рискнул в трудную минуту напиться из отравленных источников марксизма. С замечательной находчивостью газета приводила из бессмертного памфлета обширную цитату, объясняющую, как и почему французский президент, в качестве воплощения «нации», получил перевес над раздробленным парламентом. Та же статья ДАЦ весьма кстати напоминала, как весной 1890 года Бисмарк разрабатывал план наиболее удачного государственного переворота. Наполеон III и Бисмарк, в качестве предшественников президентского правительства, названы по имени берлинской газетой, которая в августе, по крайней мере, играла роль официоза.

Цитировать «18 Брюмера Луи Наполеона» по поводу «20 июля фон-Папена», правда, очень рискованно, ибо Маркс слишком желчными чертами характеризовал режим Наполеона III, как господство авантюристов, шулеров и сутенеров. В сущности, ДАЦ можно было бы подвергнуть каре за злостное опорочивание правительства. Но если оставить в стороне это побочное неудобство, то остается все же несомненным, что исторический инстинкт привел ДАЦ как раз туда, куда следовало. Этого, к сожалению, нельзя сказать о теоретическом разуме Тальгеймера.

Бонапартизм эпохи упадка капитализма чрезвычайно отличается от бонапартизма эпохи подъема буржуазного общества. Немецкий бонапартизм не опирается **непосредственно** на мелкую буржуазию деревни или города, и это не случайно. Именно поэтому мы и писали в свое время о слабости правительства Папена, которое держится только нейтрализацией двух лагерей: пролетарского и фашистского.

Но ведь за Папеном стоят крупное землевладение, финансовый капитал, генералитет, — так возражают иные «марксисты». Разве имущие классы сами по себе не представляют огромную силу? Этот довод свидетельствует еще раз, что классовые взаимоотношения гораздо легче понять в общей социологиче-

ской схеме, чем в конкретном историческом виде. Да, за Папенom непосредственно стоят имущие верхи, и только они: в этом-то и заключается причина его слабости.

В условиях нынешнего капитализма вообще невозможно правительство, которое не было бы агентурой финансового капитала. Но из всех возможных агентур правительство Папена является наименее устойчивой. Если б имущие классы могли управлять непосредственно, они не нуждались бы ни в парламентаризме, ни в социал-демократии, ни в фашизме. Правительство Папена слишком обнажает финансовый капитал, оставляя его даже без священного *Zwickel*, предписанного прусским комиссаром Брахтом. Именно потому, что внепартийное, «национальное» правительство способно говорить на деле только от имени социальной верхушки, капитал все более явно остерегается отождествлять себя с правительством Папена. ДАЦ хочет для президентского правительства найти опору в национал-социалистических массах и языком ультиматумов требует от Папена блока с Гитлером, т. е. капитуляции перед ним.

При оценке «силы» президентского правительства нельзя забывать того обстоятельства, что если финансовый капитал стоит за Папенom, то это вовсе не значит, что он падает вместе с ним. У финансового капитала есть неизмеримо больше возможностей, чем у Гинденбурга-Папена-Шлейхера. В случае обострения противоречий остается резерв чистого фашизма. В случае смягчения противоречий можно отступить на линию «рационализованного» парламентаризма. Финансовый капитал будет маневрировать до тех пор, пока пролетариат не наступит ему коленом на грудь. Как долго будет маневрировать Папен, покажет недалекое будущее.

Строки эти появятся в печати, когда новые выборы в рейхстаг останутся уже позади. Бонапартистская природа «анти-французского» правительства Папена должна будет неизбежно обнаружиться с новой яркостью, но также и его слабость. К этому мы в свое время еще вернемся.

Л. Троцкий. Принкипо, 30 октября 1932 г.

Буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат

Всякий серьезный анализ политической обстановки должен исходить из взаимоотношения трех классов: буржуазии, мелкой буржуазии (в том числе крестьянства) и пролетариата.

Могущественная экономически крупная буржуазия сама по себе представляет ничтожное меньшинство нации. Чтобы упрочить свое господство, она должна обеспечить определенные взаимоотношения с мелкой буржуазией, а через ее посредство — с пролетариатом.

Для понимания диалектики этих взаимоотношений необходимо выделить три исторических этапа: на заре капиталистического развития, когда буржуазия, для разрешения своих задач, нуждалась в революционных методах; в период расцвета и зрелости капиталистического режима, когда буржуазия придала своему господству упорядоченные, мирные, консервативные демократические формы; наконец, на закате капитализма, когда буржуазия вынуждена прибегать к методам гражданской войны против пролетариата, чтобы охранить свое право на эксплуатацию.

Политические программы, характерные для этих трех этапов: **якобинизм**, реформистская **демократия** (в том числе и социал-демократия) и **фашизм** являются по существу программами мелкобуржуазных течений. Уже одно это обстоятельство показывает, какое огромное, точнее, решающее значение имеет политическое самоопределение мелкобуржуазных толщ нации для судьбы буржуазного общества в целом!

Однако, взаимоотношения между буржуазией и ее основной социальной опорой, мелкой буржуазией, отнюдь не основаны на взаимном доверии и мирном сотрудничестве. В массе своей мелкая буржуазия есть эксплуатируемый и обиженный класс. Она завидует крупной буржуазии и нередко ненавидит ее. С другой стороны, и буржуазия, прибегая к поддержке мелкой буржуазии, не доверяет ей, ибо боится, с полным основанием, что та всегда склонна переступить указанные ей сверху пределы.

Прокладывая и расчищая пути для буржуазного развития, якобинцы на каждом шагу вступали в острые столкновения с буржуазией. Они служили ей в беспощадной борьбе с нею. Выполнив свою ограниченную историческую задачу, якобинцы пали, ибо господство капитала было predetermined.

Через ряд этапов буржуазия утвердила свою власть в форме парламентской демократии. Опять-таки, совсем не мирно и не добровольно. Буржуазия смертельно боялась всеобщего избирательного права. Но в конце концов, при помощи сочетания репрессий и уступок, голодного кнута и реформ, она подчинила себе, в рамках формальной демократии, не только старую мелкую буржуазию, но в значительной мере и пролетариат, через посредство новой мелкой буржуазии, — рабочей бюрократии. В августе 1914 года империалистская буржуазия оказалась способна через посредство парламентской демократии повести на бойню десятки миллионов рабочих и крестьян.

Но именно с войны начинается явный закат капитализма и, прежде всего, демократической формы его владычества. Дело идет теперь уже не о новых реформах и поправках, а об урезке и отнятии старых. Политическое господство буржуазии приходит тем самым в противоречие не только с учреждениями пролетарской демократии (профессиональные союзы и политические партии), но и с парламентарной демократией, в рамках которой сложились рабочие организации. Отсюда поход против «марксизма», с одной стороны, демократического парламентаризма, с другой.

Но как верхи либеральной буржуазии не способны были в свое время одними собственными силами справиться с монархией, феодалами и церковью, так магнаты финансового капитала не способны одними собственными силами справиться с пролетариатом. Им необходима помощь мелкой буржуазии. Для этого ее нужно взбудоражить, поставить на ноги, мобилизовать, вооружить. А в этом методе есть свои опасности. Пользуясь фашизмом, буржуазия боится его. Пилсудский вынужден был в мае 1926 года спасти буржуазное общество посредством переворота, направленного против традиционных партий польской буржуазии. Дело зашло так далеко, что официальный вождь польской компартии, Варский, перешедший от Розы Люксембург не к Ленину, а к Сталину, принял переворот Пилсудского за путь к «революционно-демократической диктатуре» и призвал рабочих к поддержке Пилсудского.

На заседании польской комиссии Исполнительного комитета Коминтерна, 2-го июля 1926 года, автор этих строк говорил по поводу событий в Польше:

«Оцененный в совокупности своей переворот Пилсудского является мелкобуржуазным, „плебейским“ способом разрешения неотложных задач разрушающегося и падающего капиталистического общества. Здесь уже прямое сближение с итальянским фашизмом.

*Оба эти течения имеют несомненно общие черты: ударная армия их вербуются, прежде всего, в среде мелкой буржуазии; и Пилсудский, и Муссолини действовали вне-парламентскими, открыто насильственными способами, методами гражданской войны; оба они стремились не ниспровергнуть буржуазное общество, а, наоборот, спасти его. Подняв на ноги мелкобуржуазную массу, они, по приходе к власти, открыто объединились с крупной буржуазией. Тут невольно напрашивается историческое обобщение, для которого надо вспомнить определение, данное Марксом якобинизму, как плебейскому способу расправы с феодальными врагами буржуазии... Это было в эпоху **подъема** буржуазии. Сейчас приходится сказать, что в эпоху **упадка** буржуазного общества буржуазия снова нуждается в «плебейском» способе решения своих задач, уже не прогрессивных, а насквозь реакционных. И в этом смысле в фашизме есть реакционная карикатура на якобинизм...*

Падающая буржуазия не способна удерживаться у власти методами и способами ею же построенного парламентского государства, ей нужен фашизм, как орудие самообороны, по крайней мере, в наиболее критические моменты. Но буржуазия не любит «плебейского» способа разрешения своих задач. Она относилась крайне враждебно к якобинизму, расгищавшему кровью пути развития буржуазного общества. Фашисты неизмеримо ближе падающей буржуазии, чем якобинцы — буржуазии поднимающейся. Но солидная буржуазия не любит и фашистского способа разрешения своих задач, ибо потрясения, хотя бы и в интересах буржуазного общества, связаны с опасностями для него. Отсюда антагонизм между фашизмом и традиционными партиями буржуазии...

Крупная буржуазия не любит фашистских методов, как человек с больной гелюстью не любит, когда ему рвут зубы. Солидные круги буржуазного общества с ненавистью глядели на упражнения дантиста Пилсудского, но, в конце концов, подгинулись неизбежному, правда, с угрозами, торгами и переторжками. И вот вчерашний идол мелкой буржуазии превращается в жандарма при капитале».

Этой попытке наметить историческое место фашизма, как политической смены социал-демократии, противопоставлена была официальным руководством теория «социал-фашизма». На первых порах она могла казаться претенциозной и крикливой, но невинной глупостью. Дальнейшие события показали, какое губительное влияние сталинская теория получила на все развитие Коммунистического Интернационала¹.

¹ Скрыв цитированную выше режь от партии и Коминтерна, сталинская пресса подняла, однако, против нее одну из своих обычных кампаний. Мануильский писал, что я осмеливаюсь «отождествлять» фашистов с якобинцами, которые-де являлись нашими революционными предками. Последнее более или менее верно. К сожалению, у этих предков оказывается немало потомков, неспособных шевелить мозгами. Отголоски старого спора можно найти и в новейших произведениях Мюнценберга против троцкизма. Пройдем, однако, мимо!

Вытекает ли из исторических ролей якобинизма, демократии и фашизма, что мелкая буржуазия обречена до конца дней своих оставаться орудием в руках капитала? Если б дело обстояло так, то самая диктатура пролетариата была бы невозможна в ряде стран, где мелкая буржуазия составляет большинство нации, и оказалась бы крайне затруднена в других странах, где мелкая буржуазия образует внушительное меньшинство. К счастью дело обстоит не так. Уже опыт парижской Коммуны, по крайней мере, в пределах одного города, затем опыт Октябрьской революции, в неизмеримо больших масштабах пространства и времени, показывают, что союз крупной и мелкой буржуазии не является нерасторжимым. Если мелкая буржуазия неспособна на **самостоятельную** политику (поэтому и неосуществима, в частности, мелкобуржуазная «демократическая диктатура»), то ей остается еще выбор между буржуазией и пролетариатом.

В эпохи подъема, роста и расцвета капитализма мелкая буржуазия, несмотря на острые вспышки недовольства, в общем достаточно покорно шла в капиталистической упряжке. Ничего другого ей и не оставалось. Но в условиях капиталистического загнивания и экономической безвыходности мелкая буржуазия стремится, пытается, пробует вырваться из-под опеки старых хозяев и руководителей общества. Она вполне способна связать свою судьбу с судьбой пролетариата. Для этого необходимо одно: чтоб мелкая буржуазия поверила в способность пролетариата вывести общество на новую дорогу. Внушить ей такую веру пролетариат может лишь своей силой, уверенностью своих действий, умелым наступлением на врагов, успешностью своей революционной политики.

Но горе, если революционная партия оказывается не на высоте обстановки! Повседневная борьба пролетариата обостряет неустойчивость буржуазного общества. Стачки и политические волнения ухудшают экономическое положение страны. Мелкая буржуазия могла бы временно примириться с возрастающими лишениями, если б она убеждалась на опыте, что пролетариат способен вывести ее на новую дорогу. Но если революционная партия, несмотря на непрерывно обостряющуюся классовую борьбу, снова и снова оказывается неспособна сплотить вокруг себя рабочий класс, мечется, путается, противоречит себе, тогда мелкая буржуазия теряет терпение и в революционных рабочих начинает видеть виновников собственных бедствий. В эту сторону толкают ее мысль все буржуазные партии, в том числе и социал-демократия. Когда же социальный кризис начинает принимать невыносимую остроту, выдвигается особая партия, имеющая своей прямой целью довести мелкую буржуазию до белого каления и направить ее ненависть и отчаяние против пролетариата. Эту историческую функцию выполняет в Германии национал-социализм — широкое течение, идеология которого образуется из всех гнилостных испарений разлагающегося буржуазного общества.

Основная политическая ответственность за рост фашизма лежит, разумеется, на социал-демократии. С империалистической войны работа этой партии сводится к тому, чтоб вытравлять из сознания пролетариата идею само-

стоятельной политики, внушать ему веру в вечность капитализма и ставить его каждый раз на колени перед разлагающейся буржуазией. Мелкая буржуазия может пойти за рабочим, если увидит в нем нового хозяина. Социал-демократия учит рабочего быть лакеем. За лакеем мелкая буржуазия не пойдет. Политика реформизма начисто отнимает у пролетариата возможность руководить плебейскими массами мелкой буржуазии и тем самым превращает последние в пушечное мясо фашизма.

Политический вопрос, однако, совершенно не исчерпывается для нас ответственностью социал-демократии. С начала войны мы объявили эту партию агентурой империалистской буржуазии в пролетариате. Из этой новой ориентировки революционных марксистов вырос Третий Интернационал. Его задача состояла в том, чтобы объединить пролетариат под знаменем революции и тем самым создать для него возможность руководящего влияния на угнетенные массы мелкой буржуазии города и деревни.

Послевоенный период был в Германии больше, чем где-либо, временем экономической безвыходности и гражданской войны. Международные и внутренние условия одинаково властно толкали страну на путь социализма. Каждый шаг социал-демократии обнаруживал ее опустошенность и бессилие, реакционность ее политики, продажность ее вождей. Какие же еще условия нужны для развития коммунистической партии? Между тем, после первых лет крупных успехов германский коммунизм вступил в полосу метаний, зигзагов, чередования оппортунизма и авантюризма. Центристская бюрократия систематически обессиливала пролетарский авангард, не позволяя ему вести за собой класс. Этим она вырывала у пролетариата в целом возможность вести за собой угнетенные массы мелкой буржуазии. Прямую и непосредственную ответственность перед пролетарским авангардом за рост фашизма несет сталинская бюрократия.

Л. Троцкий. Принкипо, 4 августа 1932 г.

Союз социал-демократии с фашизмом или борьба между ними?

Понять взаимоотношение классов в виде раз на всегда готовой схемы дело сравнительно простое. Неизмеримо труднее правильно оценить конкретные отношения классов в каждой данной обстановке.

Крупная немецкая буржуазия сейчас колеблется, — состояние, которое крупная буржуазия, вообще говоря, переживает не часто. Одна часть ее окончательно решила, что фашистский путь неизбежен, и хотела бы ускорить операцию. Другая часть надеется справиться с положением при помощи бонапартистской, военно-полицейской диктатуры. Возврата к веймарской «демократии» в этом лагере никто не хочет.

Мелкая буржуазия расколота. Национал-социализм, собравший под своим знаменем подавляющее большинство промежуточных классов, хочет взять в свои руки всю власть. Демократическое крыло мелкой буржуазии, все еще ведущее за собою миллионы рабочих, хотело бы вернуться к демократии эбертовского образца. Пока что оно готово, по крайней мере, пассивно поддерживать бонапартистскую диктатуру. Расчет социал-демократии таков: под напором наци правительство Папена-Шлейхера вынуждено будет восстановить равновесие, путем укрепления своего левого крыла; тем временем смягчится, может быть, кризис: в среде мелкой буржуазии начнется, может быть, «отрезвление»; капитал

перестанет, может быть, так бешено нажимать на рабочих, — все снова придет с божьей помощью в порядок.

Бонапартистская клика действительно не хочет полной победы фашизма. Использовать в известных пределах поддержку социал-демократии она весьма не прочь. Но для этого ей нужно «толерировать» рабочие организации, что осуществимо лишь в том случае, если допустить, хотя бы до некоторой степени, легальное существование коммунистической партии. К тому же поддержка социал-демократией военной диктатуры будет неизбежно толкать рабочих в ряды коммунизма. Ища опоры против коричневого чорта, правительство скоро окажется под ударом красного Вельзевуэла.

Официальная коммунистическая печать доказывает, что толерирование социал-демократией Брюнинга проложило дорогу Папену, а полу-толерирование Папена приближает пришествие Гитлера. Это совершенно правильно. В этих пределах у нас со сталинцами разногласий нет. Но это и значит, что в эпоху социального кризиса политика реформизма бьет уже не только по массам, но и по нему самому. В этом процессе наступил сейчас критический момент.

Гитлер толерирует Шлейхера. Социал-демократия не сопротивляется Папену. Если б это положение можно было действительно закрепить надолго, то социал-демократия превратилась бы в левое крыло бонапартизма, предоставляя фашизму роль правого крыла. Теоретически, конечно, не исключено, что нынешний небывалый кризис немецкого капитализма не приведет к решительной развязке, т. е. не завершится ни победой пролетариата, ни торжеством фашистской контрреволюции. **Если** компартия будет продолжать свою политику туполобого ультиматизма, спасая социал-демократию от неизбежного развала; **если** Гитлер не решится в ближайшее время на переворот и тем вызовет неизбежный распад в собственных рядах; **если** промышленная конъюнктура пойдет вверх, прежде чем Шлейхер успеет опрокинуться, — тогда бонапартистская комбинация из 48 параграфа Веймарской конституции, рейхсвера, полуоппозиционной социал-демократии и полуоппозиционного фашизма могла бы, может быть, продержаться (до нового социального толчка, которого, во всяком случае, пришлось бы ждать не долго).

Но до столь счастливого совпадения условий, составляющего предмет мечтаний социал-демократии, пока еще далеко. Оно решительно ничем не обеспечено. В устойчивость и долговечность режима Папена-Шлейхера вряд ли верят и сталинцы. Все говорит за то, что треугольник Вельс-Шлейхер-Гитлер развалится, прежде чем успеет сложиться.

Но может быть его сменит комбинация Гитлер-Вельс? По Сталину, они «близнецы, а не антиподы». Допустим, что социал-демократия, не пугаясь своих рабочих, решилась бы продать свое толерирование Гитлеру. Но фашизм не нуждается в этом товаре: ему нужно не толерирование, а упразднение социал-демократии. Правительство Гитлера может осуществить свою задачу, только

подавив сопротивление пролетариата и упразднив все возможные органы такого сопротивления. В этом историческая функция фашизма.

Сталинцы ограничиваются чисто психологической, точнее, моральной оценкой тех трусливых и жадных мелких буржуа, которые руководят социал-демократией. Можно ли, мол, думать, что эти клейменные предатели оторвутся от фашистской буржуазии и противопоставят себя ей?! Такого рода идеалистический метод имеет мало общего с марксизмом, который исходит не из того, что люди думают о себе и чего они хотят, а прежде всего из того, в какие условия они поставлены и как эти условия будут изменяться.

Социал-демократия поддерживает буржуазный режим не ради барышей угольных, железных и иных магнатов, а ради тех барышей, которые она сама имеет, как партия, в лице своего многочисленного и могущественного аппарата. Конечно, фашизм несколько не угрожает буржуазному режиму, на охране которого стоит социал-демократия. Но фашизм угрожает той роли, которую социал-демократия играет при буржуазном режиме, а значит и тем доходам, которые социал-демократия получает за свою роль. Если сталинцы забывают об этой стороне дела, то сама социал-демократия ни на минуту не упускает из виду той смертельной опасности, которую несет ей — не буржуазии, а именно ей, социал-демократии, — победа фашизма.

Когда мы указывали, около трех лет тому назад, что исходным моментом ближайшего политического кризиса в Австрии и в Германии явится, по всей вероятности, несовместимость социал-демократии и фашизма; когда мы отвергали на этом основании теорию социал-фашизма, которая не вскрывала, а затушевывала надвигающийся конфликт; когда мы предупреждали, что социал-демократия, в том числе и значительная часть ее аппарата, может, ходом вещей, оказаться втянута в борьбу с фашизмом и что это создаст для коммунистической партии благоприятную исходную позицию для дальнейшего наступления, — очень многие коммунисты, — не только наемные чиновники, но и вполне искренние революционеры, — обвиняли нас в... «идеализации» социал-демократии. Оставалось только разводиться руками. Нелегко спорить с людьми, мысль которых останавливается там, где для марксиста вопрос только начинается.

В беседах я приводил иногда такой пример: еврейская буржуазия царской России представляла крайне запуганную и деморализованную часть всей российской буржуазии. И все же, поскольку черносотенные погромы, направлявшиеся, главным образом, против еврейской бедноты, задевали и буржуазию, последняя оказывалась вынуждена прибегать к самообороне. Конечно, она и в этой области не проявляла выдающейся храбрости. Но под нависшей над их головами опасностью либеральные еврейские буржуа собирали, например, крупные суммы на вооружение революционных рабочих и студентов. Получалось, таким образом, временное практическое соглашение между наиболее революционными рабочими, готовыми бороться с оружием в руках, и наиболее запуганной буржуазной группой, попавшей в беду.

В прошлом году я писал, что в борьбе с фашизмом коммунисты должны быть готовы заключить практическое соглашение не только с чортом и его бабушкой, но даже с Гжезинским. Эта фраза обошла всю мировую сталинскую печать: нужно ли лучшее доказательство «социал-фашизма» левой оппозиции? Некоторые товарищи предупреждали меня заранее: «за эту фразу ухватятся». Я отвечал им: «она и написана для того, чтоб за нее ухватились. Пусть хватаются за горячее железо и обжигают себе пальцы. Дураков надо учить».

Ход борьбы привел к тому, что фон-Папен познакомил Гжезинского с тюрьмой. Вытекал ли такой эпизод из теории социал-фашизма и из прогнозов сталинской бюрократии? Нет, целиком им противоречил. Между тем наша оценка положения заранее охватывала такую возможность и отводила ей определенное место.

Но ведь социал-демократия все же и на этот раз уклонилась от борьбы! — возразит нам сталинец. Да, уклонилась. Кто рассчитывал на то, что социал-демократия, по инициативе своих вождей, самостоятельно выступит на борьбу, притом в таких условиях, когда сама компартия оказалась неспособна к борьбе, тот, разумеется, должен был разочароваться. Мы не надеялись на такие чудеса. Поэтому и «разочароваться» в социал-демократии нам невозможно.

Гжезинский не переродился в революционного тигра, этому мы охотно верим. Однако, есть все же разница между тем положением, когда Гжезинский, сидя в своей крепости, отправляя отряды полиции для охраны «демократии» от революционных рабочих, и тем положением, когда бонапартистский спаситель капитализма посадил самого Гжезинского в тюрьму? И должны же мы эту разницу политически учесть и использовать?

Если вернуться к приведенному выше примеру, то не трудно увидеть разницу между еврейским фабрикантом, который дает на чай царским городовым, избевающим стачечников его фабрики, и тем же самым фабрикантом, тайно дающим вчерашним стачечникам деньги на приобретение оружия против погромщиков. Буржуа один и тот же. Но из различия обстановки вытекает различие поведения. Большевики руководили стачкой против фабриканта. Они брали затем у того же фабриканта деньги на борьбу с погромами. Это не помешало, конечно, рабочим, когда пришел час, направить свое оружие против буржуазии.

Значит ли все сказанное, что социал-демократия, как целое, будет вести борьбу против фашизма? На это мы отвечаем: часть социал-демократических чиновников несомненно перебежит к фашистам; значительная часть спрячется в час опасности под кровать. И рабочая масса далеко не вся будет сражаться. Предугадать заранее, какая часть социал-демократических рабочих, и когда именно, окажется втянута в борьбу и какую часть аппарата она увлечет за собой, совершенно невозможно. Это зависит от многих обстоятельств, в том числе и от образа действий компартии.

86 Политика единого фронта имеет задачей отделять тех, которые хотят бороться, от тех, которые не хотят; толкать вперед тех, которые колеблются

ся; наконец, компрометировать капитулянтских вождей в глазах рабочих, повышая тем самым боеспособность последних.

Сколько упущено времени — бесцельно, бессмысленно и постыдно! Сколько можно было сделать хотя бы только за последние два года! Ведь было совершенно ясно заранее, что монополистский капитал и его фашистская армия будут кулаками и дубинами гнать социал-демократию на путь оппозиции и самообороны. Нужно было это предвидение обнаружить на деле пред лицом всего рабочего класса, взяв на себя инициативу единого фронта и не выпуская этой инициативы из рук на каждом новом этапе. Не нужно было ни крику, ни визгу. Можно было уверенно играть наверняка. Достаточно было ясно и точно формулировать неизбежность каждого следующего хода врагов и выдвигать практическую программу единого фронта, без преувеличений и запросов, но и без слабости и попустительства. Как высоко стояла бы сейчас германская компартия, если б она усвоила азбуку ленинской политики и применяла ее с необходимой выдержкой!

Л. Троцкий. Принкипо, 9 августа 1932 г.

Перед решением

Лагерь контрреволюции

Правительственные смены со времени Брюнинга показывают, насколько бессодержательна и пуста универсальная философия фашизма (сухого фашизма, национального фашизма, социального фашизма, левого социал-фашизма), которую сталинцы перекрывают всех и все, кроме самих себя. Имущие верхи слишком малочисленны и слишком ненавистны народу, чтоб править от собственного имени. Им нужно прикрытие: традиционно-монархическое («божьей милостью»), либерально-парламентарное («суверенитет народа»), бонапартистское («беспристрастный посредник»), или, наконец, фашистское («гнев народа»). Монархию у них отняли война и революция. Четырнадцать лет они, благодаря реформистам, держались на костылях демократии. Когда парламент, под напором классовых противоречий, раскололся пополам, они попытались спрятаться за спину президента. Открылась глава **бонапартизма**, т. е. бюрократически-полицейской власти, которая стоит над обществом и держится относительным равновесием двух противоположных лагерей.

Через переходные правительства Брюнинга и Папена бонапартизм, в лице генерала Шлейхера, принял наиболее чистую форму, — но только для того, чтоб тут же раскрыть свою несостоятельность. Все классы с враждой, недоумением или тревогой глядели на эту загадочную политическую фигуру, похожую на вопросительный знак с генеральскими эполетами. Но главная причина неудачи Шлейхера, как впрочем и его предшествовавших успехов, лежала не в нем самом: пока лагерь революции и лагерь контрреволюции еще не измерили своих сил в борьбе, бонапартизм не может быть устойчивым. К тому же страшный промышленный и аграрный кризис, который нависает над страной кошмаром, не облегчает бонапартистской эквилибристики. Правда, на первый взгляд пассивность пролета-

риата чрезвычайно содействовала задачам «социального генерала». Но оказалось не так: именно эта пассивность ослабила сковывавший имущие классы обруч страха и позволила выйти наружу раздирающим их антагонизмам.

Экономически германское сельское хозяйство ведет паразитарное существование и является тяжелым ядром на ногах промышленности. Но узкий социальный базис промышленной буржуазии делает для нее **политически** необходимым сохранение «национального» земледелия, т.е. класса юнкеров и богатых крестьян, со всеми зависимыми от них слоями. Основоположником этой политики был Бисмарк, который крепко связал аграриев и промышленников военными победами, золотой контрибуцией, высокими барышами и — страхом перед пролетариатом. Но время Бисмарка отошло в вечность. Сегодняшняя Германия исходит не из побед, а из поражения. Не ей Франция платит контрибуцию, а она платит Франции. Разлагающийся капитализм не дает прибылей и не открывает перспектив. Единственным цементом имущих классов остается страх перед рабочими. Но германский пролетариат, по вине своего руководства, оказался в самый критический период парализованным — и антагонизмы среди имущих классов прорвались наружу. При выжидательной пассивности левого лагеря, социальный генерал пал под ударом **справа**.

Верхушка имущих классов подвела после этого свой правительственный баланс; в пассиве — раскол в собственных рядах; в активе — восьмидесятипятителетний фельдмаршал. Что оставалось дальше? Ничего, кроме Гугенберга. Если Шлейхер представлял чистую идею бонапартизма, то Гугенберг представляет чистую идею собственности. Генерал кокетничал, отказываясь отвечать на вопрос, что лучше: капитализм или социализм; Гугенберг без околочностей заявляет, что нет ничего лучше остальбского юнкера на троне. Земельная собственность есть самая коренная, самая тяжеловесная, самая устойчивая форма собственности. Если экономически немецкое землевладение является содержанкой индустрии, то политическую борьбу собственников против народа должен был возглавить именно Гугенберг.

Так, режим высшего третейского судьи, возвышающегося над всеми классами и партиями, подвел вплотную к господству немецко-национальной партии, наиболее своекорыстной и жадной клики собственников. Правительство Гугенберга означает квинтэссенцию социального паразитизма. Но именно поэтому, когда оно стало необходимым, оно, в чистом своем виде, оказалось невозможным. Гугенбергу нужно прикрытие. Сегодня он не может еще спрятаться под мантией кайзера, — ему приходится прибегнуть к коричневой рубашке наци. Если нельзя через монархию добыть для собственности санкцию высших небесных сил, остается прикрыться санкцией реакционной и разнужданной черни.

Приобщение Гитлера к власти преследовало двойную цель: во-первых, украсить камарилью собственников вождями «национального движения», во-вторых: поставить в непосредственное распоряжение собственников боевые силы фашизма.

Не с легким сердцем высокопоставленная клика пошла на сделку с дурно-пахнущими фашистами. За разнузданными выскочками стоит много, слишком много кулаков: в этом опасная сторона коричневых союзников; но в этом же и их основное, вернее, единственное преимущество. И это преимущество решает, ибо время ныне такое, когда защита собственности обеспечивается не иначе, как кулаками. Без национал-социалистов обойтись никак невозможно. Но нельзя передать им и действительную власть: угроза со стороны пролетариата сегодня еще не так остра, чтобы верхи могли сознательно провоцировать гражданскую войну с загадочным исходом. Этому новому этапу в развитии социального кризиса в Германии отвечает новая правительственная комбинация, в которой военные и хозяйственные посты удерживаются в руках господ, а плебейам отведены декоративные или второстепенные посты. Неофициальная, но тем более действительная функция фашистских министров: держать в страхе революцию. Однако, разгром и истребление пролетарского авангарда фашисты должны производить не иначе, как в пределах, указанных представителями аграриев и промышленников. Таков план. Но как сложится его выполнение?

Правительство Гугенберга-Гитлера заключает в себе сложную систему противоречий: между традиционными представителями аграриев, с одной стороны, и патентованными представителями крупного капитала, с другой; между теми и другими, с одной стороны, и оракулами реакционной мелкой буржуазии, с другой. Комбинация крайне неустойчива. В нынешнем своем виде она долго не продержится. Что пришло бы ей на смену в случае ее распада? Так как главные орудия власти не в руках Гитлера, и так как он достаточно доказал, что, наряду с ненавистью к пролетариату, в его костях глубоко сидит страх перед имущими классами и их учреждениями, то нельзя совершенно исключить возможность того, что социальные верхи, в случае разрыва с наци, попытаются снова отступить на президентски-бонапартистский путь. Однако, вероятность такого варианта, который мог бы, к тому же, иметь лишь эпизодический характер, крайне незначительна. Несравненно более вероятно дальнейшее развитие кризиса в сторону фашизма. Гитлер, в качестве канцлера, означает столь прямой и открытый вызов по адресу рабочего класса, что массовая реакция, в худшем случае, ряд разрозненных реакций, совершенно неизбежны. А этого достаточно для того, чтоб фашисты выдвигались на первые места, оттесняя своих слишком тяжеловесных менторов. При одном условии: если сами фашисты устоят на ногах.

Приход Гитлера к власти, несомненно, страшный удар для рабочего класса. Но это еще не окончательное, не безвозвратное поражение. Враг, которого можно было разбить, когда он только поднимался вверх, занял сегодня целый ряд командующих постов. Это большое преимущество на его стороне, но битвы еще не было. Занятие выгодных позиций само по себе еще не решает, — решает живая сила.

90 Рейхсвер и полиция, стальная каска, ударные отряды наци представляют собой три самостоятельных армии на службе имущих классов. Но по самому смыслу нынешней правительственной комбинации эти армии

не объединены в одних руках. Рейхсвер, не говоря уж о стальной каске, не в руках Гитлера. Его собственные вооруженные силы представляют проблематическую величину, которая еще только подлежит проверке. Его миллионные резервы — человеческая пыль. Гитлеру, для овладения полнотой власти, нужно провоцировать подобие гражданской войны (**подлинной** гражданской войны он боится сам. Его солидные коллеги по министерству, располагающие рейхсвером и стальной каской, предпочитали бы задушить пролетариат «мирными» средствами. Они гораздо менее склонны провоцировать малую гражданскую войну — из страха перед большой. От министерства, возглавляемого фашистским канцлером, до полной победы фашизма остается таким образом еще не малый путь. Это значит: в распоряжении революционного лагеря еще есть время. Какое? Его нельзя вычислить заранее. Его можно только измерять боями.

Лагерь пролетариата

Когда официальная компартия говорит, что социал-демократия является важнейшей опорой буржуазного господства, то она повторяет лишь ту мысль, которая являлась исходной позицией при организации III Интернационала. Социал-демократия голосует за капиталистический режим, когда буржуазия приобщает ее к власти. Социал-демократия толерирует (терпит) любое буржуазное правительство, которое толерирует социал-демократию. Но и полностью отброшенная от власти, социал-демократия продолжает поддерживать буржуазное общество, рекомендуя рабочим беречь свои силы для боев, к которым она никогда не собирается призвать. Парализуя революционную энергию пролетариата, социал-демократия дает возможность буржуазному обществу жить в условиях, когда оно уже не в силах жить, и тем превращает фашизм в политическую необходимость. Самый призыв Гитлера к власти исходит от избранного голосами социал-демократических рабочих гогенцоллернского фельдмаршала! Политическая цепь, которая ведет от Вельса к Гитлеру, имеет совершенно наглядный персональный характер. На этот счет среди марксистов не может быть двух мнений. Но вопрос идет не о том, чтоб истолковывать политическую ситуацию, а о том, чтоб революционно преобразовать ее.

Вина сталинской бюрократии не в том, что она «непримирима» по отношению к социал-демократии, а в том, что ее непримиримость политически бессильна. Из того факта, что большевизм, под руководством Ленина, победил в России, сталинская бюрократия выводит «обязанность» немецкого пролетариата собраться вокруг Тельмана. Ее ультиматум гласит: пока немецкие рабочие не признают коммунистического руководства, авансом, априорно и безоговорочно, они не смеют и думать о серьезных боях. Сталинцы выражаются иначе. Но все оговорки, ограничения, ораторские уловки не меняют ничего в основном характере бюрократического ультиматизма, который помог социал-демократии довести Германию до Гитлера.

История немецкого рабочего класса, начиная с 1914 года, представляет самую трагическую страницу новой истории. Какие потрясающие изменения его исторической партии, социал-демократии, и какая неумелость и какое бессилие его революционного крыла! Но незачем так далеко отходить назад. За последние два-три года фашистского приюта, политика сталинской бюрократии представляла не что иное, как цепь преступлений, которые буквально спасали реформизм и тем подготовляли дальнейший успех фашизма. Сейчас, когда враг уже занял важные командные высоты, неотвратимо встает вопрос: не слишком ли поздно звать к перегруппировке сил для отпора? Но тут возникает предварительный вопрос: что значит в данном случае «слишком поздно»? Надо ли это понимать так, что даже самый смелый поворот на путь революционной политики уже неспособен радикально изменить соотношение сил? Или же это значит только, что нет возможности и надежды добиться необходимого поворота? Это два разных вопроса.

На первый из них мы уже по существу ответили выше. Даже в самых благоприятных для Гитлера условиях, ему понадобился бы долгий ряд месяцев — и каких критических месяцев! — для установления господства фашизма. Если принять во внимание остроту экономического и политического положения, грозный характер надвинувшейся вплотную опасности, страшную тревогу пролетариата, его многочисленность, его ожесточение, наличие в нем опытных боевых элементов, несравненную способность немецких рабочих к организации и дисциплине, то ответ ясен: за те месяцы, которые нужны фашистам, чтоб сломить внутренние и внешние препятствия и утвердить свою диктатуру, пролетариат, при правильном руководстве, мог бы дважды и трижды прийти к власти.

Два с половиной года тому назад, левая оппозиция настойчиво предлагала: пусть все учреждения и организации коммунистической партии, от ЦК и до маленькой провинциальной ячейки, немедленно обратятся к параллельным социал-демократическим и профсоюзным организациям с конкретным предложением о совместных действиях против надвигающегося разгрома пролетарской демократии. Если б на этой основе построена была борьба против наци, Гитлер не был бы сегодня канцлером, а компартия занимала бы руководящее место в рабочем классе. Но прошлого не вернешь. Результаты совершенных ошибок успели превратиться в политические факты и составляют ныне часть объективной обстановки. Надо ее брать, как она сложилась. Она гораздо хуже, чем могла бы быть. Но она не безнадежна. Политический поворот — но действительный, смелый, открытый, до конца продуманный, — может вполне спасти положение и открыть путь к победе.

Гитлеру нужно время. Торгово-промышленное оживление, если б оно стало фактом, все еще не означало бы укрепления фашизма против пролетариата. При малейшем улучшении конъюнктуры изголодавшийся по прибыли капитал остро почувствует потребность в спокойствии на заводах, а это сразу изменит соотношение сил в пользу рабочих. Чтоб экономическая борьба с первых же шагов вливалась в политическую, нужно, чтоб коммунисты были на своих местах, т. е. в заводах и профессиональных союзах. Социал-демократические

вожди заявили, что хотят сближения с коммунистическими рабочими. Пусть же зоо тысяч рабочих, входящих в РГО, поймают реформистов на слове и обратятся к АДГБ с предложением: немедленно войти, в качестве фракции, в состав свободных профессиональных союзов. Один такой шаг внесет перемену в самочувствие рабочих, а значит, и во всю политическую обстановку.

Возможен ли, однако, самый поворот? К этому сейчас сводится проблема. Вульгаризаторы Маркса, тяготеющие к фатализму, не видят обычно на политической арене ничего, кроме объективных причин. Между тем, чем острее становится классовая борьба, чем ближе она подходит к развязке, тем чаще ключ от всей обстановки она вручает определенной партии и ее руководству. Сейчас вопрос стоит так: если в свое время сталинская бюрократия удержалась на пути тупого ультиматизма, несмотря на давление в десять политических атмосфер, окажется ли она способна противостоять давлению в сто атмосфер?

Но может быть массы вмешаются сами, опрокинув аппаратные шлагбаумы, неподобие того, как в Берлине разразилась в ноябре 1923 г. стачка городского транспорта? Считать исключенным самопроизвольное движение масс, разумеется, никак не приходится. Чтоб оказаться действительным, оно должно на этот раз по масштабу в сто-двести раз превосходить берлинскую стачку. Немецкий пролетариат достаточно могуч, чтоб развернуть такое движение, даже и при помехах сверху. Но самопроизвольные движения потому так и называются, что они возникают помимо руководства. Вопрос же идет о том, что должна сделать партия, чтоб дать толчок массовому движению, чтоб помочь ему развернуться, чтоб стать во главе его и обеспечить ему победу...

Сегодняшние телеграммы принесли весть о всеобщей стачке в Любеке в ответ на арест социал-демократического чиновника. Факт этот, если он верен, ни в малейшей мере не реабилитирует, разумеется, социал-демократическую бюрократию. Но он бесповоротно осуждает сталинцев с их теорией социал-фашизма. Только развитие и обострение антагонизма между национал-социалистами и социал-демократами может, после всех совершенных ошибок, вывести коммунистов из изолированности и открыть дорогу революции. Но этому процессу, заложенному в логику самих отношений, надо не мешать, а помогать. Путь к этому — смелая политика единого фронта.

Мартовские выборы, за которые ухватится социал-демократия, чтоб парализовать энергию рабочих, сами по себе ничего, разумеется, не решают. Если до выборов не произойдут какие-либо крупные события, которые весь вопрос перенесут в другую плоскость, то компартия должна автоматически получить прирост голосов. Он окажется неизмеримо больше, если компартия сегодня же возьмет на себя инициативу **оборонительного** единого фронта. Да, сегодня дело идет об **обороне!** Но компартия может погубить себя, если избирательную агитацию она, вслед за социал-демократией, хоть и в других выражениях, превратит в чисто парламентскую шумиху, в средство отвлечения внимания масс от их нынешнего бессилия

и от подготовки обороны. Смелая политика единого фронта есть сейчас единственно правильная основа так же и для избирательной кампании.

Еще раз: хватит ли у компартии сил для поворота? Хватит ли у коммунистических рабочих энергии и решимости, чтоб помочь давлению в сто атмосфер проложить себе дорогу в бюрократические черепа? Как ни обидно это сознание, но именно так стоит сейчас вопрос...

Предшествующие строки были написаны, когда мы, с неизбежным запозданием, узнали из немецких газет, что Москва подала, наконец, тревожный сигнал ЦК немецкой компартии: настало время для соглашения с социал-демократией. Подтверждения этого известия я еще не имею (Оно не подтвердилось, как известно. — *Ред.*), но оно похоже на правду: сталинская бюрократия командует поворот только после того, как события наносят рабочему классу (в СССР, в Китае, в Англии, в Германии) удар по черепу. Когда фашистский канцлер навел пулеметы на висок связанного пролетариата, тогда и только тогда в президиуме Коминтерна догадались: наступил момент развязать веревки.

Разумеется, левая оппозиция обеими ногами станет на почву этого запоздалого признания и постарается извлечь из него для победы пролетариата все, что только возможно. Но она не будет при этом ни на минуту забывать, что поворот Коминтерна есть чисто эмпирический зигзаг, произведенный в порядке паники. Люди, которые отождествляют социал-демократию с фашизмом, способны, в процессе борьбы с фашизмом, перейти к идеализации социал-демократии. Нужно зорко следить за охранением полной политической самостоятельности коммунизма: организационно сочетать удары, но не смешивать знамен; соблюдать полную лояльность по отношению к союзнику, но следить за ним, как за завтрашним врагом.

Если сталинская фракция действительно совершит диктуемый всей обстановкой поворот, левая оппозиция займет, конечно, свое место в общих боевых рядах. Но доверие масс к повороту будет тем больше, чем демократичнее он будет произведен. Речи Тельмана или манифеста ЦК слишком мало для нынешнего размаха событий. Нужен голос партии. Нужен партийный съезд. Нет другого пути, чтоб вернуть доверие партии к самой себе и углубить доверие рабочих к партии! Съезд должен собраться в две-три недели, не позже открытия Рейхстага (если вообще Рейхстаг будет открыт).

Программа действий ясна и проста:

- немедленное предложение социал-демократическим организациям сверху до низу единого оборонительного фронта;
- немедленное предложение АДГБ включения РГО в состав профессиональных союзов;
- немедленная подготовка чрезвычайного партийного съезда.

Дело идет о голове немецкого рабочего класса, о голове Коммунистического Интернационала и, — не забудем и этого, — о голове Советской Республики!

Л. Троцкий. Принкипо, 5 января 1933 г.

P. S. — Каковы возможные планы правительства Гитлера-Гугенберга в связи с выборами в Рейхстаг? Совершенно очевидно, что нынешнее правительство не может допустить Рейхстага с враждебным ему большинством. Ввиду этого избирательная кампания и выборы должны так или иначе привести к **развязке**. Правительство понимает, что даже его полная избирательная победа, т. е. получение им в парламенте 51% мандатов, не только не будет означать мирного разрешения кризиса, но, наоборот, может явиться сигналом к решительному движению против фашизма. Вот почему, правительство не может не готовиться к решительным действиям к тому моменту, когда станут известны результаты выборов.

Необходимая для этого предварительная мобилизация сил найдет не меньшее применение в том случае, если правительственные партии окажутся в меньшинстве и, следовательно, должны будут окончательно покинуть почву веймарской легальности. В обоих случаях, таким образом, и в случае парламентского поражения правительства (менее 50%), и в случае его победы (более 50%), приходится одинаково ждать, что новые выборы станут исходным моментом решающей борьбы.

Не исключен и третий вариант: под прикрытием подготовки к выборам национал-социалисты производят переворот, не дожидаясь выборов. Такого рода шаг тактически был бы, пожалуй, наиболее правильным, с точки зрения наци. Но, принимая во внимание мелкобуржуазный характер этой партии, отсутствие у нее самостоятельной инициативы действия и ее зависимость от недоверчивых союзников, приходится сделать вывод, что вряд ли Гитлер решится на такой шаг. Предположение, что такого рода переворот задуман Гитлером совместно с его союзниками, вряд ли было бы очень вероятным, так как второй задачей выборов как раз и является изменить доли участия союзников в правительстве.

Все же в агитации необходимо выдвинуть и эту третью возможность. Если бы страсти слишком разгорелись в предвыборный период, то

государственный переворот мог бы стать для правительства необходимостью, даже, если его практические планы сегодня не идут так далеко.

Во всяком случае, совершенно ясно, что пролетариату в своих тактических расчетах надо исходить из **коротких сроков**. Разумеется, ни правительственное большинство в Рейхстаге, ни разгон нового Рейхстага на неопределенный срок, ни фашистский переворот до выборов не будут еще означать окончательного решения вопроса в пользу фашизма. Но каждый из этих трех вариантов означал бы новый, очень важный этап в борьбе революции и контрреволюции.

Задача левой оппозиции во время избирательной кампании — дать рабочим анализ трех возможных ближайших вариантов в общей перспективе неизбежной борьбы пролетариата с фашизмом не на жизнь, а на смерть. Такая постановка вопроса придаст агитации за политику единого фронта необходимую конкретность.

Партия все время кричала: пролетариат находится в возрастающей офензиве. На это САП отвечает: «нет, пролетариат находится в дефензиве, мы лишь зовем его к офензиве». И та и другая формула показывает, что люди не понимают, что такое офензива и дефензива, т. е. наступление и оборона. На самом деле, несчастье состоит в том, что пролетариат находится не в обороне, а в отступлении, которое завтра может превратиться в паническое бегство. Мы зовем пролетариат не к офензиве, а к **активной обороне**. Именно этот оборонительный характер действий (защита пролетарских организаций, газет, собраний и пр.), и составляет исходную позицию единого фронта по отношению к социал-демократии. Перепрыгивать через формулу активной обороны, значит заниматься звонкими фразами. Разумеется, в случае успеха, активная оборона перейдет в наступление. Но это будет уже следующий этап, путь к которому лежит через единый фронт во имя обороны.

Чтоб раскрыть ярче историческое значение решений и действий партии, в эти дни и недели, нужно, на мой взгляд, ставить перед коммунистами проблему без малейших смягчений, наоборот, со всей резкостью и непримиримостью: отказ партии от единого фронта, от создания местных комитетов обороны, т. е., завтрашних советов, означает капитуляцию партии перед фашизмом, т. е., историческое преступление, которое равносильно ликвидации партии и Коммунистического Интернационала. В случае подобной катастрофы пролетариат через горы трупов, через годы невыносимых страданий и бедствий, придет к IV-му Интернационалу.

Л. Т. 6 февраля, 1933 г.

Трагедия немецкого пролетариата

Немецкие рабочие поднимутся, сталинизм — никогда!

Самый мощный в Европе по своей производственной роли, по своему социальному весу, по силе своих организаций пролетариат не оказал никакого сопротивления приходу Гитлера к власти и первому бешеному натиску на рабочие организации. Таков факт, из которого нужно исходить в дальнейших стратегических расчетах.

Было бы, конечно, бессмыслицей, думать, что дальнейшее развитие Германии пойдет по итальянскому пути: что Гитлер шаг за шагом будет упрочивать свое господство, без серьезного сопротивления; что немецкому фашизму предстоит долгие годы господства. Нет, дальнейшую судьбу национал-социализма надо будет вывести из анализа немецких и международных условий, а не из голых исторических аналогий. Но одно несомненно уже сейчас: если с сентября 1930 года мы требовали от Коминтерна брать для Германии короткий прицел, то теперь приходится перестраиваться на политику дальнего прицела. Прежде чем возможны станут **решающие** бои, авангард немецкого пролетариата должен будет ориентироваться заново, т.-е. ясно понять то, что произошло, распределить ответственность за большое, историческое поражение, наметить новые пути и таким образом вернуть себе доверие к самому себе.

Преступная роль социал-демократии не нуждается в комментариях: Коминтерн был создан 14 лет тому назад именно для того, чтоб вырвать

пролетариат из-под деморализующего влияния социал-демократии. Если, однако, это до сих пор не удалось, если немецкий пролетариат оказался на величайшем историческом испытании бессильным, безоружным, парализованным, то в этом прямая и непосредственная вина послеленинского руководства Коминтерна. Это первый вывод, который надо сделать немедленно.

Под вероломными ударами сталинской бюрократии левая оппозиция сохраняла верность официальной партии до конца. Большевики-ленинцы разделяют сейчас судьбу всех других коммунистических организаций: наши кадровые работники арестовываются, наши издания запрещены, наша литература конфискована; Гитлер поспешил закрыть даже «Бюллетень Оппозиции», выходящий на русском языке. Но если большевики-ленинцы, наравне со всем пролетарским авангардом, несут на себе все последствия первой серьезной победы фашизма, то они не могут и не хотят нести на себе ни тени ответственности за официальную политику Коминтерна.

С 1923 года, т.-е. начала борьбы против левой оппозиции, сталинское руководство изо всех сил, хоть и с другого конца, помогало социал-демократии, чтоб сбить, запутать и обессилить немецкий пролетариат: оно сдерживало и тормозило рабочих, когда условия диктовали смелое революционное наступление; объявляло революционную ситуацию впереди, когда она уже осталась позади; заключало союзы с фразерами и болтунами из мелкой буржуазии; ковыляло бессильно в хвосте социал-демократии под видом политики единого фронта; провозглашало «третий период» и борьбу за овладение улицей в условиях политического отлива и слабости компартии; заменяло серьезную борьбу скачками, авантюрами или парадами; изолировало коммунистов от массовых профессиональных союзов; отождествляло социал-демократию с фашизмом и отказывалось от единого фронта с массовыми рабочими организациями пред лицом наступающих банд национал-социализма; саботировало всякую инициативу единого оборонительного фронта на местах, — и в то же время систематически обманывало рабочих относительно действительного соотношения сил, искажало факты, изображало друзей, как врагов, и врагов, как друзей, и все туже и туже сжимало партии горло, не позволяя ей свободно дышать, ни говорить, ни думать.

Из необъятной литературы, посвященной вопросу о фашизме, достаточно сослаться на речь официального вождя немецкой коммунистической партии, Тельмана, который на пленуме ИККИ, в апреле 1931 года, следующими словами разоблачал «пессимистов», т.-е. людей, умевших заглядывать вперед: *«Мы не дали панигестским настроениям сбить нас с пути... Мы трезво и твердо установили, что 14 сентября (1930) было, в известном смысле, лучшим днем Гитлера, и что дальше последуют не лучшие, а худшие дни. Та оценка, которую мы давали развитию этой партии подтверждена событиями... Сегодня у фашистов уже нет повода смеяться»*. Ссылаясь на то, что социал-демократия создает свои оборонительные отряды, Тельман доказывал в той же речи, что эти отряды ничем не отличаются от боевых отрядов национал-социализма, и что они одинаково готовятся для разгрома коммунистов.

Тельман ныне арестован. Пред лицом торжествующей реакции большевик-ленинцы стоят с Тельманом в одном ряду. Но политика Тельмана есть политика Сталина, т.-е. официальная политика Коминтерна. Именно эта политика является причиной полной деморализации партии в минуту опасности, когда вожди теряют голову, отученные думать члены партии впадают в прострацию, и величайшие исторические позиции сдаются без боя. Ложная политическая теория в себе самой несет свою кару. Сила и упорство аппарата только увеличивают размеры катастрофы.

Сдав врагу все, что можно было сдать за столь короткий срок, сталинцы пытаются исправить прошлое при помощи судорожных актов, которые только ярче освещают всю цепь совершенных ими преступлений. Сейчас, когда пресса компартии задушена, аппарат разгромлен, над домом Либкнехта безнаказанно развевается кровавая тряпка фашизма, Исполком Коминтерна становится на путь единого фронта не только снизу, но и сверху. Новый зигзаг, более резкий, чем все предшествующие, сделан, однако, ИККИ, не по собственному разумению: инициативу сталинская бюрократия предоставила II-му Интернационалу. Ему удалось захватить в свои руки оружие единого фронта, которого он до сих пор смертельно боялся. Поскольку в обстановке панического отступления возможно говорить о политических выгодах, они оказываются целиком на стороне реформизма. Вынужденная отвечать на прямой вопрос, сталинская бюрократия выбирает худший из путей: она не отклоняет соглашения двух Интернационалов, но и не принимает его; она играет в прятки. Она дошла до такой потери веры в себя, до такого унижения, когда она не осмеливается уже стать пред мировым пролетариатом лицом к лицу с вождями II-го Интернационала, с клейменными агентами буржуазии, с избирателями Гинденбурга, проложившими дорогу фашизму.

В особом воззвании ИККИ («Рабочим всех стран») от 5 марта сталинцы ни словом не говорят о «социал-фашизме», как главном враге. Они не напоминают больше о великом откровении своего вождя *«социал-демократия и фашизм — не антиподы, а близнецы»*. Они не утверждают больше, что борьба против фашизма требует **предварительного** разгрома социал-демократии. Они не заикаются о недопустимости единого фронта сверху. Наоборот, они тщательно перечисляют те случаи прошлого, когда сталинская бюрократия, неожиданно для рабочих и для себя самой, оказывалась вынужденной, мимоходом, экспромтом, предложить единый фронт реформистским верхам. Так, под порывом исторической бури рассыпаются искусственные, фальшивые, шарлатанские теории.

Ссылаясь на «своеобразие условий отдельных стран» и вытекающую отсюда будто бы невозможность организации единого фронта в международном масштабе, (сразу забыта вся борьба против «эксенционализма», т.-е. теории правых о национальном своеобразии!), сталинская бюрократия рекомендует национальным компартиям обращаться с предложением единого фронта к «центральным комитетам социал-демократических партий». Вчера только это

объявлялось капитуляцией перед социал-фашизмом! Так летят под стол в мусорную корзину высшие уроки сталинизма последних четырех лет. Так рассыпается прахом целая политическая система.

Дело на этом не останавливается: объявив только что невозможной выработку условий единого фронта на международной арене, ИККИ немедленно же забывает об этом и уже через 20 строк формулирует те условия, на которых единый фронт допустим и приемлем во всех странах, несмотря на различия национальных условий. Отступление перед фашизмом сопровождается паническим отступлением от теоретических скрижалей сталинизма. Обрывки и осколки мыслей и принципов выбрасываются по пути, как балласт.

Условия единого фронта, выдвигаемые Коминтерном для всех стран (Комитеты действия против фашизма, демонстрации и стачки против снижения зарплаты) не представляют собою ничего нового, наоборот, являются схематизированным, бюрократизированным воспроизведением тех лозунгов, которые левая оппозиция гораздо точнее и конкретнее формулировала два с половиной года тому назад, и по поводу которых она сама была зачислена в лагерь социал-фашизма. Единый фронт на этих основах мог бы дать в Германии решающие результаты; но для этого он должен был быть осуществлен во время. Время является важнейшим фактором политики.

Какова же практическая ценность предложений ИККИ сейчас? Для Германии она минимальна. Политика единого фронта предполагает «фронт», т.е. устойчивые позиции и централизованное руководство. Условия единого фронта левая оппозиция выдвигала в свое время, как условия **активной обороны**, с перспективой перехода в наступление. Сейчас немецкий пролетариат доведен до состояния **беспорядочного отступления**, даже без арьергардных боев. В таких обстоятельствах могут и будут складываться самопроизвольные объединения коммунистических и социал-демократических рабочих для отдельных эпизодических задач, но систематическое проведение единого фронта неизбежно отодвигается в неопределенное будущее. На этот счет уже не приходится себе делать иллюзий.

Полтора года тому назад мы говорили, что ключ к позиции находится в руках немецкой коммунистической партии. Сейчас сталинская бюрократия выронила этот ключ из рук. Понадобятся крупные события, лежащие вне воли партии, чтоб дать возможность рабочим задержаться, закрепиться, перестроить ряды и перейти к активной обороне. Когда именно это наступит, мы не знаем. Может быть гораздо скорее, чем рассчитывает торжествующая контрреволюция. Но руководить политикой единого фронта в Германии будут, во всяком случае, не те, которые составляли манифест ИККИ.

Если центральная позиция сдана, нужно закрепляться на подступах, нужно готовить опорные пункты для будущего концентрического наступления. Эта подготовка внутри Германии означает критическое освещение прошлого, под-

где возможно, арьергардных боев — в ожидании момента, когда отдельные отряды смогут сомкнуться в большую армию. Эта подготовка означает в то же время оборону пролетарских позиций в странах, тесно связанных с Германией или непосредственно прилегающих к ней: в Австрии, Чехословакии, Польше, Прибалтике, Скандинавии, Бельгии, Голландии, Франции и Швейцарии. Фашистскую Германию надо окружить мощным кольцом пролетарских укреплений. Ни на минуту не прекращая попыток задержать беспорядочное отступление немецких рабочих, надо теперь же создавать для борьбы с фашизмом укрепленные пролетарские позиции вокруг границ Германии.

На первое место выдвигается Австрия, которой непосредственнее всего грозит фашистский переворот. Можно сказать с уверенностью, что, если б австрийский пролетариат завладел сейчас властью и превратил свою страну в революционный плацдарм, Австрия стала бы для революции немецкого пролетариата тем, чем Пьемонт был для революции итальянской буржуазии. Как далеко зайдет на этом пути австрийский пролетариат, толкаемый событиями вперед, но парализуемый реформистской бюрократией, этого предсказать нельзя. Задача коммунизма — помочь событиям против австро-марксизма. Способ для этого — политика единого фронта. Те условия, которые манифест ИККИ повторяет с таким запозданием за левой оппозицией, сохраняют, таким образом, всю свою силу.

Однако, политика единого фронта заключает в себе не только выгоды, но и опасности. Она легко порождает сделки вождей за спиною масс, пассивное приспособление к союзнику, оппортунистические шатания. Парализовать эти опасности возможно только при наличии двух неперемных гарантий: сохранения полной свободы критики по отношению к союзнику и восстановления полной свободы критики внутри собственной партии. Отказ от критики союзников прямо и непосредственно ведет к капитуляции перед реформизмом. Политика единого фронта без партийной демократии, т.-е. без контроля партии над аппаратом, развязывает руки вождям для экспериментов оппортунизма, неизбежно дополняющим эксперименты авантюризма.

Как же поступает в этом случае ИККИ? Десятки раз левая оппозиция предсказывала, что под ударом событий сталинцы вынуждены будут отказаться от своей ультралевизны, и что, встав на путь единого фронта, они начнут осуществлять все те оппортунистические предательства, которые накануне они приписывали нам. Предсказание и на этот раз осуществилось слово в слово.

Совершив головоломный скачек на позиции единого фронта, ИККИ попирает основные гарантии, которые только и могут обеспечить политике единого фронта революционное содержание. Сталинцы принимают лицемерно-дипломатическое требование реформистов о так называемом «взаимном ненападении» к сведению и руководству. Отрекаясь от всех традиций марксизма и большевизма, ИККИ рекомендует компартиям, в случае осуществления единого фронта, *«отказаться от нападков на социал-демократические организации на время совместной борьбы»*.

Так и сказано! Отказ «от нападок (!) на социал-демократию» (какая постыдная формула!) означает отказ от свободы политической критики, т.-е. от основной функции революционной партии.

Капитуляция вызвана не практической необходимостью, а настроениями паники. Реформисты идут и пойдут на соглашение постольку, поскольку их вынуждает к этому давление событий и давление масс. Требование «ненападения» есть шантаж, т.-е. попытка реформистских вождей заполучить побочную выгоду. Поддаваться шантажу значит строить единый фронт на гнилых основах и давать возможность реформистским дельцам взрывать его по любому произвольному поводу.

Критика вообще, тем более в условиях единого фронта, должна, разумеется, отвечать реальным отношениям и соблюдать необходимые пропорции. Нелепости насчет «социал-фашизма» надо отбросить: это уступка не социал-демократии, а марксизму. Критиковать союзника надо не за его измены в 1918 году, а за плохую работу в 1933 году. Но критика не может приостанавливаться ни на час, как сама политическая жизнь, голосом которой критика является. Если коммунистические разоблачения отвечают действительности, то они служат целям единого фронта, толкают вперед временного союзника и, что еще важнее, дают революционное воспитание пролетариату в целом. Отказ от этой основной обязанности означает первую ступень той постыдной и преступной политики, которую Сталин навязал китайским коммунистам в отношении Гоминдана.

Не лучше обстоит дело и насчет второй гарантии. Отказавшись от критики по отношению к социал-демократии, сталинский аппарат и не думает вернуть право критики членам собственной партии. Самый поворот совершен, по обыкновению, в порядке бюрократического откровения. Ни национальных съездов, ни международного конгресса, ни даже пленума ИККИ, никакой подготовки в партийной печати, никакого анализа политики прошлого. И не мудрено: на первых же шагах партийной дискуссии каждый мыслящий рабочий задал бы аппаратчикам вопрос: почему большевики-ленинцы исключались из всех секций, а в СССР подвергались арестам, высылкам и расстрелам? Неужели только потому, что они копают глубже и видят дальше? Этого вывода сталинская бюрократия не может допустить. Она способна на любые скачки и повороты, но честно встать пред рабочими на очную ставку с большевиками-ленинцами она не может и не смеет. Так, в борьбе за самосохранение аппарат обесценивает свой новый поворот, заранее подрывая доверие к нему не только у социал-демократических, но и у коммунистических рабочих.

Опубликование Манифеста ИККИ сопровождается еще одним обстоятельством, стоящим в стороне от разбираемого вопроса, но бросающим в высшей степени яркий свет на нынешнее положение Коминтерна и на отношение к нему правящей сталинской группы. В «Правде» от 6 марта Манифест напечатан не как прямой и открытый призыв от имени находящегося в Москве ИККИ, — так делалось всегда! — а как переданный по телеграфу ТАССом из Парижа перевод документа из

«Юманитэ». Какая бессмысленная и унижительная уловка! После всех успехов, после выполнения первой пятилетки, после «уничтожения классов», после «вступления в социализм» сталинская бюрократия не смеет уже от собственного имени напечатать манифест ИККИ! Таково ее действительное отношение к Коминтерну и таково ее подлинное самочувствие на международной арене.

Манифест является не единственным ответом на инициативу II Интернационала. Через посредство подставных организаций: революционной профопозиции (РГО), немецкой и польской, Антифа и так называемой «Всеобщей рабочей федерации Италии», Коминтерн созывает на апрель месяц «всевропейский рабочий антифашистский конгресс». Список призываемых, как полагается, туманен и необъятен: «предприятия» (так и сказано: «предприятия», хотя усилиями Сталина-Лозовского коммунисты вытеснены почти из всех предприятий мира), местные рабочие организации, революционные, реформистские, католические, партийные и беспартийные, спортивные, антифашистские и крестьянские. Мало того: *«мы хотим пригласить далее всех одиночек, которые действительно (!) борются за дело трудящихся»*. Надолго загубив дело масс, стратеги взывают к «одиночкам», к тем праведникам, которые не нашли себе места в рядах масс, но тем не менее *«действительно борются за дело трудящихся»*. Барбюс и генерал Шенаих будут снова мобилизованы для спасения Европы от Гитлера.

Пред нами готовое либретто одного из тех шарлатанских представлений, которыми сталинцы привыкли прикрывать свое бессилие. Что сделал амстердамский блок центристов и пацифистов в борьбе против разбойничьего нападения Японии на Китай? Ничего. Из уважения к сталинскому «нейтралитету», пацифисты не выпустили даже протестующего манифеста. Теперь готовится новое издание амстердамского конгресса, не против войны, а против фашизма. Что сделает антифашистский блок отсутствующих «предприятий» и бессильных «одиночек»? Ничего. Выпустит пустозвонный манифест, если дело вообще дойдет на этот раз до конгресса.

Тяга к «одиночкам» имеет два конца: оппортунистический и авантюристский. Русские эсеры в старину правую руку протягивали либералам, а в левой держали бомбу. Опыт последнего десятилетия свидетельствует, что после каждого большого поражения, вызванного или, по крайней мере, обостренного политикой Коминтерна, сталинская бюрократия неизменно пыталась поправить свою репутацию при помощи какой-либо грандиозной авантюры (Эстония, Болгария, Кантон). Нет ли этой опасности и сейчас? Мы во всяком случае считаем необходимым поднять голос предостережения. Авантюры, которые имеют своей целью заменить действие парализованных масс, еще больше дезорганизуют массы и углубляют катастрофу.

Условия нынешней мировой обстановки, как и условия каждой отдельной страны, столь же смертельны для социал-демократии, сколь благоприятны для революционной партии. Но сталинская бюрократия сумела кризис капитализма и кризис реформизма превратить в кризис коммунизма. Таков итог десятилетнего бесконтрольного командования эпигонов.

Найдутся ханжи, которые скажут: оппозиция критикует партию, попавшую в руки палача. Негодяи прибавят: оппозиция помогает палачу. Сочетанием фальшивой сентиментальности и отравленной лжи сталинцы попытаются спрятать ЦК за аппарат, аппарат — за партию, снять вопрос о виновниках катастрофы, о ложной стратегии, о губительном режиме, о преступном руководстве: это и значит помогать палачам, сегодняшним и завтрашним.

Политика сталинской бюрократии в Китае была не менее губительна, чем ныне в Германии. Но там дело происходило за спиной мирового пролетариата, в неприятной ему обстановке. Критический голос оппозиции почти не доходил из СССР до рабочих других стран. Опыт Китая прошел для сталинского аппарата почти безнаказанно. В Германии дело обстоит иначе. Все этапы драмы развивались на глазах мирового пролетариата. На каждом этапе оппозиция подавала свой голос. Весь ход развития был предсказан заранее. Сталинская бюрократия клеветала на оппозицию, подсовывала ей чуждые ей мысли и планы, исключала всех, кто заговаривал о едином фронте, помогала социал-демократической бюрократии взрывать объединенные комитеты обороны на местах, преграждала рабочим всякую возможность выхода на дорогу массовой борьбы, дезорганизовала авангард, парализовала пролетариат. Так, противясь единому фронту обороны с социал-демократией, сталинцы оказались с нею в едином фронте паники и капитуляции.

И сейчас, стоя уже перед развалинами, руководство Коминтерна больше всего боится света и критики. Да погибнет мировая революция, но да здравствует дутый престиж! Банкроты путают, хоронят концы и заматают следы. То обстоятельство, что немецкая компартия под первыми ударами потеряла «только» 1.200.000 голосов — при общем росте голосующих на 4 миллиона — «Правда» объявляет «громадной политическою победой». Точно также в 1924 году Сталин объявлял «громадной победой» тот факт, что отступающие без боя рабочие Германии успели еще дать компартии 3.600.000 голосов. Если обманутый и разоруженный двумя аппаратами пролетариат дал на этот раз компартии около 5 миллионов избирателей, то это лишь значит, что он дал бы ей вдвое и втрое, если б верил ее руководству. Он поднял бы ее к власти, если б она сумела показать, что способна взять и удержать власть. Но она не давала пролетариату ничего, кроме путаницы, зигзагов, поражений и бедствий.

Да, пять миллионов коммунистов успели еще по одиночке подойти к урнам. Но в предприятиях и на улицах их нет. Они растеряны, распылены, деморализованы. Они отучены от самостоятельности гнетом аппарата. Бюрократический террор сталинизма парализовал их волю прежде, чем пришла очередь для бандитского террора фашизма.

Надо сказать ясно, точно, открыто: сталинизм в Германии имел свое 4 августа. Передовые рабочие этой страны будут отныне не иначе, как со жгучим чувством стыда, со словами ненависти и проклятия говорить о периоде господства сталинской бюрократии. Официальная компартия Германии обречена. Отныне она будет только распадаться, крошиться и сходить на нет. Никакие искусствен-

ные средства не спасут ее. Возродиться германский коммунизм может лишь на новых основах и под новым руководством.

Закон неравномерного развития сказывается и на судьбе сталинизма. В разных странах он находится в разных стадиях распада. В какой мере трагический опыт Германии послужит толчком для возрождения других секций Коминтерна, покажет будущее. В Германии злобещая песня сталинской бюрократии во всяком случае спета. Немецкий пролетариат поднимется, сталинизм — никогда. Под страшными ударами врагов передовым немецким рабочим предстоит строить новую партию. Большевики-ленинцы отдадут этой работе все свои силы.

Л. Троцкий. Принкипо, 14 марта 1933 г.

Крушение германской компартии и задачи оппозиции

Вопрос о судьбе германского коммунизма стоит сейчас в центре внимания всех наших секций. Насколько можно судить, большинство товарищей склоняется к тому, что в Германии вопрос о коммунизме есть вопрос о новой партии. Некоторые считают, однако, такую постановку вопроса неправильной и предлагают сохранить старый лозунг: «возрождения» партии на ленинских основах. В этом духе высказываются, например, два испанских товарища, два немецких товарища, говорящие от имени целых групп, и один русский товарищ. Я не сомневаюсь, что их возражения отражают настроения довольно значительной части оппозиции. Было бы естественно, если бы необходимость столь серьезного поворота не вызвала в нашей среде разных оттенков и разногласий. Было бы недостойно левой оппозиции, если бы мы оказались неспособны по товарищески и деловым образом обсудить возникшие разногласия. Результат дискуссии может быть только один: дальнейший рост оппозиции и укрепление внутренней демократии.

Что касается самих возражений по существу, то я не могу с ними согласиться, хотя психологически могу их понять. Ошибка перечисленных выше товарищей в том, что они исходят из вчерашних формул, а не из сегодняшних фактов. Надо уметь исправить и заменять формулы в свете новых событий.

106 В течении последних трех лет мы строили наши расчеты на том, что германская компартия, под давлением масс, успеет своевременно изменить свою политику. Если уточнить наш вчерашний прогноз, то его можно выразить такими словами: «мы еще не можем знать, насколько немецкий рабочий

класс ослаблен прошлыми ошибками, зигзагами и поражениями, и насколько саботаж сталинской бюрократии, в сочетании с капитуляциями социал-демократии, парализовал энергию пролетариата». Мы не раз выражали надежду на то, что именно приближение фашистской опасности сомкнет пролетарские ряды и породит отпор, который не даст Гитлеру завладеть всеми позициями сразу. А всякая задержка в наступлении Гитлера, хотя бы уже и стоящего у власти, неизбежно должна была бы вызвать прилив уверенности у рабочих. Начало гражданской войны должно было бы, в свою очередь, вызвать расслоение в правительственном лагере и в самой фашистской армии. Колебания в лагере врага должны были бы, опять-таки, повысить наступательную силу пролетариата, и т. д. Такова была та диалектическая перспектива, которую мы считали вероятно, возможной, по крайней мере, не исключенной. Именно поэтому мы должны были, мы обязаны были исчерпать все возможности, заложенные во **вчерашней** обстановке.

Однако, сейчас было бы безумием руководствоваться старой перспективой, когда мы имеем уже фактическую проверку ее событиями. Испанские товарищи спрашивают: «неужели же эти несколько недель заменили перспективу долгих месяцев гражданской войны?». Конечно, заменили. Немногие недели, даже дни разрушили полностью возможность того более благоприятного варианта, на который мы рассчитывали. Гитлер овладел материальным аппаратом власти. Он разгромил без малейшего сопротивления аппарат компартии, лишил немецких рабочих печати, заставил реформистов порвать со II-м Интернационалом и подчиниться фашистскому режиму.

Резкая перемена обстановки очень ярко обнаруживается на вопросе об едином фронте. Предлагать **сейчас** в Германии единый фронт между двумя партиями было бы доктринерской глупостью. Был период, когда социал-демократический аппарат находился под гнетом надвигающегося фашизма, с одной стороны, под давлением собственных масс, с другой, — это время надо было использовать. Сейчас, после поражения, социал-демократия лижет сапоги Гитлера и видит в этом единственный способ спасения. Если 2 года тому назад Бретшайдт считал нужным пугать буржуазию блоком с коммунистами, то ныне Вельс и К° заинтересованы в том, чтоб демонстративно отшатнуться не только от коммунистов, но и от II-го Интернационала. Предложение единого фронта сейчас поставило бы только в смешное положение коммунистический ЦК и оказало бы услугу социал-демократическому партийному Правлению. Политика не знает абсолютных формул. Ее лозунги конкретны, т. е. приурочены к определенным обстоятельствам (Сказанное не исключает, конечно, и сегодня соглашения коммунистических и социал-демократических организаций на заводах, в районах и пр., как и соглашения с теми левыми группами, которые будут неизбежно откальваться от официальной социал-демократии.).

Средний немецкий рабочий, в том числе и средний коммунист чувствует себя так, как путник, потерпевший кораблекрушение: в волнах фашизма потонули его организации, пресса, его надежды на лучшее будущее. Мысль

потерпевшего крушение направлена сейчас не на то, чтоб строить новый корабль, а на то, чтоб добыть приют и кусок хлеба. Угнетенное состояние духа и политический индифферентизм являются неизбежным последствием такого рода грандиозных катастроф. Но политическое пробуждение наиболее выносливых, устойчивых и мужественных будет неизбежно связано с мыслью о новом корабле.

Для характеристики нынешнего положения в толщах немецкого пролетариата самым важным я считаю сообщение о том, что в большинстве предприятий смещены старые заводские комитеты и заменены ячейками наци. Эта «реформа» прошла настолько бесшумно, что иностранная печать даже не отразила ее. А между тем здесь дело идет не о редакции газеты, не о доме Либкнехта, даже не о парламентской фракции, т.е. не о далеких вышках, а о самой производственной базе пролетариата, о заводе. Отсутствие сопротивления при смещении завкомов означает острый паралич воли масс под влиянием предательства и саботажа верхов.

Компартия собирала в прошлом году до 6 миллионов голосов. Между тем на борьбу она не увлекла и сотни тысяч. Даже члены партии не откликнулись на призывы ЦК. Уже один этот факт вскрывает ужасающую изолированность аппарата. С каждым днем эта изолированность будет возрастать. Массы интересуются не оттенками и мелочами. Они берут события оптом. Массы неизбежно повернут спину партии, которая пустыми формулами успокаивала их тревогу, хвастала завтрашними победами и довела до катастрофы.

Положение германской компартии изменилось в течении двух-трех недель марта так радикально, как в «нормальное», «мирное» время оно не могло бы измениться в течении двух десятилетий. Империалистская эпоха есть вообще эпоха крутых поворотов. Надо уметь внимательно за ними следить, чтоб не споткнуться и не расшибить себе голову. Не надо обманывать себя, надо отдать себе полный отчет в размерах катастрофы, — не для того, конечно, чтоб впасть в слезливое уныние, а для того, чтобы по новому плану открыть длительную и упорную работу **на новой исторической основе.**

Почти все оппоненты возражают против сопоставления 4 августа 1914 года и 5 марта 1933 года: социал-демократы предали-де пролетариат сознательно и тем приблизились к власти; сталинцы же только «не сумели» защитить пролетариат и попали в тюрьмы. Это различие, конечно, весьма существенно, и оно не случайно. Но преувеличивать его политическое значение все же не приходится. Во-первых, большинство социал-демократии хотело в 1914 году не делать карьеру, а «спасти» пролетарские организации, как и вожди КПГ, подчиняясь слепо команде московской бюрократии, заботятся прежде всего о своем аппарате. Во-вторых, если в 1914 году социал-демократия приблизилась к правительству, то в 1933 году она, несмотря на все свои подлости и унижения, приблизилась к тюрьме. Можно не сомневаться, что она, в конце концов, подвергнется разгрому и будет иметь своих Матеотти: но разве это меняет нашу общую оценку реформистской политики?

Мы обвиняем аппарат КПП не в «глупости» или в «неспособности» (как совершенно неправильно выражаются некоторые товарищи), а в **бюрократическом центризме**. Дело идет об определенном политическом направлении, которое опирается на определенный социальный слой, прежде всего в СССР, и приспособляет свою политику к потребностям этого слоя. До последних событий вопрос о том, какой фактор подчинит себе КПП: интересы сталинской бюрократии или же логика классовой борьбы, оставался еще открытым. Сейчас этот вопрос разрешен полностью. Если события такого грандиозного значения не смогли выправить политику КПП, значит бюрократический центризм совершенно безнадежен. Отсюда и вытекает необходимость новой партии.

Но ведь вопрос решается в интернациональном масштабе! возражают оппоненты, которые правильную историческую мысль превращают в надысторическую абстракцию. Вопрос о победе пролетариата — не только о его разгроме — также разрешается в международном масштабе. Это не помешало тому, что пролетариат России, победивший в 1917 году, все еще ждет победы в других странах. И обратный процесс может развиваться столь же неравномерно: в то время, как в Германии официальная компартия ликвидирована политически, в других странах, и прежде всего в СССР, она еще не подверглась решающему испытанию. Исторические события развешиваются, не считаясь с шахматной доской Коминтерна.

Но ведь ответственность за немецкое поражение несет все же Коминтерн? Совершенно верно. Но на суд истории, как и в обычном буржуазном суде, отвечает обычно не тот, кто несет принципиальную ответственность, а тот, кто попался. Сейчас, увы, в клещи истории попался аппарат КПП. Распределение кар действительно выходит «несправедливым». Но справедливость вообще не является атрибутом исторического процесса. И апелляции тут нет.

Однако, не будем клеветать на суд истории: он все же гораздо серьезнее буржуазного суда. Ликвидация КПП есть только этап. На этом дело не остановится. Если другие секции Коминтерна усвоят немецкий урок, то они по праву завоюют себе снисхождение истории. В противном случае они обречены. Ход развития дает, таким образом, другим секциям еще время на размышление. Мы, левая оппозиция, являемся только истолкователями хода развития. Вот почему мы не рвем с III-м Интернационалом.

Но как же можно строить новую партию в Германии, не порывая с Коминтерном? возражают те, которые хотели бы все же заставить противоречия исторического развития укладываться в рамки устава. Признаться, эта сторона дела кажется нам наименее существенной. Ведь и тогда, когда мы, будучи исключены из Коминтерна, объявляли себя его фракцией, дело с уставом стояло не на высоте. Вопрос идет для нас о политическом курсе, а не о бухгалтерии Пятницкого. Если какая-либо секция Коминтерна успеет еще перестроиться на более здоровых началах, мы, разумеется, обопремся на эту позицию, чтоб ускорить перестройку всего Коминтерна:

тогда мы и с уставом восстановим самые лучшие отношения. Если же сталинская бюрократия доведет СССР до крушения, тогда никто не будет вспоминать об уставе, — придется строить IV Интернационал.

Вернемся, однако, в Германию. Еще в первые дни марта КПГ означала: централизованный аппарат, десятки газет, тысячи ячеек, десятки тысяч членов, миллионы избирателей. Мы объявляли себя частью этой партии, и тем брали на себя ответственность за партию в целом перед внешним миром, не ради сталинского аппарата, конечно, а ради связанных с ним низовых ячеек. С их помощью мы надеялись своевременно, т.-е. до катастрофы, обновить руководство партии. Сейчас, когда официальный аппарат, забронированный ультиматизмом и нелегальностью, должен окончательно превратиться в сталинскую агентуру, не может быть и речи о воздействии на него через низы, от которых он совершенно оторван.

Правда, сталинская пресса во всем мире говорит о «возрождении» германской компартии в подполье (нелегальная «Роте Фане», воззвания и пр.). Что местные организации, после временного столбняка, начнут шевелиться, было ясно заранее. Что аппарат столь большой партии, располагающий многочисленным персоналом и денежными средствами, может издать нелегально или полуполегално значительное количество литературы — и в этом нет ничего неожиданного. Но надо еще раз повторить: никакого нелегального аппарата, связанного с массами, у КПГ нет, а есть остатки старой организации, оказавшиеся волею Гитлера в нелегальном положении. Это совсем не одно и то же. Если КПГ еще действует сегодня, то благодаря тому, что фашизм только приступил к своей палаческой работе, а реакция еще не проникла достаточно глубоко в партию. Однако, оба эти процесса стоят в порядке дня. Они будут идти параллельно, питая и подталкивая друг друга.

Для нелегальной коммунистической организации нужен отбор людей, понявших размеры катастрофы, имеющих ясную перспективу и уверенных в своем знамени. Такой отбор может быть произведен не иначе, как на основе непримиримой критики по отношению к прошлому. Развал организации сталинцев, совершенно неизбежный сам по себе, будет высвобождать элементы и очищать почву для создания нелегальной революционной партии.

Один из немецких товарищей возражает: *«политически партия есть, конечно, труп; но организационно она жива»*. Эта формула лучше всего вскрывает ошибочность позиции моего оппонента. Партия, которая мертва политически, не может иметь «живой» организации, ибо организация есть только орудие политики. Если же партия мертва, то мы должны этот **диагноз поставить открыто**, перед лицом рабочих, со всеми необходимыми выводами. Какая часть старого наследия перейдет к новой партии, каковы будут формы этой передачи, каковы будут этапы строительства новой партии, каковы будут взаимоотношения строителей к остаткам старой организации, — это все очень важные вопросы, на которые надо будет давать ответ в зависимости от развития всей обстановки. Но чтоб ответ был не фальшивым, не иллюзорным, нужно исходить из того, что неизбежно установле-

но историей: политически сталинская партия умерла. Двусмысленности и увертки недопустимы: они только сбили бы с пути нас самих.

Тот же товарищ пишет: «Лозунг **реформы** бессодержателен, ибо сейгас неизвестно, как и что реформировать; но мы также и против лозунга **новой партии**, ибо мы не считаем, что судьба старой партии окончательна решена». Одно противоречие нагромождается на другое, несмотря на то, что пишет наблюдательный и пронизательный товарищ. Если партия «политически мертва», значит судьба ее решена. Не воскресит же ее в самом деле аппарат: он способен лишь, как свидетельствует опыт, убивать живое, но не оживлять мертвое. Если лозунг реформы старой партии «бессодержателен», то не остается ничего, кроме лозунга новой партии.

Оппонентов пугает, главным образом, вопрос о соотношении сил: мы, большевики-ленинцы, объявляем ликвидированной большую организацию, которая сегодня еще способна выпустить в десять раз больше литературы и расходовать в тысячу раз больше денег, чем мы, а, с другой стороны, мы от имени немногочисленной левой оппозиции «провозглашаем» новую партию. Такая постановка вопроса насквозь пропитана аппаратным фетишизмом. Сегодня, как и вчера, главная наша задача — формировать кадры. Но это не голая организационная задача, а политическая: кадры формируются на основе определенной перспективы. Подогревать лозунг реформы партии значит ставить заведомо утопическую цель и тем толкать наши собственные кадры навстречу новым и все более острым разочарованиям. При таком курсе левая оппозиция оказалась бы только привеском разлагающейся партии и сошла бы со сцены вместе с нею.

Соглашаясь с тем, что старая партия ликвидирована и даже признавая по существу неизбежность создания новой партии, один из оппонентов хлопочет об отсрочке, о своего рода мораториуме. Его рассуждения носят такой характер: лишь 10% членов партии, правда, наиболее ценных, настроены критически и прислушиваются к нам; остальные 90%, главным образом новобранцы, совсем еще не поняли ошибок партии. Отсюда вывод: надо этим 90% шаг за шагом разъяснить то, что произошло, и лишь затем уж строить новую партию. Это абстрактно-пропагандистский, а не политический, — или говоря философски: рационалистический, а не диалектический — подход к вопросу.

Было бы, конечно, великолепно, если б мы могли 90% молодых коммунистов посадить в большую школу и преподать им полный курс наук. Но, увы, эти 90% попали в школу Гитлера. Они уж и сегодня наполовину оторваны не только от партии, но и от политики вообще. Часть уйдет к фашизму, более значительная часть — в индифферентизм. Эти процессы будут развиваться в течении ближайших недель и месяцев: контрреволюция, как и революция работает быстро. Под влиянием распада партии, отлива масс, политической бесплодности аппарата все лучшие элементы старой партии будут спрашивать себя и других: что делать? Преподносить им в этой обстановке лозунг «реформы», значило бы попросту издеваться над ними.

Исходить в момент величайшего перелома надо не из быстро меняющихся настроений партийной массы, а из объективных перемен, происшедших в политической обстановке. Многие из тех коммунистов, которые сегодня еще боятся рвать со своей бюрократией, завтра обвинят нас в том, что мы обманывали их, поддерживая фикцию старой партии; оттолкнувшись от нас, они пойдут к брандлериянцам или к анархистам. Брандлериянцы, как сообщают, уже выдвинули лозунг новой партии: это показывает, что они хоть и оппортунисты, но политики. Если мы, при нашей революционной платформе, окажемся доктринерами, то оппортунистические политики могут нас оттеснить.

Как сложатся **практически** наши отношения в ближайший период со сталинской организацией в Германии? Этот вопрос естественно больше всего интересует товарищей. Неужели же — спрашивают оппоненты — мы должны рвать с местными организациями старой партии? Нет, это было бы нелепо. Мы должны вербовать революционеров во всех рабочих организациях, и прежде всего в ячейках старой партии, поскольку они существуют. Когда III Интернационал провозгласил полный разрыв со Вторым, это не препятствовало коммунистам в течении еще длительного времени работать внутри социал-демократических партий и даже завоевать во французской партии большинство, вместе с «Юманитэ». Тем более наш курс на новую партию не может и не должен помешать нам продолжать работу в ячейках старой партии.

Но, возразят нам, самый лозунг новой партии восстановит против нас рядовых коммунистов. Разумеется, конфликты на этой почве возможны; но ведь они были и в прошлом, несмотря на лозунг «реформы». Можно, однако, не сомневаться, что в жизни активных ячеек старой партии гораздо большее место займет сейчас не вопрос о нашей перспективе, а вопрос об их отношении к их собственному ЦК. Здесь можно ждать все более острых конфликтов. ЦК будет защищать Сталина и себя: в этом его главное назначение. Рабочие коммунисты будут требовать честных ответов и ясных перспектив. Пока мы стояли на позиции реформы, мы не проповедовали нарушения дисциплины. Сейчас положение резко меняется. Мы будем предлагать в ячейках отказ от распространения негодной официальной литературы, бойкот аппарата, разрыв с ЦК. Разумеется, мы будем все это делать тактично и разумно, считаясь с уровнем каждой ячейки и с обстоятельствами. Но основная наша линия будет линией новой партии. И можно не сомневаться, что несмотря на эту линию, наши отношения с революционными партийными ячейками, в новой обстановке, в подполье, будут несравненно дружественнее, чем в предшествующий период, когда мы хотели быть только фракцией.

Нельзя, к тому же, забывать, что дело идет не только о компартии. Политическое крушение социал-демократии делает весьма вероятным появление из ее среды новой «независимой» партии. Можно ли хоть на минуту рассчитывать на то, что сталинский аппарат окажется способен перетянуть на свою сторону левую социал-демократию, или хотя бы революционно воздействовать на нее? Это исключено заранее. Своим ультиматизмом, как и всем своим

прошлым, от которого они не хотят и не могут отказаться, сталинцы будут только тормозить развитие социал-демократической оппозиции, играя, на службе Вельса, роль огородного пугала. И под этим углом зрения перспектива новой партии повелительно становится в порядок дня.

За большинством политических и логических возражений скрывается, в сущности, невысказанное сентиментальное соображение: сталинский аппарат находится под ударами фашизма, многие самоотверженные и преданные коммунисты выбиваются из сил, чтоб сохранить организацию, — допустимо ли в таких условиях «обескураживать» борцов? В конце концов, довод этот сводится к двум стихам русского поэта: *«Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман»*. Но философия Пушкина — не философия марксизма. Когда мы, в начале столетия, боролись против мелкобуржуазных иллюзий и авантюризма социалистов-революционеров, многие добрые души не только в народническом лагере, но и в нашей собственной среде, негодуя рвали с ленинской «Искрой», которая-де позволяет себе беспощадно критиковать террор в то время, как террористы погибают в петле. Мы отвечали: цель нашей критики в том и состоит, чтоб оторвать революционных героев от индивидуального терроризма и направить их на путь массовой борьбы. Нелегальный аппарат, подвешенный к Мануильскому-Сталину, ничего, кроме новых бедствий, принести германскому пролетариату не сможет. Это надо сказать открыто и безотлагательно именно для того, чтоб спасти сотни и тысячи революционеров от бесплодной растраты сил.

Л. Троцкий. Принкипо, 9 апреля 1933 г.

Немецкая катастрофа

Ответственность руководства

Эпоха империализма, по крайней мере, в Европе, есть эпоха крутых поворотов. Политика получает крайне подвижной, маневренный характер. Ставкой является каждый раз не та или другая частная реформа, а судьба режима. Отсюда исключительная роль революционной партии и ее руководства. Если в доброе старое время, когда социал-демократия росла планомерно и непрерывно, как и питавший ее капитализм, Правление Бебеля походило на генеральный штаб, который спокойно вырабатывает планы для неопределенной будущей войны (а может быть ее никогда и не будет?), то ЦК революционной партии в нынешних условиях похож на ставку действующей армии. Кабинетная стратегия сменилась полевой.

Борьба с централизованным врагом требует централизации. Эту мысль немецкие рабочие, вообще воспитанные в духе дисциплины, усвоили с новой силой за время войны и последовавших за нею политических потрясений. Рабочие не слепы к недостаткам руководства. Но каждый в отдельности не может выскочить из тисков организации. Все вместе считают, что крепкое руководство, хотя бы и с ошибками, лучше разброда и партизанщины. Никогда еще в истории человечества политический штаб не играл такой роли и не нес такой ответственности, как в нынешнюю эпоху.

114 Беспрецедентное поражение германского пролетариата есть самый большой факт новейшей истории со времени завоевания власти пролетариатом России. Первая задача после поражения: пересмотреть политику

руководства. Правда, наиболее ответственные из вождей, находящиеся, благодарение небу, в полной сохранности, патетически указывают на арестованных исполнителей, чтоб заткнуть рот критике. К этому доводу фальшивого сентиментализма мы не можем относиться иначе, как с презрением. Наша солидарность с пленниками Гитлера незыблема. Но она не распространяется на ошибки руководителей. Понесенные потери будут оправданы лишь в том случае, если мысль побежденных сделает шаг вперед. Условием для этого является мужественная критика.

В течение целого месяца ни один из коммунистических органов, в том числе и московская «Правда», не высказывался по поводу катастрофы 5 марта: ждали, что скажет президиум Коммунистического Интернационала. С своей стороны, президиум колебался между двумя противоположными вариантами: «немецкий ЦК вводил нас в заблуждение» и: «немецкий ЦК вел правильную политику». Первый вариант отпал: подготовка катастрофы происходила на глазах всего мира, и предшествующая полемика с оппозицией слишком связала вождей Коминтерна. 7 апреля появилось, наконец, решение: *«Политическая линия... ЦК во главе с Тельманом до и в момент гитлеровского переворота была вполне правильна»*. Остается пожалеть о всех тех, которые были отправлены фашистами на тот свет прежде чем узнали об утешительном постановлении.

Резолюция Президиума представляет собою не анализ политики германской компартии, чего надо было ждать прежде всего, а тысяча первый обвинительный акт против социал-демократии: коалицию с буржуазией, сообщают нам, она предпочитала коалиции с коммунистами; она уклонялась от действительной борьбы с фашизмом; она связала инициативу масс; а так как она сосредоточила в своих руках «руководство массовыми рабочими организациями», то ей удалось сорвать всеобщую стачку. Все это верно. Но все это не ново. Социал-демократия, как партия социальных реформ, исчерпывала свою прогрессивную миссию по мере того, как капитализм превращался в империализм. В войне социал-демократия выступала, как прямое орудие империализма. После войны она официально зарегистрировала себя, в качестве домашнего врача при капитализме. Коммунистическая партия хотела быть его могильщиком. На чьей стороне был ход развития? Хаос международных отношений, крушение пацифистских иллюзий, беспремерный кризис, который стоит большой войны со свитой эпидемий, — все, казалось бы, раскрывает упадочный характер европейского капитализма и безнадежность реформизма. Куда же девалась компартия? Коминтерн игнорирует по существу дела свою собственную секцию. Между тем она собирала на выборах до 6 миллионов голосов. Это уже не только авангард, это большая самостоятельная армия. Почему же она фигурировала в событиях только, как объект репрессий и погрома? Почему оказалась в решающий час скована параличом? Есть условия, в которых нельзя отступать без боя. Поражение может быть результатом перевеса вражеских сил; после поражения можно подняться. Пассивная сдача решающих позиций означает органическую неспособность к борьбе: это не прощается.

Президиум говорит нам, что политика Коминтерна была правильна: «и до переворота и во время переворота». Но правильная политика начинается с правильной оценки обстановки. Между тем в течение последних четырех лет, вплоть до 5 марта 1933 года, мы слышали изо дня в день, что в Германии непрерывно растет могущественный антифашистский фронт, что национал-социализм отступает и разлагается, что вся обстановка стоит под знаком революционной офензивы. **Как же могла быть правильна политика, вся перспектива которой оказалась опрокинута, как карточный домик?**

Пассивное отступление Президиум оправдывает тем, что «лишенная поддержки со стороны большинства рабочего класса», коммунистическая партия не могла, не совершая преступления, броситься в решительный бой. Однако, та же резолюция ставит компартии в заслугу призыв ко всеобщей политической стачке 20-го июля. В перечне заслуг не упомянут почему-то такой же призыв 5-го марта. Всеобщая стачка — это ведь и есть «решительный бой». Оба призыва вполне отвечали обязанностям руководительницы «единого антифашистского фронта» в условиях «революционной офензивы». К несчастью, призывам не отвечали действия: не откликнулся ни один человек. Но если между перспективами и призывами, с одной стороны, фактами и действиями, с другой, возникает столь вопиющее противоречие, то нелегко понять, чем собственно правильная политика отличается от гибельной. Во всяком случае Президиум забыл пояснить: правилен ли был двукратный призыв к стачке, или правильно было невнимание рабочих к призыву?

Не является ли, однако, причиной поражения раскол пролетариата сам по себе? Такое объяснение специально создано для ленивых умов. Единство пролетариата, в качестве универсального лозунга, есть пустая фикция. Пролетариат неоднороден. Раскол начинается вместе с его политическим пробуждением и составляет механику его роста. Только в условиях назревшего социального кризиса, пред лицом непосредственных задач завоевания власти, авангард может, при правильной политике, объединить вокруг себя подавляющее большинство класса. Но подъем к этой революционной кульминации ведет по ступеням раскола.

Не Ленин выдумал политику единого фронта: как и раскол, она навязывается диалектикой классовой борьбы. Никакие успехи были бы немислимы без временных соглашений разных частей, организаций и групп пролетариата во имя неотложных целей. Стачка, профессиональный союз, рабочая газета, парламентские выборы, уличные манифестации и пр. требуют каждый раз практического преодоления раскола, т.-е. единого фронта *ad hoc*, хотя бы и не всегда оформленного. На первых ступенях движения эпизодическое единство самопроизвольно вырастает снизу. Но его приходится строить и сверху, когда массы привыкают бороться через свои организации. В условиях передовых капиталистических стран лозунг «только снизу» представляет грубый анахронизм, питающийся воспоминаниями о первых этапах революционного движения, преимущественно в царской России.

Из элементарного факта борьба за единство действия превращается на известном уровне в тактическую задачу. Голая формула единого фронта ничего не решает. К единству призывают не только коммунисты, но и реформисты, даже фашисты. Тактическое применение единого фронта в каждый данный период подчинено определенной стратегической концепции. Чтобы подготовить революционное единство рабочих, без и против реформизма, нужен долгий, настойчивый и терпеливый опыт применения единого фронта с реформистами, всегда под углом зрения конечной революционной задачи. Именно в этой области Ленин дал нам несравненные образцы.

Стратегическая концепция Коминтерна была ложна с начала до конца. Германская компартия исходила из того, что у социал-демократии и фашизма простое разделение труда, что их интересы однородны, если не тождественны. Вместо того, чтобы содействовать обострению отношений между своим главным политическим противником и своим смертельным врагом, — для этого надо было только не насиловать факты, а называть их вслух по имени, — Коминтерн убеждал реформистов и фашистов, что они — близнецы, предрекал их примирение, раздражал и отталкивал социал-демократических рабочих, укреплял реформистских вождей. Хуже того: во всех случаях, где, несмотря на препятствия, на местах создавались объединенные комитеты рабочей обороны, бюрократия отзывала из них, под угрозой исключения, своих представителей. Последовательность и настойчивость она проявляла только в саботаже единого фронта, как сверху, так и снизу. Правда, она делала это гибельное дело с самыми лучшими намерениями.

Никакая политика коммунистической партии не могла бы, разумеется, превратить социал-демократию в партию революции. Но не в этом и состояла цель. Необходимо было до конца использовать противоречие между реформизмом и фашизмом — для ослабления фашизма; и в то же время вскрыть перед рабочими несостоятельность социал-демократического руководства — для ослабления реформизма. Две задачи естественно сливались в одну. Политика бюрократии Коминтерна приводила к обратному результату: капитуляции реформистов шли на пользу фашизму, а не коммунизму; социал-демократические рабочие держались за своих вождей; рабочие коммунисты теряли веру в себя и в руководство.

Массы хотели бороться, но им упорно противодействовали сверху. Напряженность, тревога и, под конец, растерянность разъедали пролетариат изнутри. Опасно передержать на огне сплав для отливки; еще опаснее передержать общество в состоянии революционного кризиса. Мелкая буржуазия повернулась всей своей тяжелой массой в сторону национал-социализма только потому, что парализованный сверху пролетариат оказался бессилён вывести ее на другую дорогу. Отсутствие отпора со стороны рабочих поднимало самоуверенность фашизма и ослабляло страх крупной буржуазии пред риском гражданской войны. Неизбежная деморализация коммунистического отряда, все более изолированного от класса, сделала невозможным хотя бы частичное сопротивление. Так было обеспечено триумфальное шествие Гитлера по костям пролетарских организаций.

Ложная стратегическая концепция Коминтерна приходила на каждом этапе в столкновение с действительностью. Отсюда изнуряющий курс непонятных и необъяснимых зигзагов. Основной принцип Коминтерна гласил: **единый фронт с реформистскими вождями недопустим!** Но в самые критические часы ЦК германской компартии, без объяснений и подготовки, обращался к Правлению социал-демократии с ультимативным предложением единого фронта: сейчас или никогда! Не только вожди, но и рабочие реформистского лагеря видели в таком шаге не простой плод испуга, а, наоборот, дьявольский капкан. После неизбежного провала компромиссной инициативы Коминтерн командовал простым переходом к очередным делам: самая мысль об едином фронте снова объявлялась контрреволюционной. Подобное надругательство над политическим сознанием масс не могло пройти безнаказанным. Если до 5 марта еще можно было с натяжкой предполагать, что Коминтерн считает допустимым обращаться к социал-демократии лишь в последнюю минуту, под дубиной врага, то воззвание Президиума 5 марта, предложившее совместные действия всем социал-демократическим партиям мира, независимо от внутренних условий каждой страны, сделало невозможным и это объяснение. В универсальном предложении единого фронта, которое для Германии, уже освещенной пожаром рейхстага, являлось во всяком случае запоздалым, не было больше и речи о социал-фашизме. Коминтерн соглашался даже — трудно поверить, однако, это было напечатано черным по белому! — **отказаться от критики социал-демократии** на все время совместной борьбы.

Не успели, однако, разойтись круги от этой панической капитуляции перед реформизмом, как Вельс поклялся в лояльности Гитлеру, а Лейпарт предложил фашизму сотрудничество и поддержку. *«Коммунисты были правы, — заявил немедленно Президиум ИККИ, — именуя социал-демократов социал-фашистами».* Эти люди всегда правы. Почему же за несколько дней до столь явного подтверждения теории социал-фашизма они сами отказались от нее? Хорошо, что никто не смеет задавать вождям затруднительных вопросов! Но и на этом злоключения не кончились: бюрократия думает слишком медленно для нынешнего темпа событий. Едва Президиум вернулся к пресловутому откровению: *«фашизм и социал-демократия — близнецы»*, как Гитлер произвел полный разгром свободных профсоюзов, арестовав попутно Лейпарта и К°. У братьев-близнецов оказались совсем не братские отношения.

Вместо того, чтоб брать реформизм, как историческую реальность, со всеми его интересами и противоречиями, со всеми его колебаниями вправо и влево, бюрократия Коминтерна оперирует жестяными шаблонами. Готовность Лейпарта ползать на четвереньках после поражения, приводится, как довод против единого фронта до поражения и для избежания поражения. Как будто политика боевых соглашений исходит из доблести реформистских вождей, а не из непримиримости между органами пролетарской демократии и бандами фашизма!

118 В августе 1932 года, когда Германия еще находилась под властью «социального генерала», который должен был обеспечить возвещенный Коминтерном союз Гитлера с Вельсом, мы писали: *«Все говорит за то,*

это треугольник Вельс-Шлейхер-Гитлер развалится прежде, чем успеет сложиться. Но может быть его сменит комбинация Гитлер-Вельс?.. Допустим, что социал-демократия, не пугаясь своих работих, решила бы продать свое толерирование Гитлеру. Но фашизм не нуждается в этом товаре: ему нужно не толерирование, а упразднение социал-демократии. Правительство Гитлера может осуществить свою задачу, только подавив сопротивление пролетариата и упразднив все возможные органы такого сопротивления. В этом историческая функция фашизма» («Единственный путь»).

Что реформисты, после поражения, были бы счастливы, если б Гитлер позволил им легально прозябать в ожидании лучших времен, в этом сомневаться нельзя. Но на беду их Гитлер понимает, — для него опыт Италии не прошел даром, — что рабочие организации, хотя бы вожди их и ходили в добровольно надетых на себя намордниках, при первом же политическом кризисе неминуемо вырастут в грозную опасность.

Доктор Лей, капрал нынешнего рабочего фронта, гораздо толковее, чем Президиум Коминтерна, определил взаимоотношения между так называемыми близнецами: «марксизм прикидывается мертвым, — говорил Лей 2 мая, — чтобы при благоприятной обстановке снова подняться... Нас хитрая лиса не обманет. Лужше мы его пристрелим, чем терпеть, чтоб он снова когда-нибудь поднялся. Лейпарты и Грассманы могут сколько угодно притворяться в преданности Гитлеру — лужше, если они посидят под замком... Мы выбиваем у марксистской свологи ее главное орудие из рук (профессиональные союзы) и отнимаем у нее таким образом последнюю возможность снова усилиться». Если б бюрократия Коминтерна не была так непогрешима и прислушивалась к критическим голосам, она не наделала бы новых ошибок между 22 марта, когда Лейпарт поклялся в верности Гитлеру, и 2 мая, когда Гитлер, несмотря на клятву, арестовал Лейпарта.

В сущности, вовсе не было надобности в такой «чистой» работе, как фашистское ограбление профсоюзов со взломом, чтоб опровергнуть теорию «социал-фашизма». Если б даже Гитлер счел, по соотношению сил, целесообразным временно и номинально допустить Лейпарта к руководству союзами, сделка не устраняла бы непримиримости основных интересов. Даже терпимые фашизмом реформисты будут с тоской вспоминать о жирном супе веймарской демократии; тем самым они — скрытые враги. Как можно не видеть, что интересы социал-демократии и фашизма непримиримы, когда даже самостоятельное существование Стальной каски немислимо в третьей империи? Муссолини довольно долго терпел социал-демократию и даже коммунистическую партию, чтоб тем беспощаднее разгромить их впоследствии. Голосование социал-демократических депутатов рейхстага за внешнюю политику Гитлера, покрывает эту партию новым бесчестием, но ни на йоту не улучшит ее собственной участи.

В качестве одной из важнейших причин победы фашизма, злополучные вожди ссылаются, — правда, по секрету, — на «гениальность» Гитлера, который все предусмотрел и ничего не упустил. Было бы сейчас бесплодным делом

подвергнуть задним числом критике фашистскую политику. Напомним только, что летом прошлого года Гитлер явно упустил высшую точку фашистского прибора. Но даже и грубая потеря темпа — гигантская ошибка! — не имела роковых последствий. Поджог рейхстага Герингом, как ни аляповато была выполнена эта провокация, дал, все же, нужный результат. То же приходится сказать о фашистской политике в целом: она привела к победе. Отрицать перевес фашистского руководства над руководством пролетариата, к несчастью, не приходится. Но только из неуместной скромности разбитые вожди умалчивают о своей собственной доле в победе Гитлера. Есть игра в шашки. Есть игра в поддавки. Особенность партии, которая разыгралась в Германии, состояла в том, что Гитлер играл в шашки, его противник — в поддавки. От Гитлера не требовалось политического гения. Стратегия врагов с избытком возмещала прорехи его собственной стратегии.

Л. Троцкий. 28 мая 1933 г.

«4-е августа»

Когда у людей нет ответа на главные доводы, они прячутся за второстепенные. Брандлеряны, как и сталинцы, вцепились ногтями в сопоставление 5 марта 1933 года с 4 августа 1914 года. Если оставить в стороне взрывы нравственного негодования и просто ругательства, то возражения сводятся к следующему: а) социал-демократия перебежала в 1914 году к правительству Вильгельма II; у сталинской бюрократии нет и намека на переход к правительству Гитлера; б) компартия продолжает работать, издавать, словом, бороться; было бы ошибочно «недооценивать» ее силы; в) и социал-демократия не погибла после 4 августа, а продолжала существовать и даже пришла к власти.

Ни одно историческое сравнение не годится, если его вывести за законные пределы. Мы очень хорошо знаем, что сталинская КПГ отличается от довоенной социал-демократии, и что 5 марта — и по характеру, и по последствиям — отличается от 4 августа. Нашим сравнением мы хотели лишь сказать: как партия Бебеля окончательно исчерпала свою прогрессивную миссию у порога войны, так КПГ исчерпала свою революционную роль у порога фашистской диктатуры. Усложнять эту аналогию не относящимися к делу соображениями, значит проявлять неспособность к конкретно-историческому, т.-е. диалектическому мышлению.

Ленин сравнивал брест-литовский мир с тильзитским миром. По этому поводу нетрудно привести, в виде возражения, десяток азбучных истин: со стороны Пруссии дело шло о национальной независимости; со стороны Советов дело шло о защите нового социального режима; там мир подписывала монархия; здесь — партия пролетариата и пр., и пр. Но все эти почтенные общие места ничего не говорят по существу интересующего нас вопроса. Брест-литовский мир мы вынуждены были подписать не для того, чтоб окончательно склониться пред врагом, а чтоб собраться с силами для борьбы за освобождение: в этом смысле можно было говорить о «тильзитском» мире.

Те же самые сталинцы и брандлерианцы восставали против аналогии между предфашистским режимом в Германии («президиальные» министерства) и бонапартизмом. Они перечисляли десятки черт, которыми режим Папена-Шлейхера отличался от классического бонапартизма, и игнорировали при этом ту основную черту, которая сближала их: эквilibрирование между двумя непримиримыми лагерями. Нет ничего хуже, когда мнимо-марксистская мысль самодовольно останавливается там, где вопрос только начинается. Вполне конкретная, точно ограниченная аналогия с бонапартизмом не только уясняет по новому роль последнего кабинета Джиолитти, лавировавшего между фашистами и социалистами, но и бросает яркий свет на нынешний переходный режим в Австрии. Сейчас можно уже смело говорить о **глубокой закономерности переходного «бонапартистского» периода между парламентаризмом и фашизмом**. Как раз пример Австрии показывает, какое огромное значение имеет (вернее, должно иметь) ясное разграничение между бонапартизмом и фашизмом для целей **практической политики**. Но формалистическая мысль, которая, вместо социального анализа, дает перечисление готовых признаков, отвергает совершенно конкретную и полную содержания аналогию во имя плоских шаблонов, которые ничему не научают. В наказание за это она, говоря словами русской поговорки, останавливается перед каждым новым историческим явлением, как баран перед новыми воротами.

«Социал-демократия после 4 августа не погибла». Хотят ли оппоненты сказать, что провозглашенный после 4 августа лозунг новой партии был ошибкой? Очевидно, нет. Но ведь именно об этом и идет речь. После 4 августа социал-демократия продолжала существовать, но уже как демократически-рабочая партия империалистской буржуазии. Ее историческая функция изменилась. Этим и оправдано было возникновение III Интернационала.

Хотят ли нам сказать, что КПГ, несмотря на катастрофу, навсегда убившую ее в сознании пролетариата, как революционную партию, будет тем не менее продолжать существовать, как массовая организация? Мы считаем такое предположение неправильным: оно строится на абстрактной, формальной аналогии с судьбой реформизма. Старая социал-демократия совмещала в себе элементы революционного радикализма с оппортунистической практикой. 4 августа окончательно очистило ее от революционных тенденций и тем позволило ей превратиться в консервативно-демократическую партию. Компартия поставила перед собой и перед массами революционную задачу, которая постоянно выдвигалась и подчеркивалась жестокой борьбой против социал-демократии. Именно в отношении этой своей задачи компартия оказалась в решающем испытании банкротом. Как революционная партия, она не возродится. Может ли она продолжать существовать в другом виде, с другой политической функцией? Если может, то не как массовая организация немецкого пролетариата, а как чистый тип агентуры сталинской бюрократии. Никакого иного политического места для нее не остается.

Уже на другой день после 5 марта можно и должно было формулировать этот прогноз на основании оценки катастрофы в связи с той политикой, которая к ней привела. Единственное сколько-нибудь законное возражение в те дни могло гласить: может быть партия все же спасется, если, под влиянием страшного потрясения, резко и круто изменит свою политику и свой режим, начав с честного и открытого разоблачения совершенных ошибок. Мы и тогда считали, на основании всего прошлого, что чуда критического пробуждения ждать нельзя; но что, если б оно даже произошло, оно не спасло бы компартию, как организацию: есть политические преступления, которые не прощаются. Но сегодня незачем гадать на эту тему: проверка произошла на деле. О критическом пробуждении официальной партии нет и речи. Наоборот, последние искры критической мысли растоптаны. Ничто так не свидетельствует о гибели КППГ, как-то обстоятельство, что на другой день после величайшего крушения она, вместо приступа к теоретическому освещению событий, все свои усилия направила на заметание следов, на инсинуации, клевету, травлю, преследования и пр.

Можно попытаться привести еще, в виде возражения, пример 1923 года, когда компартия также оказалась несостоятельной, но не погибла. Мы не отрицаем важности и поучительности этого примера; нужно только сделать из него правильные выводы. Во-первых, поражение 1923 года не идет, ни по своим размерам, ни по своим последствиям, ни в какое сравнение с катастрофой 1933 года; во-вторых, рабочий класс не забыл прошлого: партия ныне будет расплачиваться за все свои исторические преступления, в том числе и за капитуляцию 1923 года. Наконец, и это политически самое важное, КППГ устояла в 1923 году только ценою обновления всего своего руководящего аппарата. Вопрос не в том, был ли новый ЦК лучше или хуже старого, а в том, что Президиум Коминтерна оказался вынужден дать выход разочарованию и возмущению партии, бросив революционным рабочим на растерзание брандлеровский аппарат. Сейчас и такой маневр неосуществим: во-первых, аппарат совершенно отделился от масс и о перевыборах его не может быть и речи; во-вторых, Президиум Коминтерна слишком тесно связал себя с аппаратом Тельмана на глазах масс во время всей своей борьбы с оппозицией. То обстоятельство, что сталинская бюрократия отрицает не только свою вину в поражении, но и самый факт поражения, лишь отягощает ее вину и обрекает ее на бесславную гибель.

Сейчас дело может идти не о заведомо реакционной и утопической задаче поддержания независимого от масс аппарата, а о спасении лучших пролетарских элементов от безнадежности, отчаяния, индифферентизма и маразма. Этого никак нельзя достигнуть бессильными попытками внушить им надежду на чудо, невозможность которого будет обнаруживаться с каждым днем все осязательнее. Надо подвести честный баланс прошлому и направлять силы передовых рабочих на организацию большевистской партии на новой исторической ступени.

Л. Троцкий. Принкипо, 4 июня 1933 г.

Данцигский суд над троцкистами

За 12 дней до того, как в Москве судили мнимых «троцкистов»: Пятакова, Радека и др., фашисты в Данциге судили действительных троцкистов: доктора Якубовского и его девять единомышленников. Грандиозный московский процесс, взбудораживший весь мир, естественно, отвлек внимание от данцигского процесса. Большая мировая пресса почти ничего не говорила о расправе Гестапо над данцигскими революционерами. Между тем, данцигский процесс заслуживает внимания, как сам по себе, так и потому, что он освещает московский процесс, вернее сказать, просвечивает его насквозь.

Только в последние дни я получил от друзей номера фашистской газеты «Дер Данцигер Форпостен», с отчетом о судебном процессе, и нелегальные издания данцигской организации «троцкистов», именно их газету «Спартакус» и отдельные воззвания.

«После тщательных наблюдений и подготовки со стороны политическoй полиции — пишет „Дер Данцигер Форпостен“ от 9 декабря 1936 года — оказалось возможным несколько дней тому назад обнаружить коммунистическую тайную организацию „Спартакус“ и арестовать большую часть ее членов». Всего захвачено было около 60 человек. Преступники пытались, по словам полиции, «сделать свою организацию сборищем всех врагов государства. Они вели напряженную работу, выпускали листки, распространяли ввезенную из заграницы тайную литературу, собирали взносы и пр.». «Одно из руководящих в организации лиц посетило даже летом этого (1936) года в Норвегии Троцкого... До захвата тайной организации велась — весьма вероятно, герез польскую пошту — оживленная переписка с Троцким».

Уже в этих первых строках звучат знакомые мелодии: троцкистская организация, как *«скопище всех врагов государства»* (на этот раз — фашистского); поездка одного из руководителей к Троцкому, напоминающая «полет» Пятакова в Осло; оживленная переписка подсудимых с Троцким и получение от него «инструкций»... Похоже на то, как если бы обвинительный акт Вышинского, опубликованный полтора месяца спустя, строился по данцигскому образцу.

Из 60 арестованных суду предано было лишь 10 человек, в возрасте от 23 до 57 лет. Как поступили наци с остальными, неизвестно. В качестве вождя организации и главного обвиняемого назван доктор Франц Якубовский, германский подданный. Все остальные — граждане Данцига. *«Вождь троцкистской банды»*, гласит судебный отчет, дает краткое изложение своей революционной работы. В Данциге пользуются той же терминологией, что и в Москве: оппозиционная организация называется не иначе, как «бандой». 25-летний Якубовский в 1930 году стал марксистом, в 32-м году коммунистом, в 35-м году — троцкистом. Якубовский был близок с другим молодым марксистом, доктором Зигфрид Киссин, который, согласно обвинительному акту, и является лицом, посетившим Троцкого в Осло.

В своих воззваниях и в газете данцигские троцкисты, по словам обвинения, *«втаптывали в грязь все немецкое и, наоборот, возвеличивали Советскую Россию»*. При аресте у доктора Якубовского нашли *«не только негативные материалы, но также американские доллары и английские фунты»*. И в этой своей части обвинения Гестапо кажутся маленькой моделью обвинений ГПУ. Разница лишь та, что московские «троцкисты» втаптывали в грязь все советское и преклонялись пред фашизмом, а данцигские поступали наоборот. В то время, как Пятаков получал марки с немецких фирм, у Якубовского обнаружены доллары и фунты.

«Форпостен» от 12 января дает фотографический снимок суда во время речи прокурора, которого звали не Вышинский, а Гоффман. Зал, как говорит газета, ломился от публики. Обвиняемым вменяется в вину: клевета на государство, нарушение публичного мира, распространение ложных сведений, нарушение законов о печати, наконец, незаконное хранение оружия. Если данцигские троцкисты *«возвеличивали Советскую Россию»*, то они делали во всяком случае исключение для сталинского правосудия. Так, в особую вину Якубовскому вменяется то, что в его статье *«московский судебный спектакль сравнивается с процессом поджигателей Рейхстага»*. Прокурор (Гоффман, а не Вышинский) негодует по поводу этого *«удивительного сопоставления»*. Речи обвиняемых не приведены: они не каялись и не славили Гитлера, а излагали свои революционные взгляды.

Десять обвиняемых, в том числе две женщины, получили совместно тринадцать лет тюремного заключения, причем на долю Якубовского, для которого прокурор требовал пять лет каторжных работ, пришлось три года и три месяца тюрьмы. В судебном приговоре говорится, между прочим: *«Союз троцкистов должен рассматриваться, как коммунистическая организация; правда между троцкистами и остальными коммунистами существуют различия, однако, они касаются не*

миросозерцания, а только вопросов партийной тактики». В заключение председатель суда выразил сожаление по поводу того, что главный виновник, доктор Киссин, находится в Копенгагене, а не на скамье подсудимых. Данцигское правительство благоразумно воздержалось, конечно, от требования выдачи Киссина.

Большой интерес представляют издания «Спартакус-бунда», полностью обрисовывающие политическую физиономию организации. Мы слышали от Гестапо, что заговорщики пользовались «польской почтой» для пересылки материалов, в которых предавалось поруганию «все немецкое». Между тем, воззвание по поводу испанских событий начинается словами: *«Немецкое и польское фашистские правительства лицемерно провозгласили свой нейтралитет в испанской гражданской войне. В действительности они — постоянные поставщики оружия для испанских фашистов».*

Листок, призывающий портовых рабочих препятствовать всеми силами дальнейшей отправке оружия, подписан: *«Интернационалисты-коммунисты Германии. Данцигская группа (троцкисты)».* Таким образом, Спартакус-бунд рассматривает себя, как часть общегерманской организации троцкистов, той самой, которая, согласно Вышинскому, вступила в союз с Гестапо уже в 1932 году: союз троцкистов с Гестапо предшествовал, как известно, возникновению самой Гестапо!

Воззвание, посвященное крушению старых рабочих партий, говорит: *«Своей политикой они сами подготовили свою судьбу. Пока можно было, они внушали своим сторонникам иллюзии и удерживали их этим от борьбы против наци».* Руководители Спартакус-бунда не сеют иллюзий. *«Мы знаем, пишут они, что фашизм нелегко устранить; тяжелая и опасная, длительная и упорная нелегальная работа необходима, чтоб подготовить его падение... Помогайте нам при строительстве новой коммунистической партии, которая даст пролетариату революционное руководство. Помогайте нам при строительстве Четвертого Интернационала, который приведет мировую революцию к победе».*

Данцигские фашисты выдвинули лозунг: *«Данциг должен стать антибольшевицкой крепостью на немецком Востоке».* Согласно Вышинскому, троцкисты должны были бы составлять часть гарнизона этой крепости. Однако, они никак не хотят уложиться в эту схему. *«Не сотрудничество с буржуазией, — пишут они в своей газете, — а низвержение фашизма оружием пролетариата, такова задача данцигских антифашистов. Организация рабочих в предприятиях, в бюро безработных и на местах принудительного труда для сопротивления и активной борьбы против национал-социализма — таково единственное средство низвергнуть фашизм».*

Каково отношение данцигских троцкистов к защите СССР? *«Гитлер предлагает себя в качестве обер-Врангеля — пишет орган Спартакус-бунда — для империалистического крестового похода против Советского Союза... Сталин и его бюрократия представляют величайшую опасность для существования советской власти. Во внутренней политике они заменили господство пролетариата господством бюрократии; во внешней политике они предложили союз с буржуазией поддержке пролетариата».*

та. Но им не удалось еще уничтожить важнейшие социальные завоевания Октябрьской революции; частная собственность на средства производства все еще остается в России уничтоженной. **Защита Советской России остается поэтому безусловным долгом протариата**». Не забудем, что это пишется на территории Гитлера!

В августе 1936 года, за несколько дней до процесса Зиновьева-Каменева, данцигская группа сталинцев обратилась к Спартакус-бунду с предложением единого фронта. Но едва открылись переговоры, как разразился московский процесс. На другой же день данцигские сталинцы писали: «Связь с Гестапо не удивляет нас: ведь троцкистский филиал в Данциге давно уже является шпионским и провокаторским центром данцигской Гестапо». В малом масштабе мы видим здесь образец того разврата, который ГПУ вносит в ряды рабочего класса всего мира. «Если б мы были связаны с Гестапо, — ответили презрительно данцигские троцкисты, — то вы давно были бы уже в тюрьмах, ибо вы сами вели с нами переговоры». На самом деле в тюрьме оказались вскоре члены Спартакус-бунда!

Черты сходства между данцигским процессом и московским не должны, однако, скрывать от наших глаз их основное различие: данцигское обвинение было во всем основным правильно; московское — фальшиво с начала до конца. В Данциге были предъявлены неоспоримые вещественные доказательства, захваченные при арестах. Никакая революционная организация не может жить и действовать без программы и прессы. На своем скромном мимеографе данцигские троцкисты поддерживали связь между собою и с массами. Они не отрекались на суде ни от своих идей, ни от своих изданий. Они признавали свою солидарность со мною, как в своей печати, так и на суде. О каких-либо «покаяниях» отчет не говорит ни слова. На скамье подсудимых в Данциге сидели мои действительные единомышленники, а не враги, надевшие по приказу полиции, маску друзей.

На суде шла речь о поездке Киссина в Осло. Мы вспоминали при этом о «полете» Пятакова. Но дело в том, что Киссин действительно посетил меня в июле 1936 г. на пути из Данцига в Данию. Об этом визите сообщала тогда же норвежская печать: условия моей жизни исключают возможность тайных визитов.

Выдумкой является, правда, утверждение, будто я посылал в Данциг «инструкции»: о данцигской группе я узнал от Киссина за несколько дней до своего интернирования и ни в какой переписке с ней я не состоял. Но по существу дела это ничего не меняет. Нас связывала тесная идейная солидарность. Как показывают издания Спартакус-бунда, его молодые руководители и без моих «инструкций» хорошо разбирались в политических вопросах.

Фашистский прокурор не предъявил данцигским троцкистам обвинения в терроре, саботаже и шпионаже и не потребовал их голов. Объясняется это тем, что тоталитарный режим в Данциге еще молод, и общественное мнение самой правящей партии не подготовлено к таким мероприятиям. Сталин выступает сейчас воспитателем фашизма. ГПУ дает уроки Гестапо. Когда положение Гит-

лера станет еще более трудным, немецкие Вышинские будут рубить головы революционным рабочим по обвинению в терроре, саботаже и шпионаже. Семена московских подлогов, можно не сомневаться, не падут на камень. Но и семена, посеянные Спартакус-бундом, дадут в свое время революционные всходы.

Л. Т.

Бонапартизм, фашизм и война

Тов. Троцкий работал над этой статьей в день когда убийца нанес свой смертельный удар. Статья, вернее заметки, осталась в незаконченном и необработанном виде, без заглавия. Редакцией «Бюллетеня» внесены лишь абсолютно необходимые поправки. Все поправки редакции вынесены за квадратные скобки.

В своей очень претенциозной, очень путанной и неумной статье, Двайт Макдональд изображает дело так, будто для нас фашизм есть просто повторением бонапартизма. Большой вздор трудно придумать. Мы анализировали фашизм по мере его развития, на разных ступенях его развития, выдвигая на первый план то одну то другую его сторону. В фашизме есть элемент бонапартизма. Без этого элемента, именно без возвышения государственной власти над обществом в результате крайнего обострения классово-борьбы, фашизм был бы невозможен. Но мы с самого начала указывали, что дело идет, прежде всего, о бонапартизме эпохи империалистического заката, который качественно отличается от бонапартизма эпохи буржуазного подъема. На следующей стадии мы выделили чистый бонапартизм, как введение к фашистскому режиму. Ибо у чистого бонапартизма приближалась власть короля.

В Италии положение после войны сложилось глубоко революционное. Пролетариат имел полную возможность [овладеть властью]. [Буржуазия сперва надеялась предотвратить диктатуру пролетариата бонапартистским режимом с Джиолотти во главе. Но этот режим оказался неустойчивым и уступил место фашистским силам, набранным из рядов мелкой буржуазии]. [Подобным же образом] министерства Брюнинга, Шлейхера и президентство Гинденбурга в Германии, правительство Петэна во Франции, но все они оказались, или должны

оказаться, неустойчивыми. Для эпохи империалистского заката чисто бонапартистский бонапартизм совершенно недостаточен, империализму необходимо мобилизовать мелкую буржуазию и раздавить ее тяжестью пролетариат. Выполнить эту задачу империализм может лишь в том случае, если сам пролетариат обнаружит свою неспособность завоевать власть, а социальный кризис доводит мелкую буржуазию до состояния пароксизма.

Во Франции нет фашизма в подлинном смысле слова. Режим сенильного маршала Петэна представляет собой сенильную форму бонапартизма эпохи империалистского упадка. Но и этот режим оказался возможен лишь после того, как длительная радикализация французского рабочего класса, приведшая к революционному взрыву в июне 1936 г., не нашла революционного выхода. Второй и Третий Интернационал, реакционное шарлатанство Народных фронтов, обманули и деморализовали рабочий класс. После пяти лет пропаганды союза демократии и коллективной безопасности, после неожиданного перемещения Сталина в лагерь Гитлера, французский рабочий класс оказался застигнут врасплох. Война вызвала ужасающую дезориентацию и пассивное пораженчество, вернее индифферентизм безвыходности. Из этого сцепления обстоятельств возникла во-первых, беспримечная военная катастрофа, вслед за нею презренный режим Петэна.

Именно в виду того, что режим Петэна является сенильным бонапартизмом, он не заключает в себе никакой устойчивости и может быть опрокинут революционным восстанием масс гораздо скорее, чем фашистский режим.

Все эти черты фашизма мы анализировали каждую в отдельности и все в совокупности по мере того, как они проявлялись или выдвигались на первый план.

И теоретический анализ и богатейший исторический опыт последней четверти столетия показывают с одинаковой силой, что фашизм является каждый раз заключительным звеном определенного политического цикла, в состав которого входят: острейший кризис капиталистического общества; рост радикализации рабочего класса; рост симпатий к рабочему классу и жажда перемен в среде мелкой буржуазии города и деревни; крайняя растерянность крупной буржуазии; ее трусливое и предательское маневрирование с целью избежать революционной развязки; утомление пролетариата, растущая растерянность и индифферентизм; обострение социального кризиса; отчаяние мелкой буржуазии, готовность верить в чудеса; готовность к насильственным действиям; рост враждебности к пролетариату, который обманул ее ожидания. Таковы предпосылки быстрого формирования фашистской партии и ее победы.

Острота социального кризиса вырастает из того, что при нынешней концентрации средств производства, т. е. при монополизме трестов, закон ценности — рынок оказывается уже неспособен регулировать хозяйственные отношения. Государственное вмешательство становится абсолютной необходимостью (так как пролетариат). [Это вмешательство не может разрешить задачи пролетари-

ата, если пролетариат не захватит власти и не установит социалистического метода регулирования хозяйства].

Поскольку пролетариат на данной стадии оказался неспособен овладеть властью, империализм начинает своими методами регулировать хозяйство; политическим механизмом является фашистская партия, ставшая государственной властью. Производительные силы находятся в непримиримом противоречии не только с частной собственностью, но и с границами национального государства. Империализм и является выражением этого противоречия. Империалистский капитал пытается разрешить это противоречие путем расширения границ, захвата новых территорий и пр. Тоталитарное государство, подчиняющее все стороны хозяйственной, политической и культурной жизни финансовому капиталу, является орудием создания сверх-национального государства, империалистской империи, владычества над континентами, владычества над миром.

Нынешняя война, как не раз повторялось, является продолжением прошлой войны. Но продолжение не значит повторение. Продолжение значит по общему правилу развитие, углубление, обострение. Наша политика, политика революционного пролетариата в отношении к второй империалистской войне является продолжением политики, выработанной в прошлую империалистскую войну, главным образом под руководством Ленина. Но продолжение не значит повторение. Продолжение и здесь означает развитие, углубление и обострение.

В прошлую войну не только пролетариат в целом, но и его авангард и в известном смысле авангард этого авангарда оказались застигнуты врасплох. Выработка принципов революционной политики по отношению к войне началась, когда война была уже в полном разгаре и военная машина господствовала неограниченно. Через год после начала войны на Циммервальдской Конференции маленькое революционное меньшинство еще оказалось вынужденным приспособляться к центристскому большинству. Революционные элементы до Февральской революции и даже позже, чувствовали себя не как претенденты на власть, а как крайняя левая оппозиция. Даже Ленин отодвигал социалистическую революцию в более или менее отдаленное будущее. Он писал в Швейцарии:

«Мы старики может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» (стр. 357, том 19).

Эта политическая позиция крайнего левого крыла ярче всего сказалась на вопросе о защите отечества. Ленин в 1915 г. писал о революционных войнах, которые придется вести победоносному пролетариату. Но дело шло о неопределенной исторической перспективе, а не о задаче завтрашнего дня. В центре внимания революционного крыла стоял вопрос о защите капиталистического отечества. Революционеры отвечали на этот вопрос, разумеется, отрицательно. Это было вполне правильно. Но этот чисто отрицательный ответ служил основой для пропаганды, для воспитания кадров, но не мог овладеть массами, которые не хотели чужо-

го завоевателя. В России большевики составляли до войны 4/5 среди пролетарского авангарда, т. е. среди рабочих, которые участвовали в политической жизни (газеты, выборы и пр.) После Февральской революции неограниченное господство перешло в руки оборонцев, меньшевиков и социалистов-революционеров. Правда, в течение восьми месяцев большевики завоевали преобладающее большинство рабочих. Но решающую роль в этом завоевании играл не отказ от защиты буржуазного отечества, а лозунг — вся власть советам. Только этот революционный лозунг: критика империализма, его милитаризма, отказ от защиты буржуазной демократии и пр., никогда не могли бы завоевать на сторону большевиков подавляющего большинства народа. Во всех остальных воюющих странах, кроме России, революционное крыло к исходу войны все [еще выдвигало только отрицательные лозунги].

Вопрос о смене режима поставлен второй войной несравненно повелительнее, неотложнее, чем первой войной. Дело идет прежде всего о политическом режиме. Рабочие знают, что демократия везде терпит крах и, что им угрожает фашизм и в тех странах, где его еще нет. Буржуазия демократических стран естественно использует этот страх рабочих перед фашизмом, но с другой стороны несостоятельность демократий, их крушение, их безболезненное превращение в реакционные диктатуры, заставляет рабочих ставить перед собой проблему власти, делает их восприимчивыми к постановке проблемы власти.

Сейчас реакция господствует с такой силой, как еще, пожалуй, никогда в новейшей истории человечества. А было бы непростительной ошибкой видеть только реакцию. Исторический процесс противоречив. Под покровом официальной реакции происходят глубокие процессы в массах, которые накапливают опыт и становятся восприимчивы к новым политическим перспективам. Старая консервативная традиция демократического государства, которая была так могущественна еще в период прошлой империалистской войны, сейчас существует лишь, как крайне неустойчивый пережиток. Европейские рабочие имели накануне прошлой войны, свои могущественные по численности партии. Но в порядке дня стояли реформы, частные завоевания, а вовсе не завоевание власти. Американский рабочий класс и сейчас еще не имеет массовой партии. Но объективная обстановка и накопленный американскими рабочими опыт может поставить в очень короткий период вопрос о завоевании власти в порядок дня. Эту перспективу мы должны [положить] в основу своей агитации. Дело идет не о позиции лишь капиталистического милитаризма и не об отказе от защиты буржуазного отечества, а о непосредственной подготовке к завоеванию власти и к защите пролетарского отечества.

Совершенно очевидно, что в Соединенных Штатах, радикализация рабочего класса сделала только первые свои шаги, почти исключительно в области профессионального движения (С. И. О.). Предвоенный период, а затем война могут временно прервать процесс радикализации, особенно при условии поглощения значительного числа рабочих военной промышленностью. Но этот перерыв процесса радикализации не может длиться долго. Вторая стадия радикализации примет более ярко выраженный характер. В порядок дня встанет проблема

создания самостоятельной рабочей партии. Наши переходные требования завоевывают большую популярность. Наоборот, фашистские, реакционные тенденции ступают, перейдут в оборонительное положение, выжидая более благоприятного момента. Такова ближайшая перспектива. Гадать о том, удастся или не удастся создать сильную революционную руководительницу, совершенно недостойное занятие. Впереди благоприятная перспектива, дающая все права на революционный активизм. Надо использовать открывающиеся возможности и строить революционную партию.

При каждом разговоре на политические темы неизбежно всплывает вопрос: успеем ли мы создать к моменту кризиса достаточно сильную партию? не окажется ли фашизм впереди нас? не неизбежна ли фашистская стадия развития? Успехи фашизма легко заставляют людей терять перспективу, забывать реальные условия, сделавшие возможным усиление и победу фашизма. Между тем ясно понять эти условия представляет особенную важность для рабочих Соединенных Штатов. Можно установить, как исторический закон: фашизм побеждал только в тех странах, где консервативные рабочие партии мешали пролетариату использовать революционную ситуацию и захватить власть. В Германии дело идет о двух революционных ситуациях: 1918—1919 гг. и 1923—1924 гг. Еще и в 1929 г. возможна была непосредственная борьба пролетариата за власть. Во всех трех случаях социал-демократия и Коминтерн преступно и злостно срывали завоевание власти и тем поставили общество в безвыходное положение. Только в этих условиях, в этой обстановке оказался возможен бурный подъем фашизма и завоевание им власти.

Не окажутся ли во главе нового революционного подъема сталинцы и не погубят ли они революцию, как погубили ее в Испании, а раньше в Китае? Считать такую возможность исключенной, например, во Франции, разумеется, нельзя. Первая волна революции нередко, вернее сказать, всегда поднимает те «левые» партии, которые не успели себя окончательно скомпрометировать в предшествующий период и имеют за собой крупную внушительную политическую традицию. Так, Февральская революция подняла меньшевиков, социалистов-революционеров, которые накануне были противниками революции. Так, германская ноябрьская революция 1918 г. подняла к власти социал-демократов, которые были непримиримыми противниками революционного восстания.

11 лет тому назад, в статье, напечатанной в «Нью Републик» (22 мая 1929 г.) Троцкий писал: *«...Ни одна эпоха человеческой истории не насыщена так антагонизмами, как наша. Под невыносимым давлением классово и международной вражды „предохранители“ демократии „выгорают“. Отсюда коротко-замыкания диктатуры. Слабейшие „выключатели“, разумеется, поддаются первыми. Но размах внутренних и мировых противоречий не сокращается, а растет. Процесс пока охватил только периферию буржуазного мира, но ему едва ли предстоит улечься».*

Это было в тот период, когда вся буржуазная демократия всех стран считала, что фашизм возможен только в отсталых странах, не прошедших школы демократии. Редакция «Нью Републик», которой в тот период еще не

коснулась благодать ГПУ, сопровождала статью Троцкого своей собственной статьей. Статья так характерна для среднего американского филистера, что мы приведем из нее наиболее интересные цитаты. *«Ввиду его лигных негастий, сосланный русский вождь обнаруживает заметательную силу беспристрастного анализа, но это беспристрастие строгого марксиста, в котором, нам кажется, не достаает реалистического взгляда на историю, т. е. именно того, тем он гордится. Его мнение, что демократия — форма государства, пригодная только на хорошие времена, но неспособная выдержать гроз интернациональных или внутренних противорегий, поддерживается только (как он и сам признает) примерами взятыми из среды стран, где демократия сделала лишь самые слабые нагинания и где, вдобавок, индустриальная революция едва нагалась».*

Далее редакция «Нью Републик» отстраняет пример того, почему демократия Керенского в Советской России не выдержала испытания классовых противоречий и уступила место революционной перспективе. Журнал глубокомысленно пишет: *«Слабость Керенского была исторической слугайностью, тего Троцкий не может признать, ибо в его механической схеме ниному подобному нет места».*

Совершенно так же, как и Двайт Макдональд, «Нью Републик» обвиняла марксистов в неспособности реалистического понимания истории в результате их ортодоксального или механического подхода к политическим явлениям. «Нью Републик» считала, что фашизм есть продукт отсталости капитализма, а не его перезрелости. По мнению газеты, которое было мнением, повторяю, подавляющего большинства среднего демократического филистера, фашизм является уделом отсталых буржуазных стран. Мудрая редакция не дала себе труда подумать, почему в XIX столетии общее убеждение состояло в том, что отсталые страны должны развиваться по пути демократии. Во всяком случае в старых капиталистических странах демократия вступила в свои права, когда уровень их экономического развития был не выше, а ниже экономического развития современной Италии. Даже больше, в эту эпоху демократия представляла большую дорогу исторического развития, на которую все страны вступали одна за другой, отсталые страны вслед за более передовыми, а иногда и раньше их. Наша же эпоха крушения демократии, причем крушение начинается с более слабых звеньев, но распространяется постепенно на те, которые казались крепкими и несокрушимыми. Таким образом, ортодоксальный или механический, т. е. марксистский подход к событиям позволял предвидеть ход развития за много лет. Наоборот, реалистический подход «Нью Републик» представлял, подход слепого котенка. После своего критического отношения к марксизму «Нью Републик» подпала под влияние самой отвратительной карикатуры на марксизм, именно, сталинизма.

Истман пришел, извольте ли видеть, к выводу, что сосредоточение средств производства в руках государства опасно для его «свободы», и поэтому решил отказать от социализма. Этот анекдот заслуживает быть включенным в историю идеологии. Обобществление средств производства есть единственное решение хозяйственного вопроса на данной стадии развития человечества. Запозда-

ние с разрешением этого вопроса приводит к варварству фашизма. Все промежуточные решения, предпринимавшиеся буржуазией при содействии мелкой буржуазии, терпели жалкое и позорное крушение. Все это совершенно не интересует Истмана. Он увидел свою «свободу» угрожаемой с разных сторон (свободу путаницы, свободу индифферентизма, свободу пассивности, свободу литературного дилетантизма), и он немедленно решил принять свои меры: отказаться от социализма. Поразительное дело: это решение не оказало никакого влияния ни на Нью-йоркскую биржу, ни на политику тред-юнионов. Жизнь пошла своим чередом, как если бы Макс Истман оставался социалистом. Общие правила: чем бессильнее мелкобуржуазный радикал особенно в Соединенных Штатах, [тем крепче он держится за свою «свободу»].

Большинство филистеров новейшей формации основывают свои нападки на марксизм на том факте, что вопреки прогнозу Маркса вместо социализма пришел фашизм. Ничего не может быть тупее и вульгарнее такой критики. Маркс показал и доказал, что на известном уровне капитализма единственный выход для общества состоит в обобществлении средств производства, т. е. в социализме. Он показал также, что в виду классового строения общества только пролетариат может разрешить эту задачу в непримиримой революционной борьбе против буржуазии. Он показал далее, что пролетариат нуждается в революционной партии для выполнения этой задачи. Он всю свою жизнь, а с ним и за ним Энгельс, а после них Ленин вели непримиримую борьбу против тех черт пролетарских партий (социалистической партии), которые препятствовали разрешению революционной исторической задачи. Непримиримость борьбы Маркса, Энгельса и Ленина против оппортунизма с одной стороны, анархизма — с другой, показывает, что они отнюдь не недооценивали этой опасности. В чем состояла эта опасность? В том, что оппортунизм верхов рабочего класса, подверженных влиянию буржуазии, может помешать, замедлить, затруднить, отсрочить выполнение революционной задачи пролетариата. Именно это состояние общества мы сейчас и наблюдаем. Фашизм вовсе не пришел «вместо» социализма. Фашизм есть продолжение капитализма, попытка увековечить свое существование при помощи наиболее зверских и чудовищных мер. Капитализм получил возможность прибегнуть к фашизму только потому, что пролетариат не совершил своевременно социалистическую революцию. Пролетариат был парализован в выполнении своей задачи оппортунистическими партиями. Единственное, что можно сказать это то, что на пути революционного развития пролетариата оказалось больше препятствий, больше затруднений, больше этапов, чем предвидели основоположники научного социализма. Фашизм и серия империалистских войн являются той страшной школой, в которой пролетариату приходится освобождаться от мелкобуржуазных традиций и предрассудков, состряхивать с себя оппортунистические, демократические, авантюристские партии, выковывать и воспитывать революционный авангард и готовиться таким образом к разрешению задачи, вне которой нет и не может быть спасения развитию человечества.

Л. Д. Троцкий. Койоакан, 20 августа 1940 г.

Содержание

5 стр	<i>Предисловие</i>
10 стр	<i>Поворот Коминтерна и положение в Германии</i>
27 стр	<i>Против национал-коммунизма!</i>
45 стр	<i>Ключ к международному положению — в Германии</i>
59 стр	<i>В чем состоит ошибочность сегодняшней политики германской компартии?</i>
68 стр	<i>Бонапартизм и фашизм</i>
73 стр	<i>Немецкий бонапартизм</i>
78 стр	<i>Буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат</i>
83 стр	<i>Союз социал-демократии с фашизмом или борьба между ними?</i>
88 стр	<i>Перед решением</i>
97 стр	<i>Трагедия немецкого пролетариата</i>
106 стр	<i>Крушение германской компартии и задачи оппозиции</i>
114 стр	<i>Немецкая катастрофа</i>
121 стр	<i>«4-е августа»</i>
124 стр	<i>Данцигский суд над троцкистами</i>
129 стр	<i>Бонапартизм, фашизм и война</i>

Комитет за Рабочий Интернационал

КРИ (Комитет за Рабочий Интернационал) — международная социалистическая организация. Сражаясь против власти капитала, за демократическую плановую экономику и социалистическое общество, мы ведем борьбу в более чем 35 странах мира. КРИ призывает тех, кому близки идеи Маркса, Ленина и Троцкого, вступить в наши ряды. Если вы готовы участвовать в деятельности организации, заполните форму на нашем сайте

socialistworld.ru/join